

№ 1 (62)
2023

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А. В. Рябцев,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
И. В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

Е. Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, профессор;
А. М. Баранов,

д-р юрид. наук, профессор;
А. С. Бахта,

д-р юрид. наук, профессор;
С. С. Безруков,

д-р юрид. наук, доцент;

С. И. Давыдов,

д-р юрид. наук, доцент;

Н. Н. Егоров,

д-р юрид. наук, профессор;

С. М. Кузнецова,

канд. юрид. наук, доцент;

Ю. И. Кулешов,

д-р юрид. наук, профессор;

Н. Е. Мерецкий,

д-р юрид. наук, профессор;

Н. Г. Шурухнов,

д-р юрид. наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова

Компьютерная верстка
и дизайн
А. В. Ковалев, О. Ф. Вальченко

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовно-процессуальное право

Стельмах В. Ю. Место надзора за оперативно-розыскной деятельностью в системе отраслей прокурорского надзора / **5**

Макаренко М. А. Типология правовых моделей контрольно-надзорной деятельности в досудебных стадиях российского уголовного процесса / **13**

Лаврова О. Н., Лазаренко О. Н. Деятельность следователя в стадии возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном статьей 159³ УК РФ, а также типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования / **21**

Петухов Е. Н. Направления совершенствования средств обеспечения надлежащего исполнения общественных обязанностей присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве / **29**

Каац М. Э. Отдельные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности в Сирийской Арабской Республике / **35**

Уголовное право

Бархатова Е. Н. Об уголовно-правовом механизме противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / **41**

Шиманович Е. В. Смягчающие обстоятельства, касающиеся детей и близких родственников виновного: вопросы законодательства и практики его применения / **48**

Хайбрахманова Р. Р. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными / **55**

Исаченко Е. А. Влияние региональных факторов на трансграничную преступность / **59**

Уголовно-правовая политика

Грудинин Н. С. Уголовно-правовая статистика и структура преступности как факторы, определяющие содержание уголовно-правовой политики / **64**

Криминалистика

Мерецкий Н. Е. Применение криминалистической диагностики в методике расследования преступлений / **71**

Севостьянова С. О. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений, совершенных лицами, назначенными для производства экспертизы и дачи заключения / **78**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научной специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-77679 от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы отражают точку зрения автора, которая может не совпадать с мнением редколлегии. Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 31.03.2023.
Бум. офис. Формат 60×84 ¹/₈.
Усл. печ. л. 16,5.
Тираж 300 экз. (1-й завод: 1–50 экз.)
Заказ № 14.
Цена свободная.
Подписной индекс Т6554.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
Редакционно-издательский отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 92-02-59

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2023

Судебно-экспертная деятельность

Евстропов Д. А., Кондаков А. В., Нурушев А. А. Применение линейных методов оценки для сортировки следов ног человека в массиве данных / **84**

Бардаченко А. Н., Чулков И. А. 9-мм пистолет Beretta92FS как объект судебно-баллистического исследования / **93**

Донцов Д. Ю., Дубровских Е. С. Криминалистическое исследование следов гидроинструмента, используемого для вскрытия дверей / **100**

Китаев Е. В. Исследование функциональных признаков человека, отобразившихся при выполнении им ручных швейных швов / **107**

Краинский А. В. Исследование дорожек следов обуви людей, перенесших некоторые виды протезирования ног / **115**

Оперативно-розыскная деятельность

Батоев В. Б. Об использовании аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при противодействии преступности (оперативно-розыскной аспект) / **122**

Карпенко Н. А. Правовые последствия провокационных рисков, возникающих в деятельности оперативных подразделений при документировании экономических и коррупционных преступлений / **127**

Правоохранительные органы в борьбе с преступностью

Кобец П. Н., Никитенко И. В. Правовое обеспечение предупреждения трансграничной преступности в формате полицейского сотрудничества стран СНГ: ретроспективный анализ / **133**

Информация для авторов / 141

№ 1 (62)
2023

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher –
Far Eastern Law Institute of the
Ministry of Internal
Affairs of Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief

A. V. Ryabtsev,

*kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;*

Deputy Editor-in-Chief

I. V. Nikitenko,

Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary

E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:

E. Yu. Antonova,

Doctor of Law, Professor;

A. M. Baranov,

Doctor of Law, Professor;

A. S. Bakhta,

Doctor of Law, Professor;

S. S. Bezrukov,

Doctor of Law, Associate Professor;

S. I. Davydov,

Doctor of Law, Professor;

N. N. Egorov,

Doctor of Law, Professor;

S. M. Kuznetsova,

*kandidat nauk, degree in Law,
Associate Professor;*

Yu. I. Kuleshov,

Doctor of Law, Professor;

N. E. Meretskiy,

Doctor of Law, Professor;

N. G. Shurukhnov,

Doctor of Law, Professor

Managing editor

E. Yu. Kolobanova

Typesetting and design
A. V. Kovalev, O. F. Valchenko

CONTENTS

Criminal procedure law

Stelmakh V. Yu. The place of supervision of operational-search activities in the system of branches of prosecutors supervision / **5**

Makarenko M. A. Typology of legal models of control and supervisory activity in the pre-trial stages of russian criminal procedure / **13**

Lavrova O. N., Lazarenko O. N. The activity of the investigator at the stage of initiation of a criminal case on a crime under article 159³ of the Criminal code of the Russian Federation, as well as typical investigative situations developing at the initial stage of the investigation / **21**

Petukhov E. N. Directions for improving the means of ensuring the proper performance of public duties of jurors in criminal proceedings / **29**

Kaats M. E. Certain aspects of the implementation of criminal procedural activities in the Syrian Arab Republic / **35**

Criminal law

Barkhatova E. N. On the criminal law mechanism for counteracting the legalization (laundering) of funds or other property acquired as a result of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances / **41**

Shimanovich E. V. Mitigating circumstances concerning children and close relatives of the perpetrator: issues of legislation and practice of its application / **48**

Khaybrakhmanova R. R. Problems of qualifying cruelty to animals / **55**

Isachenko E. A. The Influence of regional factors on cross-border crime / **59**

Criminal law policy

Grudin N. S. Criminal law statistics and the structure of crime as factors determining the content of criminal law policy / **64**

Criminalistic

Meretskiy N. E. Application of forensic diagnostics in the methodology of crime investigation / **71**

Sevostyanova S. O. Features of conducting individual investigative actions in the investigation of crimes committed by persons appointed for the production of an examination and giving an opinion / **78**

Forensic expertise activity

Evstropov D. A., Kondakov A. V., Nurushev A. A. Application of linear estimation methods for sorting human footprints in a data array / **84**

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties

5.1.4. Criminal law sciences (legal juridical sciences)

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 31.03.2023.
Format 60×84 1/8. Size 16,5 printer sheets. Circulation 300 copies. (1–50 copies).
Order 14. Free price.
Subscription index T6554.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok,
Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 920–259

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023.

Bardachenko A. N., Chulkov I. A. 9mm pistol Beretta 92FS as an object of forensic ballistic investigation / **93**

Dontsov D. Yu., Dubrovskih E. S. Criminalistics examination of traces formed by hydraulic equipment used to break doors / **100**

Kitaev E. V. The study of the functional characteristics of a person displayed when performing manual sewing stitches / **107**

Krainskii A. V. Investigation of shoe tracks of people who have undergone some types of prosthetics of legs / **115**

Operative search activity

Batoev V. B. About the use of the hardware and software complex “Safe city” in countering crime (operational-investigative aspect) / **122**

Karpenko N. A. Legal consequences of provocative risks arising in the activities of operational units in documenting economic and corruption crimes / **127**

Law enforcement agencies in the fight against crime

Kobets P. N., Nikitenko I. V. Legal support for the prevention of cross-border crime in the format of police cooperation in the CIS-countries: retrospective analysis / **133**

Information for authors / 141

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62).
С. 5–12.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
1(62):5–12.
Научная статья
УДК 343.1

МЕСТО НАДЗОРА ЗА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В СИСТЕМЕ ОТРАСЛЕЙ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Владимир Юрьевич Стельмах

Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург,
vlstelmah@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется место надзора за оперативно-розыскной деятельностью в системе отраслей прокурорского надзора. Отмечается краткость законодательного регулирования надзора за ОРД. Обращается внимание на то, что хотя закон практически не разделяет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и надзор за оперативно-розыскной деятельностью, отличия между ними весьма существенны. С учетом изложенных обстоятельств предлагается считать надзор за ОРД подотраслью надзора за процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью.

Ключевые слова: прокурорский надзор, отрасль прокурорского надзора, предварительное расследование, процессуальная деятельность, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Место надзора за оперативно-розыскной деятельностью в системе отраслей прокурорского надзора // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 5–12.

Original article

THE PLACE OF SUPERVISION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF BRANCHES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION

Vladimir Yu. Stelmakh

Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg
vlstelmah@mail.ru

© Стельмах В. Ю., 2023

Abstract. The article analyzes the place of supervision of operational-search activities (OSA) in the system of branches of prosecutor's supervision. The brevity of the legislative regulation of the supervision of the OSA is noted. Attention is drawn to the fact that although the law practically does not share the supervision of the procedural activities of the preliminary investigation bodies and the operational-search activities, the differences between them are very significant. Taking into account the circumstances set forth, it is proposed to consider the supervision of the OSA as a sub-branch of supervision of procedural and operational-search activities.

Keywords: prosecutor's supervision, branch of prosecutor's supervision, preliminary investigation, procedural activities, operational-search activities

For citation: Stelmakh V. Yu. The place of supervision of operational investigative activities in the system of branches of prosecutorial supervision // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):5–12.

Оперативно-розыскная деятельность находится в сфере прокурорского надзора. Вместе с тем нормативная регламентация прокурорского надзора за ОРД весьма специфична. По сути, нет ни одного нормативного акта (как законодательного, так и подзаконного), в котором был бы сформулирован перечень полномочий прокурора и названы акты прокурорского реагирования. Надзор за ОРД объединен в одну отрасль с надзором за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Близость указанных видов правоприменительной деятельности делает такое объединение вполне обоснованным, однако нельзя не учитывать специфику указанных направлений прокурорского надзора. Целесообразно провести определенную дифференциацию в рамках названной отрасли прокурорского надзора.

В 1992 г. в Российской Федерации впервые на законодательном уровне была урегулирована оперативно-розыскная деятельность. Принятие федерального закона, регламентирующего ОРД, стало серьезным показателем демократичности и правового характера Российского государства. Следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность допускается во всех без исключения демократических государствах и ее существование само по себе отнюдь не противоречит демократии. Необходимо учитывать, что до 1992 г. ОРД в СССР и в Российской Федерации регулировалась ведомственными нормативными актами, которые, несмотря на закрытый характер, всегда содержали требования о соблюдении в ходе оперативно-розыскных мероприятий прав граждан, недопустимости провокации преступлений, совершения иных нарушений законности оперативными сотрудниками. Вместе с тем вывод нормативной регламентации ОРД на уровень федерального закона позволил сделать ее максимально возможно прозрачной и подконтрольной. Впервые на столь высоком уровне были закреплены основополагающие положения: цели, задачи, принципы осуществления оперативно-розыскной деятельности. Важнейшее значение имело формулирование исчерпывающих перечней органов, полномочных осуществлять ОРД, и оперативно-розыскных мероприятий.

Оперативно-розыскная деятельность направлена на выявление и раскрытие преступлений, а также на решение некоторых иных предусмотренных федеральным законом задач, прямо не связанных с противодействием преступности. Такое целевое предназначение ОРД предопределяет то обстоятельство, что она, в отличие от уголовно-процессуальной деятельности, в силу прямого указания закона может осуществляться не только гласными, но также негласными либо зашифрованными способами (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). В противном случае, без широкого использования элементов конспирации, конфиденциальности и негласности, оперативно-розыскная деятельность не обеспечивала бы достижения поставленных целей. Соответственно, в ходе ОРД происходит внедрение в сферу личной жизни граждан и ограничение их конституционных прав, в том числе на тайну переписки и неприкосновенность жилища. Поскольку оперативно-розыскные мероприятия нередко осуществляются негласно, то у гражданина отсутствуют механизмы немедленного реагирования на ограничение своих прав, присущие уголовно-процессуальной

деятельности. Данное обстоятельство особенно актуализирует необходимость осуществления эффективного прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью [1, с. 7; 2, с. 151–152]. С учетом отмеченной специфики ОРД именно эффективность прокурорского надзора призвана служить важнейшим компенсирующим механизмом обеспечения прав человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, всемерно нейтрализовать риски, вызванные негласным характером проведения ОРМ [3, с. 67–68].

По смыслу закона, прокурорский надзор как вид государственной деятельности преследует цель выявления любых нарушений всех до единого федеральных законов (ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). В свою очередь, это положение предопределяет необходимость осуществления прокурорского надзора за специальными государственными органами, на которые возлагаются обязанности по борьбе с преступностью.

С одной стороны, преступление является наиболее тяжким правонарушением, обладающим свойством общественной опасности, поэтому в рамках уголовного судопроизводства прокурор в своей деятельности органически сочетает две самостоятельные, но тесно связанные функции: 1) надзор за соблюдением законности органами предварительного расследования; 2) осуществление уголовного преследования непосредственно прокурором. Обеспечение законности в деятельности органов следствия и дознания – это одновременно и борьба с преступлениями как самыми опасными нарушениями закона. Прокурор обязан добиваться того, чтобы каждое преступление было раскрыто, а действия виновных дана надлежащая правовая оценка.

С другой стороны, восстановление законности, нарушенной фактом совершения преступления, должно также производиться законными методами и в предусмотренных законом формах. Поэтому к задачам прокуратуры относится надзор за деятельностью государственных органов и их должностных лиц, уполномоченных на раскрытие и расследование преступлений. Выход данных органов за рамки предусмотренных законом полномочий обуславливает наступление различных негативных последствий не только формально-правового, но и социально-политического характера. Во-первых, бездеятельность приводит к тому, что преступление остается нераскрытым. Во-вторых, незаконная деятельность правоприменительных органов может обусловить привлечение к уголовной ответственности невиновного лица, что фактически влечет незаконное освобождение действительного виновного от ответственности и назначения справедливого наказания. В-третьих, нарушение правил и порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий приводит как к необоснованному ущемлению базовых прав граждан, так и невозможности использования полученной информации в уголовно-процессуальном доказывании. В результате дискредитируется государственная власть в целом, с одной стороны, как не способная выявить обстоятельства совершения преступления и тем самым не выполняющая правоохранительную функцию, а с другой стороны, как не гарантирующая соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Надзор за соблюдением законности носит публично-правовой характер и осуществляется прокурором от имени государства. Добиваясь соблюдения закона и устранения последствий его нарушения, прокурор действует не только в интересах конкретного пострадавшего, но и в интересах государства и общества в целом, предотвращая возможные нарушения законности в отношении всех других лиц, которые могут произойти, если допущенные отклонения от требований закона останутся без официального реагирования.

Прокурорский надзор, будучи единым, вместе с тем подразделяется на самостоятельные направления, которые в науке традиционно именуются отраслями. Вопрос о количестве отраслей прокурорского надзора, предмете и иных специфических характеристиках каждой из них является дискуссионным и представляет тему отдельного исследования, в настоящей работе будет выдерживаться наиболее распространенный подход, основанный на структуре Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Исходя из этого,

выделяются следующие отрасли прокурорского надзора: а) общий (за исполнением законов); б) за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; в) за исполнением законов органами предварительного расследования и ОРД; г) за исполнением законов судебными приставами; д) за исполнением законов органами, исполняющими уголовные наказания [4, с. 47–50].

Таким образом, Федеральными законами «О прокуратуре Российской Федерации» и «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено, что ОРД находится в сфере прокурорского надзора. Вместе с тем в данных законах регламентация надзора за ОРД крайне лаконична, не установлены объем надзорных полномочий прокурора и средства прокурорского надзора, не зафиксированы присущие данному направлению деятельности прокуратуры акты реагирования.

К сожалению, этим вопросам не уделяется должного внимания и в науке. Многие важные аспекты осуществления прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью исследовались как теоретиками [5; 6], так и практическими сотрудниками органов прокуратуры [7], однако в этих работах анализируются либо самые общие положения, относящиеся к природе данного направления прокурорского надзора, либо, напротив, отдельные частные вопросы, касающиеся роли прокурора в обеспечении законности проведения оперативно-розыскных мероприятий, представления результатов ОРД органу предварительного расследования, использования материалов оперативно-розыскной деятельности государственным обвинителем в ходе судебного заседания. Эти проблемы, несомненно, имеют большое практическое значение, однако при их изучении не в полной мере разрабатывались такие базовые вопросы, как объем надзорных полномочий прокурора в сфере ОРД, конкретные меры прокурорского реагирования по выявлению и устранению обнаруженных нарушений.

Отрасль прокурорского надзора характеризуется следующими признаками: предмет, метод, задачи, а отчасти – поднадзорные субъекты, правовые средства, полномочия прокурора (в том числе акты прокурорского реагирования). При этом правовые средства, полномочия и акты реагирования могут быть как общими для нескольких отраслей (например, для общего надзора и надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина), так и несколько различаться в пределах одной отрасли в зависимости от поднадзорных субъектов (например, применительно к надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания).

Нормы, посвященные надзору за ОРД, помещены в гл. 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», которая называется «Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие». Именно эти обстоятельства (наименование главы и консолидация в ней норм, относящихся к осуществлению надзора за обоими указанными видами деятельности) приводит ученых к обоснованному выводу о том, что в настоящее время надзор за процессуальной деятельностью следственных органов и за оперативно-розыскной деятельностью объединены в одну отрасль. Такое объединение логично в том смысле, что и предварительное расследование, и ОРД в целом направлены на достижение единого результата. Как справедливо указывает И. А. Одношвин, «в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности создаются предпосылки и условия для начала уголовного преследования, тем самым последовательно решаются задачи обнаружения и раскрытия преступления, выявления виновных и обоснования их ответственности» [8, с. 191]. По большому счету, оперативно-розыскная деятельность, проводимая для противодействия преступлениям, должна завершаться не только получением значимых сведений, но и обеспечивать принципиальную возможность использования соответствующей информации в уголовно-процессуальном доказывании, чтобы на основе данной информации могли приниматься решения по уголовному делу.

При этом, как было отмечено, оперативно-розыскная деятельность преследует некоторые цели, не связанные напрямую с противодействием преступности, результаты ОРД

в таких случаях не имеют значимости для уголовного судопроизводства, поскольку полученные в рамках ОРД сведения не выступают основанием для возбуждения уголовного дела и не используются в доказывании.

Кроме того, в остальных аспектах между надзором за деятельностью органов предварительного расследования и надзором за оперативно-розыскной деятельностью имеются существенные различия, прежде всего в порядке и формах осуществления, правовых средствах и актах прокурорского реагирования. Поэтому полное слияние надзора за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью методологически неоправданно, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [9, с. 92; 10, с. 7].

Прокурорский надзор, независимо от отрасли, характеризуется властными полномочиями в том смысле, что решения прокурора обязательны для рассмотрения. Вместе с тем, по общему правилу, при осуществлении надзора прокурор не вправе непосредственно отменять акты поднадзорных субъектов, а также давать им обязательные для исполнения указания. Иными словами, большинство отраслей прокурорского надзора характеризуется отсутствием у прокурора распорядительных полномочий, за исключением требований о представлении необходимых сведений, беспрепятственного допуска прокурора на объекты и т. п. Властные полномочия прокурора, если они имеются, четко указываются в законе.

Действующее законодательство не наделяет прокурора распорядительными полномочиями в таких широчайших по объему отраслях надзора, как общий надзор и надзор за соблюдением прав граждан. Отсутствие таких полномочий вытекает из законодательного запрета подмены прокурором иных государственных органов при осуществлении ими своей законной деятельности (ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). Иными словами, если бы прокурор был вправе самостоятельно отменять незаконные, с его точки зрения, решения тех или иных субъектов, то его действия являлись бы не надзором, а непосредственным управлением, что противоречит доминирующим представлениям о месте прокуратуры в системе государственных органов как надзорного субъекта.

Властно-распорядительные полномочия прокурора присутствуют только в сфере надзора за процессуальной деятельностью следственных органов (эти полномочия закреплены в УПК РФ, а также за законностью содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в соответствующих учреждениях (зафиксированы в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и в УИК РФ).

Такая дифференциация характера полномочий прокурора объясняется содержанием тех правоотношений, за которыми осуществляется надзор в рамках названных отраслей. Общий надзор и надзор за соблюдением прав человека включают в себя деятельность по отслеживанию соблюдения огромного массива законов. Нарушения, допускаемые в этих сферах, изначально не считаются преступлениями (хотя, разумеется, в ходе общеназорных прокурорских проверок могут быть выявлены факты совершения преступных деяний). Соответственно, прокурор призван реагировать на выявляемые нарушения, не вторгаясь в служебную и хозяйственную деятельность соответствующих субъектов и не ограничивая ее самостоятельность. Поэтому в данных отраслях существует особая система правовых средств прокурорского надзора, в том числе актов прокурорского реагирования. Основным из них является представление, то есть информирующий акт, который обязателен для рассмотрения, однако не должен содержать перечня конкретных, строго обязательных для поднадзорного субъекта действий.

Надзор за исполнением законов учреждениями, исполняющими наказания, связан в том числе с проверкой законности применения к спецконтингенту, содержащемуся в соответствующих учреждениях, специфических «режимных» ограничений, прежде всего особых взысканий и наказаний, которые невозможно применить к лицам, находящимся на свободе (например, помещение в карцер, в штрафной или дисциплинарный изолятор и т. п.). Очевидно, что эти ограничения носят весьма жесткий характер, и при этом у лица, содержащегося

в условиях изоляции, крайне сужены возможности самостоятельной защиты своих прав. Поэтому вмешательство прокурора – если не единственное, то очень ограниченное средство своевременного и эффективного восстановления нарушений законности. Исходя из этого, отсутствие в данной отрасли у прокурора властных полномочий резко снизит результативность не только собственно прокурорской деятельности, но уровня защиты прав граждан. Иными словами, принимая во внимание характер ограничений прав граждан, прокурор призван реагировать на незаконные ограничения незамедлительно, а не прибегая к длительным процедурам опосредованного воздействия на нарушителей закона, поскольку подобные процедуры с учетом специфики ситуации явно будут неэффективными.

Наделение прокурора властно-распорядительными полномочиями в ходе осуществления надзора за предварительным расследованием имеет несколько иную правовую природу. Прокурорский надзор за следственными органами и дознания осуществляется в процессуальных формах. Кроме надзора, в уголовном судопроизводстве прокурор также реализует функцию уголовного преследования. Сочетание этих факторов предопределяет необходимость наличия у прокурора значительных процессуальных полномочий. Иными словами, деятельность прокурора и органов расследования принципиально схожа и с социальной точки зрения направлена на достижение общего результата. Прокурор выступает одним из элементов механизма, призванного обеспечить полное раскрытие преступлений и привлечение всех виновных к уголовной ответственности. Не обсуждая корректность встречающихся в научной литературе формулировок типа «прокурор – хозяин уголовного дела», необходимо отметить, что прокурор действительно выступает в известном смысле процессуальным руководителем предварительного расследования, в решающей степени принимающим либо утверждающим ключевые решения. Это в полной мере распространяется на дознание, где именно прокурор либо принимает лично, либо согласовывает все важнейшие решения дознавателя, а также дает дознавателю обязательные для исполнения письменные указания и, наконец, утверждает итоговый документ, составляемый по результатам производства дознания – обвинительный акт (обвинительное постановление). Объем процессуальных полномочий прокурора по надзору за предварительным следствием значительно уже, однако за прокурором остается право утверждения обвинительного заключения, что предопределяет решающую роль прокурора при принятии главного на данной стадии уголовного процесса решения – направления дела в суд. Изучая уголовное дело, поступившее из органа предварительного расследования с обвинительным заключением, прокурор правомочен возратить дело на дополнительное расследование, сформулировав в своем решении обязательные для следствия и дознания указания о проведении конкретных процессуальных действий.

Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью существенно отличается от надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью осуществляется так называемыми «уполномоченными прокурорами» (ч. 2 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Уполномоченные прокуроры в обязательном порядке должны оформить допуск к государственной тайне, поскольку к таковой относятся сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (абз. 1, 3 п. 4 ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»).

В части 2 ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено, что документы, за правильностью и законностью составления которых осуществляется прокурорский надзор, подлежат представлению по требованию прокурора руководителями органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Закон не предусматривает

обязанности оперативно-розыскного органа представлять прокурору документы по факту назначения или проведения оперативно-розыскного мероприятия, как это имеет место при производстве процессуальных действий. Таким образом, прокурорский надзор за ОРД имеет только последующий, ретроспективный характер.

Существенно отличается и характер полномочий прокурора. Как было отмечено, прокурор в значительной степени выполняет функции процессуального руководства предварительным расследованием, поэтому обладает в указанной сфере многими властными полномочиями (отмена решений органов предварительного следствия и дознания, дача дознавателям обязательных для исполнения указаний, продление срока дознания, утверждение обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и т. п.). Прокурор обязан в стадии предварительного расследования в известном смысле направлять движение по уголовному делу, т. к. именно прокурор в суде по этому делу будет поддерживать государственное обвинение. С оперативно-розыскной деятельностью ситуация принципиально иная. В связи с негласным характером ОРД прокурор не может руководить ею и поэтому не должен надеяться большим объемом властно-распорядительных полномочий по отношению к оперативно-розыскному органу. Введение предварительного прокурорского надзора (прокурорского санкционирования) оперативно-розыскных мероприятий, что иногда предлагается в научной литературе [11, с. 7], также вряд ли целесообразно. Прокурор неизбежно превратится из субъекта, осуществляющего полноценный надзор, в непосредственного руководителя оперативно-розыскной деятельностью, будет связан позицией оперативно-розыскного органа, утратит объективность, что принципиально противоречит природе прокурорского надзора.

Полное размежевание надзора за процессуальной деятельностью и надзора за ОРД неверно прежде всего в силу глубокой связи указанных направлений деятельности правоприменительных органов, наличием у этих видов деятельности общих целей и, во многом, одинаковых задач, сходства в ряде случаев тех конкретных действий, которыми достигается требуемый результат. Поскольку взаимодействие уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности носит объективный характер, прокурорский надзор за ними также должен быть максимально сближен.

С учетом изложенного представляется, что в рамках единой отрасли прокурорского надзора (которую можно условно именовать «надзор за расследованием и ОРД» либо, в перспективе, «надзор за досудебным уголовным производством») целесообразно выделить две подотрасли: 1) надзор за процессуальной деятельностью следственных органов; 2) надзор за оперативно-розыскной деятельностью.

С одной стороны, вполне обоснованно утверждение о наличии у них единой «общей части», обусловленной единством целей и задач, а также значительным совпадением предмета прокурорского надзора, что особенно заметно проявляется при системном изучении прокурором материалов уголовных дел и дел оперативного учета (прежде всего оперативно-поисковых дел) для определения качества расследования и оперативного сопровождения уголовного дела. В силу отмеченных факторов полное разделение и обособление друг от друга надзора за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью противоречит объективной реальности, поскольку мера своеобразия и удельный вес общественных отношений, составляющих содержание надзора, не столь велики, и эти отношения правильнее оценивать в рамках единого комплекса.

С другой стороны, каждая из этих сфер прокурорского надзора представляет собой цельное системное образование, они характеризуются значительными отличиями в предмете надзора, поскольку уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные правоотношения далеко не идентичны. Соответственно, надзорные полномочия прокурора и акты прокурорского реагирования специфичны для каждой подотрасли.

Кроме того, надзор за уголовно-процессуальной деятельностью и за оперативно-розыскной деятельностью вполне соответствуют критериям подотрасли в том аспекте, что представляют собой укрупненные группы правовых норм, каждая из них объединяет в себе несколько институтов. Так, надзор за уголовно-процессуальной деятельностью включает в себя, в частности, надзор за законностью возбуждения уголовного дела, за производством следственных действий, за избранием и применением мер процессуального принуждения, за приостановлением и возобновлением расследования, за направлением уголовного дела в суд либо за прекращением уголовного дела. Надзор за оперативно-розыскной деятельностью имеет в своей структуре такие институты, как надзор за проведением оперативно-розыскных мероприятий, за ведением дел оперативного учета, за соблюдением прав граждан в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, выделение в рамках единой отрасли прокурорского надзора двух названных подотраслей позволит дифференцировать объем полномочий прокурора, средств и актов реагирования и в то же время обеспечит согласованное функционирование указанных направлений прокурорской деятельности. Развитие теоретических представлений в рамках исследования этих подотраслей может способствовать решению как правовых, так и организационных вопросов деятельности прокуратуры и поднадзорных субъектов.

Список источников

1. Литвинова И. В. Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. – 211 с.
2. Титов П. М. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной деятельностью // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 151–157.
3. Стельмах В. Ю., Титов П. М. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. – 344 с.
4. Винокуров А. Ю., Винокуров Ю. Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов / под общ. ред. А. Ю. Винокурова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2018. – 353 с.
5. Новиков Е. Ф. Нормативно-правовая основа соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 12. С. 49–52.
6. Тарасов А. М., Тарасов Ю. А. Субъекты государственного контроля за деятельностью МВД России // Российский следователь. 2018. № 5. С. 69–74.
7. Кожевников К. М. Организация прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью по делам коррупционной направленности // Законность. 2013. № 3. С. 6–9.
8. Одношвин И. А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и пределы его осуществления // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 191–198.
9. Гузова А. С. Некоторые проблемы соблюдения законности в оперативно-розыскной деятельности при реализации функции прокурорского надзора // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 89–92.
10. Серебрянникова М. В. Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. – 203 с.
11. Осипкин В. Н. Теоретические и организационно-методические проблемы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. – 199 с.

Информация об авторе

В. Ю. Стельмах – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уральского юридического института МВД России

Information about the author

V. Yu. Stelmakh – Doctor of Law, associate professor, professor of the Department of Criminal Procedure of the Ural Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 16.01.2023; accepted for publication 16.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 13–20.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):13–20.
Научная статья
УДК 343.1

ТИПОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ МОДЕЛЕЙ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Максим Анатольевич Макаренко

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург
lawonda@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа теоретических, исторических и нормативных источников в статье выделяется ряд правовых моделей контрольно-надзорной деятельности в досудебных стадиях российского уголовного процесса. Каждая из них обладает рядом характерных черт и особенностей, которые автор подвергает разносторонней оценке. Показано, что современная модель не является принципиально новой, обладает преемственностью, и решение многих проблем ее функционирования требуют обращения к имеющемуся опыту законодательства и практической деятельности.

Ключевые слова: процессуальный контроль, прокурорский надзор, процессуальное руководство, досудебное производство, прокурор, руководитель органа предварительного расследования, правовая модель.

Для цитирования: Макаренко М. А. Типология правовых моделей контрольно-надзорной деятельности в досудебных стадиях российского уголовного процесса // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 13–20.

Original article

TYPOLGY OF LEGAL MODELS OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITY IN THE PRE-TRIAL STAGES OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Maksim A. Makarenko

Saint Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Saint-Petersburg
lawonda@yandex.ru

Abstract. Several legal models of control and supervisory activity in the pre-trial stages of Russian criminal procedure are singled out in the article at the base of analysis of theoretical, historical and regulatory sources. Each of them has a number of characteristics and features subjected to evaluation by the author. It is shown that the modern model is not absolutely new and has a succession. So, addressing to existing experience of lawmaking and practical activity lets us to decide many of problems of its functioning.

Keywords: procedural control, prosecutor's supervision, procedural management, pre-trial proceedings, prosecutor, head of the preliminary investigation body, legal model

For citation: Makarenko M. A. Typology of legal models of control and supervisory activity in the pre-trial stages of russian criminal procedure // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):13–20.

© Макаренко М. А., 2023

Контрольно-надзорная деятельность в уголовном судопроизводстве представляет собой важнейшую, хотя и суплементарную, его составляющую, которая оказывает существенное влияние на основное производство, ведущееся по уголовным делам или материалам. В связи с этим ее исследование было и остается весьма актуальным и, как показывает практика, весьма значимым с прикладной точки зрения. Будучи достаточно сложным и при этом изменяющимся объектом, данная деятельность может быть подвергнута типологическому описанию и сопоставлению [1], позволяющим определить правовые модели ее функционирования в различные периоды своего развития. Каждый выделяемый тип обладает определенной совокупностью характеристик, которые подлежат сравнению и детальному анализу.

В истории российского права уголовное судопроизводство неоднократно подвергалось существенным преобразованиям, в рамках которых изменялся также и механизм контроля и надзора в досудебном его производстве. При этом одним из ключевых вопросов оставался баланс полномочий субъектов, осуществляющих эту деятельность, а также состав и характер направленных на их реализацию правовых средств. В связи с этим неизменно возникал и вопрос о процессуальной самостоятельности тех участников процесса, на которых возлагалось ведение основного производства по уголовному делу или материалу. Такого рода проблемы интересуют и современных процессуалистов, которые обращают свое внимание на несовершенство действующего законодательства, состояние практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Полагаем, что на данный момент образовалась наиболее сложная правовая модель контрольно-надзорной деятельности в досудебном производстве, которая содержит в себе элементы, известные российскому уголовному процессу различных исторических периодов. Оставляя в стороне судебный контроль, можно констатировать, что после реформирования в 2007 г. она может быть дифференцирована на две модели – консервативную и инновационную. В первой из них можно наблюдать преобладание прокурорской власти в осуществлении не только надзора за законностью, но и процессуального руководства в отношении органов дознания. Во второй же модели сохраняется минимально возможное надзорное влияние со стороны прокурора за производством следствия при наделении значительными полномочиями по процессуальному контролю и руководству за ним руководителя следственного органа. В итоге имеет место две экспериментальные модели, каждая из которых обладает своими преимуществами и недостатками.

Таким образом, в 2007 г. произошел основательный пересмотр концептуальных основ контрольно-надзорной деятельности в досудебных стадиях уголовного процесса, незадолго до этого сформулированной О. В. Химичевой [2]. Поэтому на данный момент видится весьма востребованной научная проработка положений новой концепции, базирующейся на достижениях теории уголовного процесса и 15-летнем опыте апробации нововведений в практической сфере, а также на детальном типологическом анализе тех правовых моделей, которые складывались в прошлом. Последнее подчеркивает ценность исследования механизмов контроля и надзора в досудебном уголовном судопроизводстве, которые складывались в разные периоды истории развития российского уголовно-процессуального права. В его рамках требуется сконцентрировать внимание на наиболее значимых характеристиках, отражающих прежде всего следующие проблемы: принадлежность полномочий как по контролю и надзору, так и процессуальному руководству органами предварительного расследования; баланс в контроле (надзоре) со стороны суда, прокурора и руководителей органов расследования; степень процессуальной самостоятельности следователей и дознавателей.

Проведенный анализ нормативных, исторических и научных источников позволил выделить следующие основные типы правовых моделей контрольно-надзорной деятельности в досудебном уголовном производстве России.

1. Правовые модели контрольно-надзорной деятельности, сложившиеся в период судебных реформ Петра I. Выделяют целых три таких модели – надведомственную, прокурорскую и административную [3, с. 12]. Первая из них сложилась в период функционирования учрежденных Петром I «майорских» следственных канцелярий, который продлился более 10 лет – с конца июня 1713 г. по январь 1724 г. [4]. Этой модели присуще: формирование стадии досудебного расследования, заканчивающегося составлением «приговора» (обвинительного документа); подчиненность руководителя каждой из канцелярий непосредственно главе государства, который им и поручал проведение следствия по конкретным уголовным делам; осуществление, при необходимости, непосредственного руководства и контроля над следствием со стороны главы государства; строгая специализация канцелярий на расследовании уголовных дел без примеси иных функциональных обязанностей; значительная процессуальная самостоятельность следственных органов; необходимость получения санкции военного суда на пытки в отношении младших офицеров, а в отношении лиц выше их званием и в отношении высокопоставленных служащих – санкции самого государя.

В июне 1722 г. впервые в истории России появляется прокурорское следствие – следственная канцелярия генерал-прокуратуры. Ее руководство было поручено императором генерал-прокурору П. И. Ягужинскому, который получил право распределения уголовных дел в рамках прокурорской системы. Так, в архивах сохранилось распоряжение последнего в адрес прокурора военной коллегии Е. И. Пашкова о расследовании уголовного дела фискала С. Ф. Попцова. Однако довольно скоро, уже в январе 1723 г., все дела прокурорской следственной канцелярии передаются в административные органы – коллегии, а «дело фискалов» – в розыскную контору нового судебного органа – Вышнего суда. Соответственно, следствие ставится как под судебный, так и под ведомственный контроль.

Следует отметить, что следственные канцелярии расследовали лишь наиболее крупные уголовные дела, к которым непосредственный интерес проявлял сам государь. Все же остальные преступления расследовались по старым правилам такими органами, как Тайная канцелярия, образованная по франко-голландскому образцу, а также Преображенский приказ и различного рода полицейские структуры – органы управления и розыска. Соответственно процессуальное руководство и контроль за их деятельностью базировались в основном на административном ресурсе, реализуемом в порядке чиновничьей подчиненности. Однако известно, что Петр I жестко контролировал эти административно-судебные органы, посещая их, участвуя в допросах, утверждая приговоры, порой непосредственно управлял ими [5, с. 60–61].

2. Правовые модели контрольно-надзорной деятельности в дореформенный период конца XVIII – первой половины XIX в. Преобладающий в этот период ведомственный процессуальный контроль перестал оправдывать себя, и возникает необходимость усиления и специализации прокурорского надзора за расследованием преступлений, не снабженного какими-либо особыми правовыми средствами в уголовном процессе. Соответствующие упоминания можно обнаружить в документах эпохи правления Екатерины II, в частности, в Учреждениях для управления губерний от 7 ноября 1775 г. [6, с. 59–66], а также в появившемся несколько позже циркуляре министра юстиции Российской империи от 22 сентября 1802 г. Уточняется предмет надзора, прокурорам и стряпчим вменяется в обязанность строго наблюдать за законностью применения мер принуждения и производством следственных действий, соблюдением сроков, объективностью и качеством производимых расследований. По «безгласным» делам (по жалобам частных лиц) прокуроры имели право возбуждать уголовное преследование [8, с. 51], однако им не предоставлялось каких-либо полномочий по процессуальному руководству органами расследования, хотя формально генерал-прокурор считался главой органа политического сыска – Тайной экспедиции.

Важным моментом является установление специализации в следственной работе с введением 29 августа 1808 г. должностей судебных приставов, которые определялись при полиции.

В Уставе благочиния (полицейском) вводится иерархия полицейских должностей [9, с. 18], которая формирует определенные правила ведения контроля и осуществления руководства за следственной деятельностью. Позднее принимается ряд документов, направленных на организационное совершенствование управления полицейскими органами, в том числе по вопросам контроля по такому направлению, как расследование преступлений.

В Своде законов Российской империи 1832 г. (кн. вторая т. 15 «Законы уголовные») предусматривается предварительное и формальное следствие, первое из которых в дальнейшем формируется в стадию классического дознания (до знания – значит до следствия), а второе – в стадию предварительного следствия [10, с. 151]. В связи с этим появляется и необходимость дифференциации контрольно-надзорной деятельности применительно к каждому этапу досудебного уголовного производства.

Таким образом, в рассматриваемый период функционирует переходная модель механизма контроля и надзора, которая меняется в попытках государственной власти повысить качество расследования преступлений. Она может быть характеризована следующими направлениями: принятие мер к совершенствованию организационной составляющей следственной деятельности; установление специальных надзорных полномочий прокурора по обеспечению законности в расследовании преступлений.

3. Правовая модель контрольно-надзорной деятельности, складывающаяся в рамках судебной реформы второй половины XIX в. В данный период произошло изменение самого типа уголовного судопроизводства на началах состязательности и равенства прав его участников. Ключевыми моментами в рассматриваемом нами контексте здесь явилось отделение следствия от полиции, а судебной власти – от власти административной. В качестве важнейшего принципа, получившего законодательное закрепление, явилась независимость судебного следователя, хотя на деле влияние на его деятельность со стороны администрации, прежде всего губернаторов, все же сохранялось [11, с. 9].

По Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. судебные следователи обладали процессуальной самостоятельностью, наделялись достаточно широкими полномочиями и даже имели право при несогласии с обвинительной властью, то есть с прокурором, не подчиняться его предложениям [12, с. 39] (например, в части задержания и ареста подозреваемого). Устав предписывал следователю быть полностью беспристрастным, обязывая его устанавливать как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и его оправдывающие. Однако его самостоятельность ограничивалась как судебным контролем, так и прокурорским надзором.

В целом сложившаяся тогда модель контрольно-надзорной деятельности в досудебном производстве по своей схеме во многом схожа с современной моделью. Об этом свидетельствует, в частности, то, что прокурор реализует лишь надзорные полномочия, проверяя следственную деятельность и, при необходимости, давая лишь предложения о проведении процессуальных действий при отсутствии у него права руководить процессуальной деятельностью следователя. Как представитель обвинительной власти он наделялся правом самостоятельного составления обвинительного акта – заключения о придании обвиняемого суду и мог требовать проведения дополнительного следствия или обратиться к доследованию, давать указания о его дополнении. Контроль же суда не ограничивался разрешением на производство тех или иных действий, когда их получение предусматривалось законом, а также рассмотрением жалоб на следователей, он распространялся и на вопросы прекращения уголовных дел, возобновления прекращенного следствия, разрешения отводов судебным следователям.

Напомним, что дознание рассматривалось в качестве стадии уголовного процесса, предшествующей предварительному следствию. Первоначальная проверка сообщений о преступлениях проводилась преимущественно полицейскими чинами, которые находились в исключительной подчиненности и непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей, предложения которых имели для них обязательный характер. К тому же прокурор мог прекратить производство дознания, провести его лично или через своих товарищей.

В 1871 г. проведение расследований по политическим делам возлагается на жандармов Отдельного корпуса, созданного по проекту графа А. Х. Бенкендорфа, получившему Высочайшее одобрение после восстания декабристов в Санкт-Петербурге. В июне 1826 г. он назначается шефом жандармов и главой III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В августе 1880 г. данный орган политического сыска входит в подчинение Департамента полиции МВД. Передача жандармам полномочий судебных следователей первоначально находит свое закрепление в нормах Устава уголовного судопроизводства путем установления порядка их действий по оказанию помощи общей полиции и прокурорскому надзору в борьбе с преступлениями. На практике большинство дознаний, проведенных жандармами по политическим делам, заканчивалось административными ссылками [13, с. 330]. Однако в июне 1904 г. материалы жандармского дознания по своему доказательственному значению приравниваются законом к материалам следствия.

Необходимо обратить внимание на то, что такие преобразования были продиктованы потребностями действительности и сопровождались стремлением компенсировать их последствия возложением на органы прокуратуры процессуального руководства за дознанием как формой предварительного расследования по политической категории уголовных дел. На начальном этапе прокуроры активно занимались данной работой, стараясь воспрепятствовать произволу и беззаконию со стороны жандармерии. Однако со временем такой надзор становился все более и более формальным, а с 1904 г. и вовсе ограничивался лишь сторонним наблюдением без необходимости личного присутствия прокурорских чинов в производстве следственных действий.

Как видим, введение судебной модели следственной деятельности исключило ведомственный процессуальный контроль и руководство, создало перспективные условия для обеспечения процессуальной самостоятельности в деятельности судебных следователей. Контроль со стороны суда и надзор со стороны прокуратуры выступали в качестве необходимых гарантий законности и соблюдения прав личности при расследовании преступлений. Появление же процессуального руководства прокурора в жандармском дознании обусловлено ничем иным как потребностью сгладить последствия контрреформ, перехода на репрессивный механизм подавления становившейся все более и более опасной для самодержавия политической преступности.

4. Правовые модели контрольно-надзорной деятельности постреволюционной эпохи. После революции изначально сложилось целых три таких модели: 1) вневедомственная, которая была представлена ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете народных комиссаров РСФСР; 2) судебная – следственные органы при судах и революционных трибуналах; 3) административная – в составе советской милиции [14, с. 41]. С упразднением в октябре 1917 г. прокуратуры вплоть до ее возрождения в 1922 г. прокурорский надзор за следственной деятельностью не осуществлялся.

В УПК РСФСР 1922 г. в условиях смешанной модели уголовного судопроизводства сохранялась достаточно широкой сфера судебного контроля за органами предварительного расследования. В частности, за судами оставалось право решать вопросы подследственности, передавать уголовные дела из одного следственного участка в другой, для того чтобы следствие было проведено более оперативно и полно. Однако в целом закон обеспечивал процессуальную независимость следователя как от суда, так и от прокурора. Но уже в Положении о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г., а затем и в новой редакции УПК РСФСР, закрепляются расширенные полномочия прокурора, в число которых включается право давать следователю обязательные для исполнения указания, что говорит о введении прокурорского руководства его процессуальной деятельностью. Лишь некоторые указания прокурора, согласно закону, следователь мог обжаловать в суд.

Как видим, происходила стремительная трансформация контрольно-надзорной деятельности в досудебном производстве путем сокращения сферы компетенции судебной власти с одновременным расширением полномочий прокурора. Знаменательно, что в 90-х гг. XX в. в условиях постсоветской России будет наблюдаться обратный процесс. В 2007 г. произойдет внедрение вневедомственной модели организации следствия, начало которой, как было показано выше, было положено еще в ходе царствования Петра Великого.

5. Прокурорская модель руководства следственной деятельностью. Наметившиеся уже в 1922 г. тенденции к расширению власти прокуратуры в досудебных стадиях уголовного процесса привели к обсуждению вопроса о создании в системе ее органов собственного следственного аппарата. Такое преобразование произошло в апреле-сентябре 1928 г., а в 1933 г. прокуратура была полностью выведена из судебной системы [15]. Сложившаяся модель может быть охарактеризована следующими позициями: произошло соединение обвинительной и следственной власти; следственная деятельность приобрела надведомственный характер; прокурорский надзор за следствием перестал быть внешним, переродился в ведомственный контроль; введено руководство за следствием со стороны прокуратуры, как административное, так и процессуальное. Собственно, в репрессивные 30-е гг. XX столетия такая модель была вполне приемлемой и даже удобной для подавления врагов революции.

Идея сосредоточения всего следствия в прокуратуре была положена в основу УПК РСФСР 1960 г., но уже из других соображений. В те годы велась большая работа, направленная на исключение репрессивных начал из советского законодательства и в первую очередь из уголовно-процессуального. Однако уже в 1963 г. следственный аппарат создается в системе Министерства охраны общественного порядка (с ноября 1968 г. – Министерство внутренних дел). В первоначальной редакции УПК РСФСР подразумевается наличие у следователя процессуальной самостоятельности, но весьма относительной, значительно ограниченной прокурорской властью, а с учетом его дополнений в декабре 1965 г. – еще и контролем и процессуальным руководством со стороны нового участника процесса – начальника следственного отдела. Формируется двухуровневая модель контрольно-надзорной деятельности в досудебном производстве, которая, исходя из состава и характера процессуальных полномочий прокурора, в целом остается преимущественно прокурорской.

6. Постсоветская модель контрольно-надзорной деятельности. В Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г. проводится обширный анализ законодательства прошлого и практики его реализации, на основе которого выводится необходимость введения косвенного и прямого судебного контроля в досудебном уголовном производстве. В следующем году начинается внедрение этих форм на законодательном уровне. Предусматривается право обжалования решений и действий следователя в судебных органах, а несколько позднее механизм прокурорского санкционирования заменяется судебным контролем. Таким образом, спустя 70 лет в российском уголовном процессе возрождается судебный контроль в досудебном производстве [16, с. 148].

7. Современная модель контрольно-надзорной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Еще в советские годы учеными неоднократно поднимался вопрос о необходимости создания единого специализированного следственного органа. В 1990 г. был представлен пакет законопроектов о создании Следственного комитета РСФСР [17]. Данный вопрос многократно становился предметом дискуссий в научных кругах, не теряет он своей актуальности и в современных условиях.

В июне 2007 г. предпринимается решительный шаг, влекущий за собой реформирование не только следственной деятельности, но и контроля и прокурорского надзора, а также процессуального руководства за ее осуществлением. Получает свою реализацию одновременно целый ряд нововведений, нацеленных на следующие преобразования: создание вневедомственного специализированного следственного органа; исключение административного

и процессуального руководства обвинительной власти над властью следственной; отграничение функций надзора и уголовного преследования в досудебном производстве; исключение прокурорского руководства процессуальной деятельностью следователя (не дознавателя!); наделение следственных органов (не следователей!) значительной процессуальной самостоятельностью; соединение в лице руководителя следственного органа процессуальных и административных полномочий по контролю и руководству за деятельностью следователей. При этом, как уже отмечалась, сохраняется прокурорское руководство процессуальной деятельностью органов дознания и дознавателей. Наряду с этим оно дополняется новыми положениями о контроле над дознанием и руководстве дознанием со стороны начальников органов и подразделений дознания.

Приведенный типологический анализ контрольно-надзорной деятельности в досудебных стадиях уголовного процесса показывает, что ее совершенствованию уделялось особое внимание в различные периоды исторического развития. В результате происходило формирование разных правовых моделей ее осуществления, каждая из которых может быть охарактеризована совокупностью особых свойств. Во многом они были обусловлены складывающимися в государстве предпосылками и условиями, требующими тех или иных преобразований. Поэтому далеко не всегда они сочетались с теоретическими представлениями в стремлении удовлетворения практических потребностей.

Следует признать, что современная наука отмечает как положительные, так и проблемные стороны функционирования сложившегося на сегодняшний день механизма контроля и надзора за процессуальной деятельностью органов расследования. Изложенное выше позволяет говорить о том, что он не является чем-то принципиально новым, содержит в себе определенную историческую преемственность. Поиск же оптимальной модели его построения непременно требует адекватного анализа как допущенных в прошлом ошибок и недоработок, так и достижений в законотворческой работе и в практике реализации ее результатов.

Проведенное исследование показывает востребованность проведения глубоких научных изысканий правовых моделей контрольно-надзорной деятельности в досудебном уголовном судопроизводстве различных исторических периодов. Они должны быть нацелены на построение наиболее выверенного как с теоретической, так и с практической точки зрения механизма, позволяющего в полной мере обеспечить реализацию назначения и принципов уголовного судопроизводства. Их ценность также состоит в том, что они могут способствовать уточнению концептуальных основ контроля и надзора, «пролить свет» на многие обсуждаемые в научной среде проблемы, касающиеся в том числе их природы и юридической сущности, баланса возможностей осуществляющих данные функции субъектов и соотношения их функциональных обязанностей, правил построения правовых отношений между ними, допустимости дублирования полномочий и многих других актуальных вопросов.

Список источников

1. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/19/ma436616.htm?cmd=0&istext=1>.
2. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. – 402 с.
3. Серов Д. О. Фискальная служба и прокуратура России первой трети XVIII века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. – 50 с.
4. Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы российских следователей: князь Г. Д. Юсупов // Российский следователь. 2016. № 11. С. 51–56.
5. Карпенко С. В. Михаил Хрущев, Степан Шешковский и «преображение» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию // Новый исторический вестник. 2010. № 2 (24). С. 58–109.
6. Прокуратура Российской империи в документах, 1722–1917: хрестоматия / под. ред. Г. В. Штадлера. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: СПб юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2019. – 292 с.
7. Звягинцев А. Г. История российской прокуратуры 1722–2012. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 258 Кб. URL: <https://itexts.net/avtor-aleksandr-grigorevich-zvyagincev/48344-istoriya-rossiyskoj-prokuratury-17222012-aleksandr-zvyagincev/read/page-6.html>.

8. Еремин А. В. История отечественной прокуратуры: учеб. пособие. СПб.: СПб юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2018. – 136 с.
9. Рябченко А. Г. Правовой статус должностных лиц полиции, уполномоченных осуществлять дознавательно-следственную деятельность в Российской империи (конец XVIII – начало XX века) // Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 18–21.
10. Хмелева А. В. Предварительное следствие в России: ретроспективный взгляд // История государства и права. 2016. № 4 (113). С. 151–161.
11. Хоконова М. Р. Институт предварительного расследования по уголовным делам в российском законодательстве дореформенного периода XIX века (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. – 24 с.
12. Торбин Ю. Г. Становление и развитие процессуального статуса следователя в российском уголовном процессе // Военное право. 2018. № 3 (49). С. 37–47.
13. Краковский К. П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.
14. Торбин Ю. Г. Указ. соч.
15. Серов Д. О., Федоров А. В. Советское следствие: от судебной реформы 1922 г. до преобразований 1928–1929 гг. // Российский следователь. 2015. № 19. С. 49–55.
16. Устинов А. А. Генезис отечественного законодательства о судебном контроле за досудебным производством // Вестник Брянского государственного университета. 2020. № 2. С. 143–150.
17. История органов следствия России: хрестоматия для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / сост. А. К. Аверченко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 223 с.

Информация об авторе

М. А. Макаренко – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса

Information about of the author

M. A. Makarenko – kandidat nauk, degree in law, Associate Professor, Deputy Head of the Department

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 25.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 25.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 21–28.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):21–28.

Научная статья

УДК 343.1+343.98

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТ. 159³ УК РФ, А ТАКЖЕ ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

Оксана Николаевна Лаврова^{1,2}, Ольга Николаевна Лазаренко³

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва

² Международный юридический институт, Москва

^{1,2} ok.selednikova@rambler.ru

³ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Смоленск

o-nika@bk.ru

Аннотация. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, содержится в ст. 73 УПК РФ. Применительно к кражам с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ) следователю необходимо устанавливать все перечисленные обстоятельства, однако некоторые из них имеют наибольшее значение для решения вопроса о том, имеется ли основание для возбуждения уголовного дела, т. е. о наличии достаточных данных, свидетельствующих о признаках преступления. Авторами проанализированы обстоятельства, которые необходимо установить в стадии возбуждения уголовного дела по данному виду краж и исследованы типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования.

Ключевые слова: банковский счет, кража, проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, типичная следственная ситуация

Для цитирования: Лаврова О. Н., Лазаренко О. Н. Деятельность следователя в стадии возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 159³ УК РФ, а также типичные следственные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 21–28.

Original article

THE ACTIVITY OF THE INVESTIGATOR AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE ON A CRIME UNDER ARTICLE 159³ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, AS WELL AS TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS DEVELOPING AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION

Oksana N. Lavrova^{1,2}, Olga N. Lazarenko³

¹ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow

² International Law Institute, Moscow

^{1,2} ok.selednikova@rambler.ru

³ Smolensk Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Smolensk
o-nika@bk.ru

Abstract. The list of circumstances to be proved is contained in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. With regard to thefts from a bank account, as well as with respect to electronic money (in the absence of signs of a crime under Article 159³ of the Criminal Code of the Russian Federation), the investigator needs to establish all the listed circumstances, but some of them are of the greatest importance for deciding whether there is a basis for initiating a criminal case, i. e. the availability of sufficient data, evidence of signs of a crime. The authors analyzed the circumstances that need to be established at the stage of initiating a criminal case on this type of theft and investigated typical investigative situations of the initial stage of the investigation.

Keywords: bank account, theft, verification of a crime report, initiation of a criminal case, a typical investigative situation

For citation: Lavrova O. N., Lazarenko O. N. The activity of the investigator at the stage of initiation of a criminal case on a crime under article 159³ of the criminal code of the Russian Federation, as well as typical investigative situations developing at the initial stage of the investigation // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):21–28.

В ходе проверки сообщения о краже с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ) следователем в первую очередь должно быть установлено, имело ли место событие преступления, т. е. время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления. Всегда важно устанавливать, когда и где совершено преступление, поскольку это позволяет определить территориальную подсудственность, сделать вывод о том, может ли конкретное лицо быть причастно к совершению преступления, достигло ли оно возраста привлечения к уголовной ответственности.

В соответствии с п. 25.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», исходя из особенностей предмета и способа данного преступления местом его совершения является, как правило, место совершения лицом действий, направленных на незаконное изъятие денежных средств (например, место, в котором лицо с использованием чужой или поддельной платежной карты снимает наличные денежные средства через банкомат либо осуществляет путем безналичных расчетов оплату товаров или перевод денежных средств на другой счет).

Не менее важно установить виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы. В том случае, когда списание денежных средств с банковского счета осуществлено невиновно (например, вследствие сбоя в банковской программе, ошибочных действий банковских сотрудников), состав кражи отсутствует. Кроме того, необходимо установить наличие умысла на совершение хищения, а также корыстной цели.

В стадии возбуждения уголовного дела следует установить характер и размер вреда, причиненного преступлением. Это необходимо для того, чтобы определить, будет ли виновный подлежать уголовной ответственности или имеются признаки малозначительности деяния.

Все остальные обстоятельства, подлежащие доказыванию, указанные в ст. 73 УПК РФ, также достаточно важны, однако их установление в стадии возбуждения уголовного не всегда представляется необходимым, поскольку это не влияет на решение вопроса о возбуждении уголовного дела. Соответственно, деятельность по доказыванию данных обстоятельств может производиться в ходе предварительного следствия.

Если же те обстоятельства, которые мы отнесли к числу подлежащих установлению в обязательном порядке до возбуждения уголовного дела, будут свидетельствовать об отсутствии основания для возбуждения уголовного дела (например, будет отсутствовать событие преступления, виновность лица и т. д.), то нет необходимости устанавливать и иные обстоятельства. Следовательно, должно быть принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

В силу того обстоятельства, что кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ) является наименее изученным видом краж, представляется целесообразным рассмотреть вопрос об особенностях проведения следователем проверки по сообщению, поступившему по данному факту в правоохранительные органы, а также выявить основные проблемы, возникающие в данном случае.

Как правило, при расследовании уголовных дел о кражах с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ) поводами для возбуждения уголовного дела могут выступить:

- заявление лица, с банковского счета которого похитили денежные средства;
- заявление от сотрудника банка либо сотрудника торговой организации, выявившего факт хищения либо покушения на хищение с использованием платежной карты;
- сообщение из иных источников, оформленное рапортом об обнаружении признаков преступления (как правило, это имеет место при выявлении преступления в результате оперативно-розыскной деятельности) [1, с. 149].

Проверка по сообщению о преступлении может быть произведена лишь посредством тех инструментов, которые предоставлены следователю уголовно-процессуальным законодательством. В данном случае речь идет о ст. 144 УПК РФ, где законодатель четко перечислил те следственные и процессуальные действия, которые могут производиться до возбуждения уголовного дела.

По рассматриваемой категории преступлений прежде всего необходимо произвести опрос заявителя – лица, которое сообщает о том, что с его банковского счета похищены денежные средства. В ходе данного опроса надлежит выяснить:

- где в настоящее время находится платежная карта заявителя (у него, утрачена, находится у каких-либо иных лиц);
- кто мог воспользоваться его платежной картой;
- в каком месте он находился в момент проведения операции по карте (безналичного расчета либо снятия наличных);
- сообщал ли он кому-либо PIN-код карты?

Кроме того, при производстве проверки сообщения о преступлении необходимо изъять платежные документы, подтверждающие перевод, оплату, снятие наличных; видеозаписи с видеокамер банка, торгового помещения.

Следует учитывать, что на фото- или видеоизображении может быть запечатлено лицо, обладающее существенным сходством с заявителем (например, загримированное специально, чтобы не вызывать подозрений при сличении с паспортом).

Здесь необходимо обратить внимание на вопросы изъятия документов и предметов в ходе доследственной проверки.

Как следует из ст. 144 УПК РФ, оно допускается до возбуждения уголовного дела. Однако в данном случае отсутствует четкое понимание по поводу того, какое же следственное или процессуальное действие может произвести следователь. Такое процессуальное действие, как изъятие, уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено. По мнению некоторых исследователей, в данном случае речь идет о возможности получения тех или иных документов по запросу следователя с согласия руководителя следственного органа [2].

Однако с данной точкой зрения мы не можем согласиться по следующим основаниям: в соответствии со ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» справки по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, а также справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией при наличии согласия руководителя следственного органа – органам предварительного следствия по уголовным делам, находящимся в их производстве. Поскольку в рассматриваемой ситуации уголовное дело еще не возбуждено, направление запроса о предоставлении каких-либо документов следует рассматривать, скорее, в качестве средства истребования, а не изъятия документов.

Если более подробно анализировать ст. 144 УПК РФ, то можно обнаружить, что из всех следственных действий, которые законодатель разрешает производить до возбуждения уголовного дела, подходит только осмотр. Иные следственные действия, в ходе которых возможно производить изъятие предметов и документов – выемка и обыск – могут производиться только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

С нашей точки зрения, такая позиция законодателя, который фактически возможность изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела предусмотрел, но юридически ее не обеспечил, поскольку не указал, каким образом оно может производиться, затрудняет процесс производства проверки сообщения о преступлении. В данном случае представляется, что наиболее простым выходом из данной проблемы было бы разрешение производства выемки до возбуждения уголовного дела. Указание же на возможность производства изъятия необходимо из ст. 144 УПК РФ исключить, поскольку такое процессуальное действие законом не регламентировано.

Особо актуальным данное предложение является применительно к проверке сообщения о преступлении по факту хищения денежных средств с банковского счета, так как в настоящее время возникают проблемы получения информации, связанной с банковской тайной. В то же время, как показывает практика, необходимость получения данных сведений до возбуждения уголовного дела крайне важна, так как имеют место ситуации, когда снятие денег со счета является ошибкой банка, что не образует преступных действий, более того, могут иметь место ситуации, когда потерпевший забывает о том, что именно им проведена операция по перечислению денежных средств (например, в состоянии опьянения) и т. д. В настоящее время подобные случаи можно выявить только после того, как возбуждено уголовное дело и получены сведения из банковских организаций, и, соответственно, возникает необходимость принимать решение о прекращении уголовного дела. При этом существуют негативные аспекты:

– излишние временные и материальные затраты, связанные с производством предварительного расследования фактически отсутствующего события преступления;

– принятие решения о прекращении уголовного дела выступает негативным оценочным показателем деятельности органов предварительного расследования*.

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым расширять возможности производства проверки сообщения о преступлении, для того чтобы минимизировать случаи необоснованного возбуждения уголовного дела.

Проанализировав процессуальные средства проверки сообщения о преступлении, необходимо уделить внимание вопросу о том, какие типичные следственные ситуации могут иметь место на первоначальном этапе расследования краж с банковского счета. По данной проблеме имеется достаточно много научных исследований. Так, выделяют следующие типичные следственные ситуации:

– преступление совершено в условиях очевидности, известен характер деяния и обстоятельство, факт преступления выявлен потерпевшим, преступник известен и задержан.

Например: Р. увидел, что ему на телефон поступило сообщение о том, что с его карты произведено списание денежных средств за приобретенный товар в магазине «Бристоль» на сумму 6500 руб. Не обнаружив карты, а также паспорта, он понял, что ею мог воспользоваться его младший брат – несовершеннолетний И., который незадолго до этого заходил к нему в гости. Он пошел домой к И., но последний факт хищения отрицал, тогда Р. обратился в полицию. В ходе проверки было установлено, что И. действительно завладел платежной картой Р. и его паспортом, когда был у него в гостях, решив похитить с нее денежные средства для покупки спиртного и сигарет. В магазине «Бристоль» его попросили предъявить паспорт, чтобы подтвердить его возраст, он предоставил паспорт Р. и его карту, обманув таким образом продавца и похитив денежные средства Р**. В данном случае имеет место мошенничество, а не кража с банковского счета, так как имел место обман сотрудника торговой точки.

В рассматриваемой следственной ситуации надлежит установить мотивы совершения преступления, характер и размер причиненного вреда, определить основные направления поиска доказательств. В приведенном примере в ходе осмотра места происшествия была изъята видеозапись, произведен ее осмотр, в ходе которого установлено, что оплату картой Р. совершил И.; произведен допрос в качестве свидетеля продавца магазина; Р. допрошен в качестве потерпевшего; И. допрошен в качестве подозреваемого; у И. в квартире произведен обыск, в ходе которого обнаружены и изъяты платежная карта на имя Р. и паспорт последнего;

– известен способ совершения преступления, но его механизм в полном объеме не выявлен, преступник известен, но скрылся. В данном случае первоначальной задачей является розыск и задержание преступника;

– налицо только преступный результат, механизм же преступления и преступник неизвестны. Здесь в первую очередь требуется установить механизм и конкретный способ совершения преступления, на основе этого возможно выдвижение версий о личности преступника [3, с. 3].

А. П. Каракай предлагает следующую классификацию типичных следственных ситуаций [4, с. 233]:

- преступник обнаружен, задержан и полностью признает свою вину;
- похититель обнаружен, задержан, но вину не признает;
- похититель не обнаружен и не задержан.

Совершенно очевидно, что первая из указанных ситуаций максимально благоприятна для расследования, поскольку в данном случае, во-первых, виновное лицо установлено

* Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040 (ред. от 13.02.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 26.09.2020 № 1–73/2020. URL: // <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.10.2022).

на первоначальном этапе; во-вторых, оно готово сотрудничать со следствием; в-третьих, задача следователя заключается лишь в необходимости определить, каким образом могут быть получены необходимые доказательства вины, собрать и закрепить данные доказательства.

В данной следственной ситуации наиболее оптимальным является производство допросов потерпевшего, подозреваемого и свидетелей, осмотр места происшествия, производство следственных действий, назначенных на изъятие необходимых предметов и документов, содержащих сведения о совершенном хищении, производство необходимых экспертиз.

Вторая следственная ситуация – более сложная. Несмотря на то, что подозреваемый установлен, он оказывает противодействие расследованию. В связи с этим помимо тех следственных действий, которые производятся в первой ситуации, может быть произведена, например, очная ставка и др. При этом, производя следственные действия в рассматриваемой ситуации, надлежит учитывать, что подозреваемый дает ложные показания.

В третьей следственной ситуации деятельность следователя должна быть направлена на максимально возможное получение информации о способе хищения, следах действий преступника, установления его данных, места нахождения, для чего следует привлекать оперативные подразделения, направлять запросы провайдерам, операторам связи, администраторам сайтов, выходить в суд с ходатайствами о получении разрешений на производство ряда следственных действий.

Примерно такую же, но более подробную классификацию следственных ситуаций приводит А. И. Анапольская [5, с. 135].

В целом, говоря о действиях следователя на первоначальном этапе расследования краж с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ), необходимо обратить внимание на тот факт, что выдвижение различных следственных версий должно иметь под собой основу, а их проверка должна происходить параллельно, а не поочередно.

На данном этапе наиболее частой ошибкой является выдвижение версий, не имеющих под собой каких-либо реальных оснований, по принципу «чем больше, тем лучше». Отметим, что нередко следователи в таком случае в качестве версий выдвигают и слишком общие версии, которые шаблонно выдвигаются по каждому виду преступления. Например, «преступление могли совершить лица, ранее судимые за аналогичные преступления, проживающие в данном районе». Очевидно, что никакой смысловой нагрузки такая версия не несет, и проверка ее осуществлена не будет, что является еще одной распространенной ошибкой лиц, производящих расследование. То есть на первоначальном этапе расследования данного преступления важно не только выдвигать правильные версии, но и тактически грамотно проверять их.

Приведенные алгоритмы действий при совершении кражи с банковского счета, по нашему мнению, можно соблюдать в любом случае, вне зависимости от способа совершения преступления.

В том случае, если кража была совершена путем оплаты банковской картой, принадлежащей потерпевшему, в какой-либо торговой организации, алгоритм следственных действий несколько меняется. Так, необходимо:

- произвести осмотр торгового помещения, в частности, терминала оплаты;
- принять меры к изъятию кассового чека, подтверждающего операцию;
- установив точное время проведения операции (по чеку или из смс-сообщения, поступившего на телефон потерпевшего о списании у него денежных средств), принять меры к изъятию видеозаписи, на которой запечатлено лицо, производящее оплату картой;
- опросить работников торговой организации.

Пример раскрытия кражи с банковского счета: Б. распивал спиртные напитки совместно с Г., М. и О., при этом он рассказывал, что ему недавно на карту поступила пенсия, поэтому он и «гуляет». Через некоторое время Б. уснул, тогда М., воспользовавшись этим, решил

совершить хищение денежных средств с банковской карты Б. М. взял из кармана куртки Б. его банковскую карту, с помощью которой оплатил покупки в шести разных магазинах на сумму менее 1000 руб. в каждом, поскольку в данном случае отсутствовала необходимость введения PIN-кода. Затем М. вернулся в квартиру Б. и продолжил распивать спиртные напитки вместе со всеми. Б., проснувшись, обнаружил, что с его карты произошли списания на оплату покупок в магазинах, о чем ему на телефон поступили SMS, и обратился с заявлением в правоохранительные органы. Установление личности виновного было затруднено тем, что все лица, присутствующие в доме Б. находились в состоянии опьянения, свою причастность к совершению преступления все отрицали, сказать, кто в какое время выходил из квартиры Б. и возвращался в нее, не могли, поскольку все были в сильной степени алкогольного опьянения. В двух из шести магазинов удалось изъять видеозаписи с камер наблюдения, что и позволило установить факт совершения хищения М. денежных средств с банковского счета Б*.

Конечно, говоря об алгоритме следственных действий, производимых в каждой следственной ситуации, а также о возможных версиях, следует отметить, что приведенные перечни не могут рассматриваться в качестве исчерпывающих, поскольку разнообразие способов совершения преступления данного вида, следов, которые могут быть оставлены виновным, не позволяет вывести четкий и универсальный алгоритм следственных действий, который можно было бы применять в каждом случае, он неизменно модифицируется, дополняется в зависимости от обстоятельств совершения конкретного преступления. В каждом случае следователь должен творчески подходить к вопросу о составлении плана расследования конкретного преступления, с учетом предложенного алгоритма, который может быть взят за основу, а также с учетом криминалистических методик, выработанных следственной и судебной практикой.

Обратим внимание на тот факт, что в случае получения в ходе первоначального этапа расследования достаточных доказательств вины лица в совершении преступления, позволяющих привлечь его в качестве обвиняемого, можно считать первоначальный этап завершенным, дальнейшие следственные действия будут направлены на окончание предварительного расследования. Когда в полном объеме получить доказательства вины не удалось либо принятые меры не позволили установить лицо, совершившее преступление, необходимо выдвигать иные версии, вносить уточнения в план расследования.

В заключение отметим, что в ходе проверки сообщения о преступлении по факту кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ) следователю в обязательном порядке необходимо установить событие преступления, в том числе и способ его совершения, позволяющий отграничить кражу от мошенничества. До принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела надлежит установить характер и размер вреда, причиненного преступлением, вину лица в совершении преступления. Полагаем, что перечисленных обстоятельств достаточно для того, чтобы сделать вывод о наличии основания для возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. Мусьял И. А. Мошенничество с использованием платежных карт // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 147–152.
2. Халиков А. Собираение доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. № 12.
3. Лунева А. В., Клименко А. П. Алгоритм действий следователей на стадии возбуждения уголовного дела о хищении, совершенном бесконтактным способом путем использования дистанционного банковского обслуживания // Российский следователь. 2020. № 11. С. 3–6.

* Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 26.12.2018 № 1–89/2018/ URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

4. Каракай А. П. Особенности возбуждения уголовных дел по факту мошенничества в сфере компьютерной информации // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: мат-лы IV междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016. С. 233–235.
5. Анапольская А. И. Типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования мошенничеств с электронными счетами // Вестник Тамбовского университета. 2015. № 8 (148). С. 133–137.

Информация об авторах

О. Н. Лаврова – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института

О. Н. Лазаренко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Information about of the authors

O. N. Lavrova – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the International Law Institute

O. N. Lazarenko – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, head of the Department of Jurisprudence of the Smolensk Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 17.10.2022; одобрена после рецензирования 25.12.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted 17.10.2022; approved after reviewing 25.12.2022; accepted for publication 31.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 29–34.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):29–34.

Научная статья

УДК 343.161.1

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Евгений Николаевич Петухов

Алтайский государственный университет, Барнаул,

petuchove@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются обязанности участников уголовного судопроизводства, являющихся представителями общественности. Определяется их перечень. Раскрывается мотивация присяжных заседателей, побуждающая их надлежащим образом исполнять либо не исполнять возложенные на них законодателем обязанности. Устанавливаются факторы, влияющие на выбор их поведения при необходимости исполнения предписаний законодателя в виде обязанностей. Рассматриваются средства обеспечения надлежащего исполнения обязанностей данных субъектов. Определяется их эффективность и достаточность. Формулируются предложения о совершенствовании данных средств.

Ключевые слова: уголовный процесс, обязанности, средства обеспечения, присяжные заседатели

Для цитирования: Петухов Е. Н. Направления совершенствования средств обеспечения надлежащего исполнения общественных обязанностей присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 29–34.

Original article

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE MEANS OF ENSURING THE PROPER PERFORMANCE OF PUBLIC DUTIES OF JURORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Evgeny N. Petukhov

Altai State University, Barnaul

petuchove@mail.ru

Abstract. The article discusses the responsibilities of participants in criminal proceedings who are representatives of the public. Their list is determined. The motivation of jurors is revealed, prompting them to properly perform or not to perform the duties assigned to them by the legislator. The factors influencing the choice of their behavior when it is necessary to fulfill the requirements of the legislator in the form of duties are established. The means of ensuring the proper performance of the duties of these subjects are considered. Their effectiveness and sufficiency are determined. Proposals are formulated to improve these tools.

Keywords: criminal procedure, duties, means of support, jurors

For citation: Petukhov E. N. Directions for improving the means of ensuring the proper performance of public duties of jurors in criminal proceedings // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):29–34.

© Петухов Е. Н., 2023

Для эффективного решения задач уголовного судопроизводства дознавателем, следователем в ходе возбуждения и расследования уголовных дел, а также в ходе их рассмотрения и разрешения судом по существу предполагается широкое привлечение представителей общественности (представителей гражданского общества). Анализ соответствующих положений Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет установить круг таких лиц и основные формы их участия в уголовном судопроизводстве: присяжные заседатели (ч. 5 ст. 32, ч. 4 ст. 123 Конституции РФ, п. 30 ст. 5, п. 2 ч. 2 ст. 30, гл. 42 УПК РФ); свидетель (ст. 56 УПК РФ); понятой (ст. 60 УПК РФ); секретарь судебного заседания (ст. 245 УПК РФ); заявитель о преступлении (п. 1 ч. 1 ст. 140, ст. 141 УПК); законные представители (п. 47 ст. 5, ст. 48 УПК РФ); очевидцы совершенного преступления (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ); лица, по возможности внешне сходные с опознаваемым (статисты) (ч. 4 ст. 193 УПК РФ), и др.

Общественные обязанности рассматриваемых участников уголовного судопроизводства в основном находим в содержании перечисленных выше норм, посвященных закреплению их процессуального статуса. Анализируя их положения, определяем вид и меру закрепленной обязанности и, как следствие, понимаем должное поведение такого субъекта. Однако для большинства участников уголовного судопроизводства, являющихся представителями общественности, такой ясности совсем нет. На наш взгляд, связано это с тем, что законодатель в ряде случаев не закрепил в отдельных нормах их процессуальный статус и не определил процессуального положения таких субъектов в системе участников уголовного процесса.

Из системного анализа положений уголовно-процессуального законодательства устанавливается, что в одном случае эти субъекты только называются, а их права и обязанности не определяются; в другом – они называются, а их права и обязанности только подразумеваются или ограничены выполнением отдельных процессуальных действий.

Такая ситуация в науке уголовного процесса приводит к тому, что среди исследователей наблюдается разнообразие мнений относительно количества и качества рассматриваемых нами процессуальных институтов и категорий [1–3].

Наша позиция заключается в том, что к числу искомых участников уголовного процесса также следует отнести: личного поручителя (ст. 103 УПК РФ); командование воинской части (ст. 104 УПК РФ); лицо, под присмотр которому отдан несовершеннолетний (ст. 105 УПК РФ); залогодателя (ст. 106 УПК РФ); лицо, на имущество которого наложен арест (ст. 115 УПК РФ); представителя организации, в помещении которой проводится следственное действие (ст. 177 УПК РФ); совершеннолетнего члена семьи, администрацию учебного учреждения или места работы, на которых возлагается передача повестки вызываемому лицу (ст. 188 УПК РФ), а также компетентные органы или должностных лиц иностранного государства и многих других лиц на основании упоминания о них в положениях уголовно-процессуального законодательства.

Считаем, что все установленные представители общественности отвечают критериям иных участников уголовного процесса, так как обладают способностью иметь права, исполнять обязанности, а своими действиями приобретают соответствующие права и общественные обязанности, исходя из того, что, будучи вовлеченными в производство процессуальных действий, вступают в уголовно-процессуальные отношения на условиях подчиненности по отношению к властным субъектам, осуществляющими эти действия.

Исходя из вспомогательной и содействующей функции участников уголовного процесса, представляющих общественность, которую они оказывают властным субъектам при осуществлении последними уголовно-процессуальной деятельности, можно сделать вывод, что они действительно абсолютно не имеют собственного интереса в уголовном деле. Из чего следует, что ни публичный, ни личный интерес по уголовному делу данные участники, к их числу мы относим и присяжных заседателей, не реализуют и соответственно в своих решениях и действиях им не руководствуются. Если это действительно так, а это должно быть так,

а не иначе, то встает вопрос: что же тогда их мотивирует надлежащим образом исполнять возложенные на них законодателем обязанности и добросовестно выполнять требования властных субъектов?

Полагаем, что ответ на данный вопрос необходимо искать в их законопослушности, в лояльном отношении к власти в лице правоохранительных органов, осуществляющих производство по уголовным делам, и, главное, в их ответственности перед обществом, частью которого они сами являются, за свое поведение в ситуации, когда возникает необходимость выполнения ими общественного долга в сфере уголовного судопроизводства. При этом участников уголовного процесса, представляющих общественность, в частности присяжных заседателей, все же необходимо убеждать в том, что добросовестное выполнение общественного долга посредством добровольного и надлежащего исполнения возложенных на них законодателем общественных обязанностей приводит к обеспечению реализации основных функций сторонами уголовного процесса и судом, тем самым восстанавливается в обществе справедливость. Они должны понимать, что их правомерное поведение гарантирует соблюдение установленного порядка проведения как отдельных процессуальных действий, так и всего производства по уголовному делу.

Кроме того, являясь представителями общества, они, непосредственно наблюдая за деятельностью суда и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, выступают в роли общественных контролеров. Понимание ими того, что контролеры всегда должны быть сами безупречны во всем, особенно в своем поведении при участии в уголовно-процессуальной деятельности, должно обуславливать их стремление к надлежащему исполнению возложенных на них законодателем обязанностей.

Безусловно, чтобы данные участники добросовестно исполняли свой общественный долг, который объективируется в виде определенных им законодателем предписаний (общественных обязанностей) в уголовно-процессуальном законе, последний должен также позаботиться и об обеспечительных правовых средствах, используя которые должностные лица и органы государства, осуществляющие производство по уголовному делу, смогут создать этим лицам необходимые (комфортные) условия.

Определимся, что конкретно движет названными нами представителями общественности, в том числе присяжными заседателями, участвующими в уголовно-процессуальных действиях и какие им необходимы условия для надлежащего исполнения возложенных на них обязанностей.

Начнем с того, что практика реализации уголовно-процессуальных отношений в ходе производства следственных и судебных действий показывает, что в них проявляются все качества личности, определенные как статусом участника этих процессуальных отношений (правовые, специальные), так и общеизвестные общечеловеческие:

– присущие должностному лицу – обязательность, опытность, профессиональность, порядочность, честность, строгость, требовательность, справедливость, креативность, аккуратность, ловкость, смекаливость, и др.;

– присущие любому человеку – эгоизм, альтруизм, исполнительность, доброта, законопослушность, беспечность, злость, боязливость, зависть, алчность, хитрость, изворотливость и т. д.

В зависимости от перечисленных качеств, которые присущи должностному лицу, планирующему, организующему и проводящему процессуальные действия, а также лицам, вовлеченным в данные процессуальные процедуры, в этой ситуации формируется мотивация надлежащего или ненадлежащего процессуального поведения и создаются условия, обеспечивающие возможность указанных вариантов поведения [4].

С целью установления путей совершенствования средств, использование которых ведет к гарантированному обеспечению надлежащего исполнения присяжными заседателями общественных обязанностей, рассмотрим модель их процессуального поведения, обусловленную возможным вариантом создающихся условий и содержанием допустимых мотиваций.

На плечи присяжных заседателей законодатель возложил исключительно важные обязанности, надлежащее исполнение которых обеспечивает восстановление справедливости в обществе. Не являясь профессиональными юристами, они участвуют в судебном разбирательстве как судьи факта. Их миссия заключается в том, чтобы они, являясь представителями общественности, своим присутствием в судебном заседании, в котором рассматривается уголовное дело по существу, олицетворяли совесть общества. Руководствуясь присущими им человеческими эмоциями и здравым смыслом, при этом, будучи лицами, не заинтересованными в исходе дела, они наблюдают со скамьи присяжных заседателей в районном или региональном уголовном суде общей юрисдикции за борьбой (словесной) двух равноправных перед судом сторон (обвинения и защиты), а затем, на основе сформировавшегося мнения о происходящем в зале судебного заседания и не имея, однако, достаточно полного представления о сведениях, характеризующих подсудимого, удаляются в совещательную комнату. Там они, находясь без какого-либо воздействия (давления) извне, путем голосования высказывают свою оценку увиденного и услышанного в зале судебного заседания относительно виновности или невиновности подсудимого в совершении рассматриваемого судом преступления. Таким образом, постановляя вердикт народного правосудия, они надлежащим образом исполняют свой общественный долг, совпадающий с возложенной на них законодателем основной обязанностью в уголовном судопроизводстве, – участие в судебном разбирательстве и вынесение вердикта (п. 30 ст. 5 УПК РФ).

Отсюда их мотивация – выполнение общественного долга путем добросовестного содействия судебной власти в реализации правосудия. Для осуществления такого содействия лицу, участвующему в судебном разбирательстве в качестве присяжного заседателя, необходимо создать соответствующие условия. Присяжным заседателям должна быть создана такая обстановка, в которой они чувствуют свою безопасность, независимость, то есть исключено навязывание ему постороннего мнения. Они должны быть обеспечены специальным местом в зале судебного заседания, которое отделяется от присутствующих в зале судебного заседания и расположено, как правило, напротив скамьи подсудимых; иметь возможность задать вопрос или получить консультацию относительно услышанных сведений, реализовать свое право на отдых в ходе судебного заседания (им должно предоставляться для этого время). Кроме того, в период участия в судебном разбирательстве они не должны тревожиться о своем финансовом состоянии. В этом плане Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» за время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия предусмотрено компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи соответствующего суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период (ст. 11), а Постановлением Правительства РФ определен порядок его выплаты*. Также присяжному заседателю возмещаются судом командировочные расходы и транспортные расходы на проезд к месту нахождения суда и обратно в порядке и размере, установленных законодательством для судей соответствующего суда.

Из опрошенных нами 163 судей, которые имели опыт рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, 62 человека указали, что в целом все условия таким участникам судопроизводства создаются при исполнении ими обязанности осуществления правосудия. При этом, однако, судьи высказали пожелание, касающееся увеличения им компенсационного вознаграждения в качестве средства стимулирования исполнения гражданами обязанностей присяжного заседателя, рекомендовав бесперебойную его выплату дважды в месяц, если период судебного разбирательства исчисляется месяцами.

* Об утверждении Правил выплаты присяжным заседателям федеральных судов общей юрисдикции, исполняющим обязанности по осуществлению правосудия, компенсационного вознаграждения: постановление Правительства РФ от 29.04.2022 № 783. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Учитывая особую важность суда присяжных для обеспечения справедливого правосудия в государстве и сложность формирования коллегии присяжных заседателей, обусловленную, как оказалось из результатов изучения правоприменительной деятельности уголовных судов с участием присяжных заседателей, недостаточностью лиц, желающих и способных исполнять обязанности присяжных заседателей. В связи с этим предлагается расширить возможности исполнения обязанности присяжного заседателя лицам, представляющим общественность. Для этого в целях обеспечения своевременного формирования судом коллегии присяжных заседателей для осуществления правосудия по уголовному делу, по которому обвиняемый заявил ходатайство о рассмотрении его судом с участием присяжных заседателей (п. 1 ч. 5 ст. 217 УПК РФ), и для осуществления судебного разбирательства в данной форме по этому уголовному делу в разумный срок, установленный ст. 6.1 УПК РФ, предлагаем исключить запрет на повторное участие одного и того же лица в качестве присяжного заседателя более одного раза в течение года, установленный ч. 3 ст. 326 УПК РФ.

Данное предложение обусловлено наличием многочисленных обстоятельств, которые позволяют гражданину законно уклониться от исполнения обязанности присяжного заседателя, а также низкой явкой кандидатов в присяжные заседатели. Что касается проблемы низкой явки кандидатов в присяжные заседатели, то она возникла одновременно с появлением в уголовно-процессуальном законодательстве такой усложненной формы осуществления правосудия, как суд присяжных. Указанная проблема еще больше усугубилась, когда суд присяжных был введен в судах районного уровня. На социальную причину возникновения данной проблемы справедливо еще в 2016 г. обратила внимание общественности и юристов в своем интервью газете «ПРАВО» заместитель председателя Санкт-Петербургского городского суда В. В. Кудряшова. В частности, она пояснила, что «... относится с оптимизмом к введению суда присяжных в районных судах, так как это будет способствовать повышению и укреплению доверия граждан к суду, обеспечит доступ большему числу граждан к отправлению правосудия». Вместе с тем, сославшись на статистику Фонда «Общественное мнение», согласно которой лишь 16 % россиян «добровольно готовы вершить судьбы своих сограждан», судья посетовала: «Все знают, сидя у телевизора, как учить, лечить и судить, а когда доходит до того, чтобы взять на себя функцию судьи (а присяжный – это судья) по конкретному уголовному делу, то немногие готовы решать судьбу конкретного человека»*.

Изучение судебной практики по уголовным делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей, в достаточно высокой степени подтверждают высказанную судьей озабоченность. Реальность такова, что довольно часто формирование коллегии присяжных заседателей превращается в марафон, длиною в несколько месяцев и даже лет. Например, по уголовному делу, рассмотренному и разрешенному по существу Улаганским районным судом Республики Алтай с участием присяжных заседателей в отношении Майманакова С. Н., обвиняемого по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105, ч. 1 ст. 115; ч. 1 ст. 119; ч. 1 ст. 222 УК РФ, формирование коллегии присяжных заседателей длилось с 30.09.2019 по 22.09.2021. Из-за неявки лиц, вызванных в качестве кандидатов в присяжные заседатели, суд 28 раз откладывал судебное заседание. Таким образом, формирование коллегии присяжных заседателей по данному делу длилось два полных года (25.10.2021 по делу постановлен на основании вердикта присяжных обвинительный приговор)**.

Такая же ситуация и по уголовному делу, которое рассматривается в Усть-Канском районном суде Республики Алтай в отношении Тантыева А. А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Формирование коллегии присяжных заседателей тоже длится два года, с 11.02.2021 по настоящее время (20.01.2023). Заседания суда

* ПРАВО. 2016. 25 августа. URL: <http://pravo.ru/news/view/132959/> (дата обращения: 26.01.2023).

** Материалы уголовного дела №№ 1–1/2021 (1–1/2020; 1–101/2019) // Архив Улаганского районного суда Республики Алтай.

в указанный период откладывалось 25 раз в основном из-за неявки кандидатов в присяжные заседатели*. В Кош-Агачском районном суде Республики Алтай коллегия присяжных заседателей формируется уже почти год (с 31.03.2022) по уголовному делу, рассматриваемому в отношении Саланханова В. С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Судебное заседание откладывалось 9 раз в основном тоже из-за неявки кандидатов в присяжные заседатели**.

Существование проблемы формирования коллегии присяжных заседателей в судах, обусловленной низкой явкой кандидатов в присяжные заседатели, признал и Председатель Верховного Суда Российской Федерации В. М. Лебедев, выступая на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г.***

Представляется, что предложенные нами способы убеждения и мотивации присяжных заседателей, обеспечение гарантий их безопасности, надлежащее материальное вознаграждение, возможность принимать участие в отправлении правосудия в указанном статусе без ограничения количества судебных процессов в течение года, будут являться теми направлениями, которые следует совершенствовать для надлежащего выполнения данными участниками уголовного судопроизводства общественных обязанностей, возложенных на них государством.

Список источников

1. Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 138 с.
2. Санников А. С. Обязанности участников уголовного судопроизводства стороны обвинения в досудебном производстве: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2013. – 92 с.
3. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юрид. центр, 2015. – 176 с.
4. Авдеев Е. А. Процессуальное поведение в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы XV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2017. Ч. 1. С. 7–9.

Информация об авторе

Е. Н. Петухов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

Information about the author

E. N. Petukhov – kandidat nauk, degree in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the Altai state University

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 06.03.2023.

* Материалы уголовного дела № 1-1/2023 (1-4/2022; 1-20/2021; 1-140/2020). Находится в производстве Усть-Канского районного суда Республики Алтай.

** Материалы уголовного дела № 1-1/2023 (1-21/2022; 1-106/2021). Находится в производстве Кош-Агачского районного суда Республики Алтай.

*** URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31149/> (дата обращения: 17.06.2022).

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 35–40.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):35–40.

Научная статья

УДК 343.13

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Марина Эвальдовна Каац

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа

renatnasir@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются отдельные вопросы реализации уголовного судопроизводства Сирийской Арабской Республики, анализируются источники сирийского уголовного процесса, структурное построение производства по уголовным делам в данном государстве, особенности процессуального статуса отдельных участников уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения и защиты.

Ключевые слова: уголовный процесс Сирийской Арабской Республики, источники уголовного процесса Сирийской Арабской Республики, прокурор, следственный судья, лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, защитник

Для цитирования: Каац М. Э. Отдельные аспекты осуществления уголовно-процессуальной деятельности в Сирийской Арабской Республике // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 35–40.

Original article

CERTAIN ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES IN THE SYRIAN ARAB REPUBLIC

Marina E. Kaats

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa

renatnasir@mail.ru

Abstract. The article examines individual issues of the implementation of criminal proceedings in the Syrian Arab Republic, analyzes the sources of the Syrian criminal process, the structural structure of criminal proceedings in this state, the features of the procedural status of individual participants in criminal procedural activities on the part of the prosecution and defense.

Keywords: the criminal process of the Syrian Arab Republic, sources of the criminal process of the Syrian Arab Republic, the prosecutor, the investigating judge, the person brought to criminal responsibility, the defender

For citation: Kaats M. E. Certain aspects of the implementation of criminal procedural activities in the Syrian Arab Republic // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):35–40.

© Каац М. Э., 2023

В последнее время в юридической среде стало больше внимания уделяться сравнительно-правовым исследованиям, «воспринимаемым научным сообществом как адекватное средство познания правовой действительности» [1, с. 110]. При этом в сферу научных интересов ученых-процессуалистов вполне оправданно стали попадать не только бывшие союзные республики нашей страны или западноевропейские страны [2–5], но и государства исламской правовой системы, к которым относится и Сирийская Арабская Республика (далее – САР, Сирия).

В силу историко-политических аспектов, огромное влияние на построение российского и сирийского уголовно-процессуального законодательства оказал «наполеоновский» УПК Франции 1808 г., что является свидетельством принадлежности уголовного судопроизводства обоих государств к романо-германской правовой системе. Так, следуя французской модели уголовной юстиции, в сирийском уголовном процессе до настоящего времени действует двухфазное предварительное расследование – дознание, производимое судебной полицией, и предварительное следствие, осуществляемое следственным судьей, а уголовно наказуемые деяния классифицируются на «преступление», «проступок» и «правонарушение»*. Следует отметить, что в Российской Федерации в последние годы предпринималась попытка введения аналогичного подхода к определению разновидности совершаемых противоправных деяний, исходя из степени их общественной опасности и других социально значимых и юридических свойств [6].

Предварительное следствие в САР проводится следственным судьей только по уголовным делам о преступлениях, по остальным категориям дел судебной полицией проводится дознание. В отличие от уголовного процесса Франции, предусматривающего несколько форм производства предварительного следствия, в Сирии не существует внутренней дифференциации дознания. В этом отношении российское уголовное судопроизводство, в отличие от сирийского, значительно отошло от французского законодательства. При этом сирийский уголовный процесс со временем отказался от участия «народного элемента» в виде суда присяжных в судебных стадиях, так как «исламские традиции требуют осуществления правосудия, как религиозного, так и светского, лицами, имеющими определенную квалификацию в области права (религиозного или светского соответственно), и, следовательно, участие граждан (общественности) в осуществлении правосудия не обусловлено ни религиозными устоями, ни какой-либо объективной необходимостью» [7, с. 11]. Следует подчеркнуть, что аналогичное отношение к суду присяжных присущ многим исламским правовым системам, в частности, афганскому судопроизводству.

В сравнении с российским уголовным судопроизводством в САР отсутствует надзорный порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений (действует только кассационный порядок рассмотрения уголовных дел), а также процедура возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств (как основания к возобновлению производства предусмотрены только вновь открывшиеся обстоятельства).

Основным источником сирийского уголовного процесса является Закон об уголовном процессе САР от 13 марта 1950 г., состоящий из вводных положений и трех книг: «Судебная полиция и ее функции», «Судебные процедуры», «Процедуры по некоторым специфичным вопросам». Причем регламентация классически устоявшихся, обособленных институтов уголовного судопроизводства, может отражаться в разных структурных элементах Закона об уголовном процессе САР, о чем упоминается в юридической литературе [7, с. 14–22].

* Согласно сирийскому законодательству, преступление – деяние, максимальный срок наказания за совершение которого превышает три года лишения свободы; проступок – деяние, за совершение которого может быть назначено ограничение свободы с привлечением к труду, домашний арест, назначаемые на срок от 3-х месяцев до 3-х лет, штраф в размере от 100 до 1000 сирийских фунтов; правонарушение – деяние, за совершение которого может быть назначен кратковременный арест от 1 до 10 суток, штраф в размере от 25 до 100 сирийских фунтов.

К источникам уголовного процесса Сирии традиционно относятся и другие законы и подзаконные нормативные правовые акты, допускается издание Президентом САР, в период парламентских каникул, законодательных декретов, которые также являются источниками уголовно-процессуального права. Например, Законодательный декрет о несовершеннолетних правонарушителях от 30 марта 1974 г. № 18, установивший подсудность данной категории дел, Законодательный декрет о Военном уголовном кодексе и Правилах военного процесса от 13 марта 1950 г. № 61, Законодательный декрет о юридической помощи от 13 мая 2013 г. № 29 [7, с. 18, 23, 54].

В отличие от цивилистических отраслей права, сфера уголовной юстиции данного государства находится под большим влиянием светских норм, несмотря на провозглашенный в ст. 3 Конституции САР исламский характер юриспруденции. В действующих в Сирии наряду с государственными судами религиозных судах с применением норм исламского права рассматриваются лишь некоторые категории гражданских дел.

До периода непосредственного рассмотрения уголовного дела по существу с принятием итогового решения производство по нему осуществляется в следующих формах: проверка информации об уголовно наказуемом деянии, дознание (по делам о проступках и правонарушениях), предварительное следствие (по делам о преступлениях).

Начальный момент возникновения уголовно-процессуальных отношений связан с получением соответствующей информации об уголовно наказуемом деянии судебной полицией, прокурором или следственным судьей. При этом статья 26 Закона об уголовном процессе САР обязывает граждан и юридических лиц сообщать о ставших им известных фактах о готовящихся или совершенных преступлениях, посягающих на общественную безопасность, жизнь, здоровье или имущество человека.

Если человек не является пострадавшим от преступления, поводом для возбуждения уголовного может служить поданное им уведомление, если является, – жалоба. Третий повод определяется в законе как отчет (рапорт) сотрудника судебной полиции, ставшего очевидцем преступления.

В ситуации, когда лицо не обладает достаточной грамотностью, содержание его заявления (уведомления, жалобы) отражается в протоколе и удостоверяется отпечатком пальца руки заявителя. Аналогичная практика распространена и в афганском уголовном судопроизводстве.

Прокурор извещается о факте поступившей жалобы потерпевшего, если в ней не содержится информации о лице, совершившем уголовно наказуемое деяние. При наличии в жалобе информации о признаках преступления она, в любом случае, передается непосредственно прокурору.

В основном, первоначальную проверку по делам о проступках и правонарушениях осуществляют органы судебной полиции, что не исключает ее проведение самим прокурором (при поступлении сведений непосредственно ему либо при их передаче от следственного судьи). По делам о преступлениях проверку поступившей информации может проводить как сам прокурор, так и следственный судья. Срок проведения проверки информации об уголовно наказуемом деянии составляет трое суток.

Таким образом, в отличие от российского законодательства, прокурору в уголовном процессе Сирии предоставлено право на проведение следственных и других процессуальных действий, что делает его полноправным и главенствующим участником уголовного преследования. При этом Закон о судебной власти САР от 15 ноября 1961 г. № 98 причисляет прокуроров к представителям судейского сообщества, а статья 137 Конституции Сирии от 26 февраля 2012 г. и статья 10 Закона об уголовном процессе САР относят прокуроров (государственных обвинителей) к судебным должностным лицам, подчиненным министру юстиции САР. Отсюда дифференциации уголовного процесса на досудебное и судебное производство в Сирии нет.

В ситуации проведения дознания судебной полицией прокурор реализует функции надзора за ее деятельностью и процессуального руководства расследованием, что в принципе схоже с французской системой построения уголовно-процессуальной деятельности.

По результатам проведенной полицией проверки руководитель органа судебной полиции принимает решение о проведении дознания (по делам о проступке, правонарушении) либо, в случае достаточности собранных материалов, – о направлении их в компетентный суд. При установлении признаков преступления прокурор принимает решение о направлении материалов следственному судье для проведения предварительного следствия. Если в поступившей в правоохранительные органы информации изначально содержались признаки преступления и проверка проводилась прокурором или следственным судьей, то по ее окончании также принимается решение о проведении предварительного следствия.

Таким образом, при проведении предварительного следствия прокурор может выступать в роли инициатора проведения расследования либо обжаловать в вышестоящий судебный орган решения следственного судьи в случае несогласия с ними. По преступлению, совершенному судьей, предварительное следствие может проводиться судьей Кассационного суда Сирии, наделенного соответствующими полномочиями Президентом данного суда [7, с. 41].

По окончании проведения дознания (полицейского преследования), судебная полиция передает материалы уголовного дела, без вынесения итогового обвинительного документа (обвинительного акта), в магистратский (мировой) суд, о чем уведомляется прокурор.

По завершении производства следственным судьей предварительного следствия (судебного преследования) материалы уголовного дела с итоговым процессуальным документом – обвинительным заключением, с согласия прокурора, выносящего по этому поводу меморандум, передаются реферальному («направляющему») судье, к одной из функций которого относится проверка достаточности доказательств, собранных по уголовному делу для последующей передачи его в суд для непосредственного рассмотрения по существу.

Лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование в форме дознания, именуется в уголовном процессе Сирии подозреваемым. Обвиняемым признается лицо до назначения судебного разбирательства по уголовному делу. Далее, по аналогии с российским законодательством, лицо считается подсудимым до вынесения решения судом первой инстанции, в последующем – осужденным или оправданным (в зависимости от характера вынесенного приговора).

Особенностью сирийского законодательства является, во-первых, то, что процессуальный статус лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, не установлен в отдельной норме закона, а предусмотрен в соответствующих статьях Закона об уголовном процессе САР, регламентирующих отдельные этапы (институты) уголовного судопроизводства. Во-вторых, согласно Закону об уголовном процессе САР, допускается привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, за исключением органов государственной администрации [7, с. 54].

Интересным в связи с этим представляется подход сирийского законодателя к определению так называемых психологических (моральных) санкций, применяемых к осужденным лицам: размещение вынесенного судебного решения на стендах для объявлений в районе проживания осужденного лица, а также возле зданий судов; открытое опубликование в средствах массовой информации вынесенных приговоров (их частей) [7, с. 183].

В качестве защитника по уголовным делам, в отличие от российского законодательства, может выступать исключительно адвокат и только при наличии материальной несостоятельности подзащитного, подтвержденной «свидетельством о бедности», выданным муниципалитетом по месту проживания, либо справкой о налоговом статусе лица. Аналогичный подход к предоставлению оплачиваемого государством адвоката лишь имущественно несостоятельным лицам наблюдается и в афганском судопроизводстве.

Для иностранных граждан и апатридов предоставление бесплатной помощи адвоката законами САР не предусмотрено. В этом случае затраты на оплату услуг адвоката могут гарантироваться дипломатическим представительством государства, гражданином которого является привлекаемое к уголовной ответственности лицо. Причем защитник вступает в уголовный процесс только в период предварительного следствия. Обусловлено данное обстоятельство тем, что, по мнению сирийских правоведов, дознание, проводимое судебной полицией по делам о проступках и правонарушениях, имеет простое уголовно-правовое и процессуальное содержание, – санкции за данные деяния минимальные, доказательственная деятельность носит несложный характер. Отсюда предоставление бесплатной квалифицированной юридической помощи предполагается излишним [7, с. 55–56]. Это обстоятельство в совокупности с другими особенностями, характеризующими ограниченный характер реализации функции защиты в сирийском уголовном процессе*, обоснованно критикуется в юридической литературе [7, с. 57].

Таким образом, мы попытались раскрыть отдельные аспекты реализации уголовного судопроизводства в Сирийской Арабской Республике, исторически имеющей в своей основе французскую модель построения данного вида деятельности, адаптированную под современное социально-политическое состояние данного государства. Следует отметить, что сирийский уголовный процесс, в целом, можно считать соответствующим общим представлениям о системе построения уголовной юстиции современного государства, которое, как и многие другие, находится в поиске «наиболее оптимальных форм и механизмов функционирования процессуальной деятельности, позволяющих обеспечить реализацию приоритетных задач национальной политики» [8, с. 5].

В заключение автор статьи выражает искреннюю признательность доктору юридических наук, профессору А. А. Сумину и доктору юридических наук, профессору О. В. Химичевой, монографический труд которых позволил автору погрузиться в «недра» уголовно-процессуальной компаративистики, углубив и расширив свои познания об особенностях осуществления уголовно-процессуальной деятельности в дружественном Российской Федерации государстве.

Список источников:

1. Болдырев В. А. Частноправовая компаративистика // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 1 (58). С. 110–117.
2. Алексеева Е. С., Макаренко М. А., Шестакова С. Д. Сравнительно-правовой анализ моделей уголовного преследования и процессуального руководства в уголовном процессе зарубежных стран // Вестник ДВЮИ МВД России. 2021. № 4 (57). С. 5–14.
3. Баловина И. В. Особенности цифровизации уголовного судопроизводства России и некоторых других государств // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 3 (60). С. 14–21.
4. Латыпов В. С. Свидетель в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных зарубежных стран // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 4 (61). С. 5–9.
5. Маркелов А. Г. Опыт медиации как компромиссной формы уголовного процесса Кыргызской Республики // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 1 (58). С. 5–9.
6. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Доктринальные аспекты соотношения категорий «правонарушение», «проступок» и «преступление» в контексте либерализации российского уголовного законодательства // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 2 (59). С. 5–11.
7. Сумин А. А., Химичева О. В. Введение в уголовный процесс Сирийской Арабской Республики: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. – 192 с.
8. Алексеева Е. С., Макаренко М. А., Шестакова С. Д. Указ. соч.

* Например, запрет на прямое задавание вопросов допрашиваемому и дачу ему советов в процессе непосредственного проведения допроса и очной ставки (вопросы адвокатом задаются только через должностное лицо); отсутствие обязанности должностных лиц на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании расследования; невозможность обжалования действий и решений должностных лиц, ведущих расследование, вплоть до передачи уголовного дела в следующую инстанцию; отсутствие установленных законом случаев обязательного назначения защитника, за исключением уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, и др.

Информация об авторе

М. Э. Каац – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса

Information about the author

M. E. Kaats, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 41–47.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):41–47.

Научная статья

УДК 343.575

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Екатерина Николаевна Бархатова

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск

Solncevelvet@rambler.ru

Аннотация: в статье вынесено предложение о конфискации имущества, принадлежащего наркобывчикам на законных основаниях; отмечена целесообразность обязательного назначения наркобывчикам дополнительного наказания в случаях отсутствия у них какого-либо имущества, подлежащего конфискации; обоснована необходимость сокращения для наркобывчиков суммы крупного и особо крупного размера, указанной в примечании к ст. 174 УК РФ. Предложен проект изменений в УК РФ.

Ключевые слова: наркотические средства, легализация преступных доходов, конфискация имущества, незаконный сбыт наркотиков, назначение наказания

Для цитирования: Бархатова Е. Н. Об уголовно-правовом механизме противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 41–47.

Original article

ON THE CRIMINAL LAW MECHANISM FOR COUNTERACTING THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF FUNDS OR OTHER PROPERTY ACQUIRED AS A RESULT OF ILLICIT TRAFFICKING IN DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Ekaterina N. Barkhatova

East Siberian Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk

Solncevelvet@rambler.ru

© Бархатова Е.Н., 2023

Abstract. The article made a proposal to confiscate property legally owned by drug traffickers; the expediency of mandatory appointment of additional punishment to drug traffickers in cases where they do not have any property subject to confiscation was noted; substantiates the need to reduce the amount of large and especially large amounts for drug traffickers specified in the note to article 174 of the Criminal Code of the Russian Federation. A draft amendment to the Criminal Code of the Russian Federation is proposed.

Keywords: drugs, legalization of criminal proceeds, confiscation of property, illegal sale of drugs, sentencing

For citation: Barkhatova E. N. On the criminal law mechanism for counteracting the legalization (laundering) of funds or other property acquired as a result of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):С. 41–47.

Борьба с отмыванием доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, является одним из приоритетных направлений, обозначенных в Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 года. Проблема стала особенно актуальной ввиду возросшего числа фактов незаконного оборота наркотиков с помощью информационно-телекоммуникационных технологий. Так, за десять месяцев 2022 г. зарегистрировано 154300 преступлений в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, из которых 52913 (т. е. 34 %) совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При этом за указанный период зарегистрировано 767 случаев легализации (отмывания) преступных доходов, полученных в результате совершения различных преступлений*. На фоне числа зарегистрированных наркопреступлений данный факт свидетельствует о высокой степени латентности отмывания доходов, полученных преступным путем. Этот вывод подтверждается высказыванием директора Росфинмониторинга Ю. А. Чиханчина о том, что конфискации подвержено менее 0,5 % от общего объема преступных наркодоходов**. Наиболее остро проблема стоит относительно выявления фактов отмывания преступных доходов, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Сведения о распространенности использования криптовалют для совершения преступлений базируются в основном на анализе детерминации распространения самих этих криминальных рынков в интернет-сетях [1, с. 116–117]. Необходимо отметить активное использование преступниками ресурсов криптовалютных бирж в целях придания правомерного вида незаконно полученному имуществу и денежным средствам. Так, министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев отмечает, что финансовая структура наркобизнеса активно перемещается в криптосферу – децентрализованную сеть с шифрованием транзакций [2, с. 8].

Исходя из анализа судебно-следственной практики, можно сделать вывод о том, что наиболее распространенными способами незаконного оборота наркотиков на сегодняшний день являются следующие:

- сбыт или пересылка посредством информационно-телекоммуникационных технологий (таким способом совершается 54,7 % преступлений данного вида)***;
- классический способ сбыта – путем непосредственного приобретения или пересылки через посредника).

* Статистические данные МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/33913311/> (дата обращения: 25.11.2022).

** Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 5.

*** Статистические данные МВД России // URL: <https://мвд.рф/reports/item/33913311/> (дата обращения: 25.11.2022).

Легализация денежных средств при помощи криптовалюты заключается в том, что деньги конвертируются в криптовалюту, а затем обратно в рубли и выводятся на другой счет [3, с. 51]. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при наркосбыте существенно затрудняет противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов. В качестве примера можно привести приговор Октябрьского районного суда г. Кирова, которым П. осужден по ряду статей УК РФ, в том числе за незаконный сбыт наркотических средств с помощью информационно-телекоммуникационных технологий и последующую легализацию (отмывание) преступных доходов. Через Интернет П. заказывал наркотические средства из КНР, которые поступали в Россию в виде международных почтовых отправлений, затем он сбывал данные наркотические средства по более высокой цене через организованный им интернет-магазин, используя для оплаты электронные криптовалютные счета. После оплаты партии сбытых наркотических средств П. продавал криптовалюту, получая оплату в рублях на QIWI-кошелек. Позже полученные в результате такой финансовой операции денежные средства зачислялись П. на лицевой счет в банке*.

Как видно из приговора, в части легализации (отмывания) денежных средств в процессе задействованы преступник П., трейдер (перекупщик криптовалюты), площадка-«обменник», система QIWI-кошелек и банк. Таким образом, необходимо выделить несколько этапов движения денежных средств, полученных в результате сбыта наркотиков:

- 1) расчет за товар (зачисление криптовалюты на счет продавца со счета покупателя);
- 2) продажа криптовалюты продавцом наркотиков трейдеру;
- 3) зачисление оплаты за криптовалюту в фиатных деньгах трейдером на электронный кошелек продавца наркотиков;
- 4) перевод денежных средств из электронного кошелька на лицевой счет в банке;
- 5) обналичивание денежных средств.

Этап использования электронного кошелька может отсутствовать ввиду перевода фиатных денежных средств непосредственно на указанный продавцом криптовалюты лицевой счет в банке.

На каждом из этапов оборота денежных средств должны существовать законодательно урегулированные эффективные механизмы противодействия введению такого имущества в гражданский оборот. На сегодняшний день ситуация складывается следующим образом.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О цифровых финансовых активах...») предусмотрел, что с помощью, в частности, криптовалюты можно производить расчет за товары и услуги, однако только в том случае действия по обороту таких активов будут считаться правомерными, если лицо, осуществляющее их выпуск, зарегистрировано в специализированной информационной системе. Таким образом закон исключил возможность использования обезличенных криптокошельков. У такой системы должен быть оператор, зарегистрированный в установленном порядке и уполномоченный осуществлять администрирование системы, его контролирует Банк России. М. А. Егорова справедливо указывает, что Банк России не раз предупреждал о высоких рисках при инвестициях в криптовалюты и рисках при их обороте [4, с. 53].

Таким образом, на трех обозначенных нами этапах движения денежных средств, приобретенных в результате продажи наркотиков, процесс на сегодняшний день урегулирован и позволяет установить как продавца, так и покупателя.

На четвертом этапе денежные средства переводятся из электронного кошелька на лицевой счет в банке либо трейдером напрямую на лицевой счет в банке. Ситуация осложняется при участии в обороте активов посредников либо в выводе данных активов из киберпространства.

* Приговор Октябрьского районного суда г. Кирова от 13.02.2020 в отношении П. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QfdjN3V9rHbV/?ysclid=lblkmpwqx258693929> (дата обращения: 29.11.2022).

Так, например, трейдер может осуществить расчет за криптовалюту наличными деньгами. Здесь уместен вопрос: если трейдер знал о том, каким способом продавцом приобретена криптовалюта (в результате расчета за наркотики), но при этом выразил согласие на ее покупку и приобрел ее, имеется ли в его действиях состав преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ? Учитывая неопределенный правовой статус криптовалюты, не позволяющий назвать ее имуществом, нет, не имеется. Является ли подобное действие пособничеством в легализации (отмывании) денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем? Да, является, так как по смыслу Федерального закона «О цифровых финансовых активах...» криптовалюта приравнивается к имуществу при контроле операций в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

На этапе движения денежных средств через банк Центральный Банк России активно содействует правоохранительным органам в выявлении и доказывании отмывания доходов преступниками. Также в этом процессе активно задействован Росфинмониторинг. Так, в 2020 г. Росфинмониторингом, МВД России, ФСБ России, Генеральной прокуратурой и ФТС России подписано совместное указание «Об активизации межведомственного взаимодействия по установлению фактов легализации (отмывания) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков»*. В рамках данного указания Росфинмониторинг предоставляет правоохранительным органам информацию о лицах, причастных к отмыванию денег, финансированию терроризма и оружия массового уничтожения.

Центральный банк России в целях противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов контролирует подозрительные финансовые операции. Клиентам, чья порядочность и законопослушность вызывает сомнения, отказывается в осуществлении той или иной операции. При несогласии клиента с таким отказом решение банка пересматривается на двух уровнях: в самом банке и в межведомственной комиссии при Банке России. С июля 2022 г. Банк России запустил в эксплуатацию систему «Знай своего клиента» для того, чтобы сократить сроки проверки клиентов и ознакомить банки с перечнями подозрительных и недобропорядочных клиентов. Контролю со стороны Банка России подлежат и валютные операции.

Благодаря принимаемым мерам, в том числе со стороны Банка России, удалось за восемь лет (с 2014 г.) сократить объемы вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе на 94 % (с 816 млрд руб. в 2014 г. до 43 млрд руб. в 2021 г.). Также существенно (на 91 %) сократились объемы обналичивания денежных средств (с 681 млрд руб. в 2014 г. до 62 млрд руб. в 2021 г.)**.

Несмотря на эффективное противодействие, возможности для легализации денежных средств и иного имущества, полученных в результате незаконного оборота наркотиков, все же сохраняются. По данным Государственного антинаркотического комитета, установленная сумма легализованных доходов от незаконного оборота наркотиков составила 486, 919 тыс. руб.*** В связи с этим необходимо обратить внимание на зарубежный опыт борьбы с рассматриваемым негативным явлением. Так, в Боливии, например, функционирует специальная группа по финансовым расследованиям (UIF), которая обнаруживает, анализирует финансовую информацию и готовит отчеты для компетентных органов о наркотрафике, коррупции и об отмывании денежных средств. Указанное подразделение было создано в связи с принятием в 1997 г. закона, установившего ответственность за деятельность,

* Об активизации межведомственного взаимодействия по установлению фактов легализации (отмывания) доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков: указание МВД России, Генеральной прокуратуры РФ, ФСБ России, Росфинмониторинга, ФТС России от 14.05.2020 № 1/5312/257/49/15/01–01–17/9128/191-р. URL: <https://www.fedsfm.ru/special/activity/gak> (дата обращения: 01.12.2022).

** Статистические данные Банка России. URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/ (дата обращения: 01.12.2022).

*** Информационные материалы о результатах реализации в 2021 г. Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/4498892> (дата обращения: 01.12.2022).

связанную с легализацией и отмыванием денежных средств [5, с. 73]. Кроме того, «следует обратить внимание на то, что в уголовном законодательстве некоторых стран, в которых наркопреступность выходит на уровень картелей и незаконных вооружённых формирований (в основном страны Латинской Америки), ответственность за легализацию доходов от наркопреступности приравнивается к наиболее тяжким преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков» [6, с. 64].

С учетом того, что не все случаи легализации преступных доходов удастся выявить и доказать в ходе документирования фактов незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, полагаем, что в уголовном законе для лиц, совершающих сбыт наркотических средств, должно быть предусмотрено положение о возможности конфискации имущества, полученного ими на законных основаниях, в размере суммы прибыли от продажи наркотических средств. Подобной позиции придерживаются С. Я. Казанцев и Э. Т. Хайруллова [7, с. 175]. Данное предложение социально и экономически обусловлено, поскольку большая часть доходов от наркобизнеса используется для финансирования терроризма и экстремизма, а также «подпитывает» коррупцию [8, с. 41]. Не случайно оно нашло свое отражение в решении Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации от 17 декабря 2021 г., пункт 1.1 которого предписывает МВД России совместно с заинтересованными органами государственной власти сформулировать предложения относительно принудительного безвозмездного изъятия и обращения в пользу государства имущества лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков*. Разумеется, подобное решение не окажет эффекта тотальной ликвидации наркопреступлений. Полагаем, зная законодательство, лица, вовлеченные в незаконный оборот наркотиков, начнут отчуждать свое имущество. В подобном случае решение проблемы видится в назначении таким лицам обязательного дополнительного наказания в виде штрафа. В случае отсутствия официальных источников дохода и возможности выплатить штраф, необходимо в качестве дополнительного наказания назначать обязательные или исправительные работы.

Вышеуказанные положения должны найти отражение в отдельной норме Общей части УК РФ в разделе «Наказание». Так, например, УК РФ может быть дополнен ст. 72² «Назначение наказания лицу, совершившему незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт растений, содержащих наркотические или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ» следующего содержания:

1. При назначении наказания лицу, совершившему незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт растений, содержащих наркотические или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, в случае отсутствия возможности конфискации имущества данного лица в размере прибыли от такого сбыта, в обязательном порядке назначать данному лицу штраф в качестве дополнительного наказания.

2. В случае отсутствия у лица, указанного в части первой настоящей статьи, возможности оплатить штраф, в обязательном порядке назначать данному лицу обязательные или исправительные работы в качестве дополнительного вида наказания.

В связи с предложенной нормой следует внести изменения в ст. 50 УК РФ «Исправительные работы», дополнив часть 3 после слов «... от пяти до двадцати процентов»

* Протокол заседания Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации от 17.12.2021 № 49. URL: <https://гак.мвд.рф/activity/> (дата обращения: 02.12.2022).

предложением «При назначении исправительных работ в порядке, предусмотренном статьей 72² настоящего Кодекса, размер удержаний из заработной платы устанавливается в размере двадцати процентов».

Также следует дополнить часть 1 ст. 1041 УК РФ п. «д» в следующей редакции: «денег, ценностей и иного имущества, принадлежащего на законных основаниях лицу, совершившему незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт растений, содержащих наркотические или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, в случае невозможности установления денег, ценностей и иного имущества, полученных данным лицом в результате такого сбыта».

Учитывая, что наркобизнес существует и процветает за счет потребителей, жизни и здоровью которых причиняется невосполнимый вред, в ряде случаев утрачиваются социальные связи, рушатся семьи, карьера, нивелируются достижения человека в различных областях, полагаем, что ответственность наркосбытчиков должна быть приближена к ответственности убийц, поскольку суть их деятельности сводится к тому же результату. Законодатель предусмотрел в статьях об ответственности за незаконный оборот наркотиков достаточно строгие санкции, сопоставимые с санкциями ст. 105 УК РФ. Однако, по нашему мнению, логичным продолжением политики нетерпимости к наркотикам явилось бы и ужесточение ответственности за легализацию преступных доходов от наркобизнеса. Инструмент реализации такой политики видится в сокращении для наркосбытчиков крупного и особо крупного размера преступных доходов, подлежащих легализации (отмыванию), в сравнении с категориями лиц, легализовывающих преступные доходы, полученные в результате совершения предикатных преступлений иного характера. Так, лицо, легализовавшее преступные доходы, полученные в результате, например, неправомерных действий при банкротстве, существенно менее опасно для общества, чем наркосбытчик. Учитывая поддержку, которая оказывается государством участникам отношений в сфере экономической деятельности, логично предположить, что такой шаг будет оправдан и корректен. В связи с изложенным представляется целесообразным внести изменения в примечание к ст. 174 УК РФ, указав меньший объем крупного и особо крупного размера для наркосбытчиков.

В 2021 г. доходы наркосбытчиков в России (судя только по изъятым денежным средствам) составили более 400 млн руб.* Например, в Свердловской области возбуждены уголовные дела по факту совершения А., С., Т., К., Б. и П. цифровых операций с денежными средствами, приобретенными каждым из них в результате совершения наркопреступлений, в целях придания правомерного вида их владению, пользованию и распоряжению. В действиях указанных лиц установлено наличие признаков отмывания денежных средств на общую сумму более 15 млн руб., т. е. примерно по 2,5 млн руб. на человека**. Такая сумма дохода в расчете на одного наркосбытчика в год подтверждает тезис о необходимости снижения показателя крупного и особо крупного размера, выступающего квалифицирующим признаком легализации (отмывания) преступных доходов, а также позволяет предположить, что показатель крупного размера для наркосбытчиков должен быть снижен до 500 тыс. руб., особо крупного – до 2,5 млн руб., т. е. до среднего дохода в год.

* Протокол заседания Государственного антинаркотического комитета Российской Федерации от 17.12.2021 № 49.

** Семенов Н. В. О латентных экономических преступлениях в сфере легализации денежных средств, приобретаемых в результате незаконного сбыта наркотиков: разъяснения прокуратуры Свердловской области от 12.05.2021. URL: https://midural.ru/normative_documents/100615/100630/document182035/?ysclid=lb5z2v7vi598129999 (дата обращения: 02.12.2022).

Предлагаемые изменения, на наш взгляд, позволят повысить эффективность уголовно-правового воздействия на нарко сбытчиков, будут способствовать предупреждению наркопреступлений и легализации доходов, полученных в результате совершения таких преступлений.

Список источников

1. Репецкая А. Л., Миронов А. О. Криптовалюта как объект уголовно-правового и криминологического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3. С. 109–120.
2. Колокольцев В. А. Наша стратегическая задача – подрыв экономических основ наркопреступности // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 6–10.
3. Нуркаева М. К. К вопросу о криминализации использования криптовалюты // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 49–56.
4. Егорова М. А. Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2. С. 53–57.
5. Кобец П. Н., Никитенко И. В. Противодействие незаконному обороту наркотиков в государствах Латинской Америки // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 2. С. 68–75.
6. Кобец П. Н., Никитенко И. В. Опыт противодействия незаконному обороту наркотиков в странах Латинской Америки // Укрепление полицейского сотрудничества между Китаем и Россией, совместная борьба с транснациональной преступностью: сб. науч. трудов по мат-лам кит.-рос. науч.-практ. конф. Харбин, 2019. С. 64–72.
7. Казанцев С. Я., Хайруллова Э. Т. О современных способах сбыта наркотических, сильнодействующих и психотропных веществ, их аналогов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 172–175.
8. Бегишева И. В. Легализация доходов от наркотрафика как один из видов преступной деятельности // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 41–48.

Информация об авторе

Е. Н. Бархатова – доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент

Information about for author

E. N. Barkhatova – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 24.01.2023; принята к публикации 26.01.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 24.01.2023; accepted for publication 26.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62).
С. 48–54.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
1(62):48–54
Научная статья
УДК 343.288

СМЯГЧАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, КАСАЮЩИЕСЯ ДЕТЕЙ И БЛИЗКИХ РОДСТВЕННИКОВ ВИНОВНОГО: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Елизавета Владимировна Шиманович

Омская академия МВД России, Омск

liza_shimanovi4@mail.ru

Аннотация. В статье на основании изученной практики произведен анализ применения судами смягчающих обстоятельств, касающихся детей и близких родственников виновного, выделены критерии их учета. Приведены точки зрения ученых, данные анкетирования судей Омской и Иркутской областей, Республик Ингушетия и Коми, Красноярского края, а также собственное мнение автора, позволяющие сформулировать возможные варианты изменения отечественного уголовного закона и практики его применения в части регламентации положений о смягчающих обстоятельствах, касающихся детей и близких родственников виновного.

Ключевые слова: назначение наказания, смягчающее обстоятельство, дети, близкие родственники, перечень смягчающих обстоятельств

Для цитирования: Шиманович Е. В. Смягчающие обстоятельства, касающиеся детей и близких родственников виновного: вопросы законодательства и практики его применения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 48–54.

Original article

MITIGATING CIRCUMSTANCES CONCERNING CHILDREN AND CLOSE RELATIVES OF THE PERPETRATOR: ISSUES OF LEGISLATION AND PRACTICE OF ITS APPLICATION

Elizaveta V. Shimanovich

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

liza_shimanovi4@mail.ru

Abstract. In the article, on the basis of the practice studied, an analysis was made of the application by the courts of extenuating circumstances relating to children and close relatives of the perpetrator, and the criteria for their consideration were highlighted. The points of view of scientists, the data of a survey of judges of the Omsk and Irkutsk regions, the Republics of Ingushetia and Komi, the Krasnoyarsk Territory, as well as the author's own opinion are given, allowing to formulate possible options for changing the domestic criminal law and the practice of its application in terms of regulating provisions on mitigating circumstances relating to children and close relatives of the perpetrator.

Keywords: sentencing, mitigating circumstance, children, close relatives, list of mitigating circumstances

© Шиманович Е. В., 2023

For citation: Shimanovich E. V. Mitigating circumstances concerning children and close relatives of the perpetrator: issues of legislation and practice of its application // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):48–54.

Институт смягчения наказания играет важную роль в системе его назначения. Подтверждается это официальными статистическими данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, в период с 2016 по 2020 г. включительно было осуждено 3225 886 лиц, из них к 2450 389 (75,96 %) были применены смягчающие обстоятельства*.

Перечень смягчающих обстоятельств закреплен в ч. 1 ст. 61 УК РФ. Однако законодатель допускает применение судами и иных смягчающих обстоятельств, не указанных в законе (на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ). Установить их количество возможно лишь эмпирическим путем. Нами было изучено 500 приговоров, вынесенных российскими судами первой инстанции в период с 2016 по 2020 г. Анализ приговоров показал, что судами было учтено 41 смягчающее обстоятельство, из них 35 – не указанных в законе.

Смягчающие обстоятельства могут быть обусловлены личностью виновного, обстановкой совершения преступления, его поведением, а также характеризоваться социальными коммуникативными связями, позволяющими совершить переход из зоны преступного к правомерному поведению. Одним из таких факторов является реальная забота, осуществляемая осужденным лицом в отношении близких родственников и детей.

Анализ судебной практики показал, что суды, применяя смягчающие обстоятельства, касающиеся детей и близких родственников, используют в приговорах разные формулировки, в зависимости от критериев, характеризующих смягчающее обстоятельство.

При изучении приговоров смягчающее обстоятельство, обусловленное заботой о детях, было выявлено в следующих формах:

- «наличие малолетних детей у виновного» – учтено в 180 (36 %) приговорах;
- «наличие несовершеннолетних детей у виновного» – учтено в 22 (4,4 %) приговорах;
- «наличие на иждивении у виновного детей» – учтено в 96 (19,2 %) приговорах;
- «наличие совершеннолетних детей у виновного» – учтено в одном (0,2 %) приговоре;
- «отец многодетной семьи» – учтено в одном (0,2 %) приговоре.

Во всех случаях наказание виновному смягчалось из-за наличия у него детей. Однако если «наличие малолетних детей у виновного» закреплено в перечне ч. 1 ст. 61 УК РФ, и суды обязаны его применять в отношении виновного в любых ситуациях, то остальные перечисленные выше смягчающие обстоятельства суды учитывают по своему усмотрению. При этом они должны мотивировать в приговоре применение смягчающих обстоятельств, не указанных в законе.

Для изучения данных форм смягчающих обстоятельств были использованы следующие критерии: 1) возраст детей виновного; 2) количество детей у виновного; 3) вовлеченность виновного в воспитание детей; 4) материальное обеспечение детей виновным; 5) юридическое подтверждение материнства или отцовства виновного.

Первым критерием каждого из смягчающих обстоятельств, касающихся детей, является возраст. Дети могут быть разных возрастных групп: 1) малолетние – лица до 14 лет; 2) несовершеннолетние – лица до 18 лет; 3) совершеннолетние – лица старше 18 лет. Получается, что смягчающее обстоятельство «наличие совершеннолетних детей у виновного» может быть применено к обвиняемому, даже если возраст его сына или дочери достиг пенсионного. На наш взгляд, это не совсем правильно. Данное смягчающее обстоятельство должно применяться лишь в тех случаях, когда совершеннолетние дети виновного являются студентами очной формы обучения образовательных организаций среднего и высшего профессионального образования, т. к. их, как правило, продолжают обеспечивать родители.

* Статистические данные сайта Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.12.2022).

Применительно к уголовному законодательству, возрастных границ для совершеннолетних студентов нет. Однако, исходя из анализа иных нормативно-правовых актов, например, п. 3 ч. 2.2 ст. 11 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», можно сделать вывод, что возрастное ограничение в такой ситуации – до 23 лет. Но, как показывает практика, суды не всегда обращают внимание на возраст и студенческий статус ребенка подсудимого. Так, в одном из приговоров судья учел в качестве смягчающего обстоятельства наличие у виновного совершеннолетнего ребенка, при этом не упоминая о том, что он является студентом очной формы обучения*. Считаю такое расширительное толкование данного смягчающего обстоятельства не вполне обоснованным, так как оно должно отражать свидетельства о существенном снижении общественной опасности осужденного.

Относительно смягчающего обстоятельства «отец многодетной семьи», следует отметить, что здесь нет никаких возрастных ограничений. Мы считаем, что возраст ребенка должен быть также до 18 лет или до 23 лет, если он является студентом очной формы обучения. При этом несовершеннолетних детей должно быть трое и более. Учитывается данное смягчающее обстоятельство справедливо, так как в рассматриваемой ситуации наказание виновному смягчается в интересах влияния на условия жизни его семьи, что является одной из составляющих общих начал назначения наказания. Однако иногда суд учитывает и то, что виновный – отец многодетной семьи, и то, что он имеет на иждивении детей**, т. е. прослеживается двойной учет одних и тех же сведений, что нарушает принцип справедливости. Суд должен был учесть в качестве смягчающего только одно из обстоятельств: или «наличие на иждивении детей», или «отец многодетной семьи».

Смягчающее обстоятельство «наличие малолетних детей у виновного» (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ) также ставит вопрос о количестве детей. Исходя из буквального толкования предписания закона, смягчение возможно при наличии двух и более детей, но на практике суды применяют его, даже если у виновного всего один малолетний ребенок***. С точки зрения русского языка формулировка «наличие детей» предполагает наличие и одного ребенка, поэтому считаем оправданным применение судами п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ и при наличии у виновного одного малолетнего ребенка.

Следующим критерием рассматриваемых смягчающих обстоятельств является осуществление родителем материального обеспечения ребенка. Виновный должен полностью или частично содержать своих детей, это может выражаться в покупке ребенку необходимых вещей и продуктов или в выделении необходимых денежных средств для выполнения этих действий вторым родителем (например, если супруги в разводе, и отец ребенка дает деньги его матери для обеспечения их общего сына или дочери).

Еще одним важным критерием является занятие воспитанием ребенка. Понятие «воспитание» присуще институту семьи, и данный термин встречается во многих статьях Семейного кодекса Российской Федерации, но определения не дается. В научных трудах имеются разные варианты толкования этого термина, однако ближе к семейному аспекту подходит определение Т. С. Широковой, по мнению которой «воспитание – это процесс систематического и целенаправленного воздействия на человека, управляемая система

* Приговор судебного участка № 3 г. Глазова Удмуртской Республики от 10.07.2017 № 1–26/2017 // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/F7x29UpuRY6N/> (дата обращения: 05.12.2022).

** Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области от 29.11.2018 № 1–425/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hUPp95H6fTVx/> (дата обращения: 05.12.2022).

*** Приговор Печенегского районного суда Мурманской области от 07.10.2020 № 1–102/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xEPfRdGkj2mb/>; приговор Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 23.09.2020 № 1–141/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/МаKRct7iITW1/>; приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 28.09.2018 № 1–408/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2d5nnBsQCEmb/> (дата обращения: 05.12.2022).

взаимоотношений родителей с детьми, и ведущая роль в ней принадлежит родителям» [1, с. 19]. Таким образом, от воспитания ребенка зависит его становление как личности, и основную роль в этом играют родители. Как верно отмечает В. А. Караковский, «семейное воспитание – базовое в судьбе человека» [2, с. 29].

Еще одним критерием выступает юридическое закрепление материнства или отцовства виновного. Однако наличие данного факта, на наш взгляд, не всегда свидетельствует о вовлеченности этого родителя в жизнь ребенка, так как многие родители, хотя и записаны в свидетельстве о рождении в качестве таковых, но не занимаются воспитанием ребенка и не помогают его содержать. При этом без данного критерия невозможно доказать материнство или отцовство виновного.

Таким образом, для учета в качестве смягчающего обстоятельства факта наличия у виновного детей, необходима совокупность следующих критериев:

- 1) «наличие малолетних детей у виновного»:
 - ребенок в возрасте до 14 лет;
 - воспитание и (или) содержание виновным ребенка;
 - юридическое подтверждение отцовства или материнства виновного;
- 2) «наличие несовершеннолетних детей у виновного» и «наличие на иждивении у виновного детей»:
 - ребенок в возрасте до 18 лет;
 - воспитание и (или) содержание виновным ребенка;
 - юридическое подтверждение отцовства или материнства виновного;
- 3) «наличие совершеннолетних детей у виновного»:
 - ребенок в возрасте до 23 лет;
 - является студентом очной формы обучения образовательных организаций среднего и высшего профессионального образования и требует материального содержания;
 - юридическое подтверждение отцовства или материнства виновного;
- 4) «отец многодетной семьи»:
 - наличие в семье троих и более несовершеннолетних детей;
 - воспитание и (или) содержание их виновным;
 - юридическое подтверждение отцовства или материнства виновного.

Далее рассмотрим смягчающие обстоятельства, которые можно отнести к близким родственникам виновного. В качестве таковых можно выделить следующие:

- «наличие у виновного престарелых родителей» – учтено в 13 (2,6 %) приговорах;
- «проблемы со здоровьем близких родственников виновного» – учтено в 61 (12,2 %) приговоре;
- «наличие на иждивении у виновного нетрудоспособных близких родственников» – учтено в 7 (1,4 %) приговорах.

Основным критерием для всех перечисленных смягчающих обстоятельств является наличие близкого родства виновного с данными лицами. Лица, относящиеся к рассматриваемой категории граждан, перечисляются в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации, где указано, что близкими родственниками являются родители и дети, бабушка, дедушка, внуки, имеющие общих отца или мать братья и сестры. В пункте 4 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации также определяются близкие родственники, ими являются: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, дедушка, внуки. Таким образом, УПК РФ добавляет в список близких родственников усыновителей и усыновленных.

Смягчающее обстоятельство «наличие на иждивении у виновного нетрудоспособных близких родственников» должно обладать таким критерием, как иждивение, на котором у виновного находится близкий родственник. Понятие «иждивение» уголовный закон не определяет,

однако, например, статья 9 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в РФ» называет иждивенцами членов семьи, состоящих на полном содержании лица или получающие от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию. Таким образом, близкий родственник должен находиться на полном содержании виновного.

Между тем некоторым людям, находящимся на иждивении, требуется уход, который они не имеют возможности делать самостоятельно в силу возраста или состояния здоровья (например, престарелые родители могут самостоятельно себя обеспечить, при этом они не в силах заботиться о себе, и виновный помогает им в этом). Такую ситуацию можно отнести к так называемому «фактическому» иждивению, которое в суде подтверждается, но соответствующими органами социальной опеки может быть не всегда оформлено (отсутствует юридическое оформление иждивения). Можно сделать вывод, что «фактическое» иждивение является еще одним критерием учета смягчающего обстоятельства «наличие на иждивении у виновного нетрудоспособных близких родственников». При этом оба указанных признака должны образовываться в силу нетрудоспособности близкого родственника, что можно выделить в качестве самостоятельного критерия.

Смягчающее обстоятельство «проблемы со здоровьем близких родственников виновного» следует учитывать при наличии тяжелого или крайне тяжелого состояния здоровья близкого родственника виновного, вследствие чего виновный осуществляет уход за данным лицом или же больной родственник находится на иждивении виновного. Получается, что при учете рассматриваемого смягчающего обстоятельства, как и в предыдущем случае, близкий родственник должен находиться на реальном или «фактическом» иждивении виновного. Только в данном случае причиной иждивения будет болезнь близкого родственника. Исключение здесь может быть только в такой ситуации, когда виновный не содержит и не ухаживает за близким родственником, но, например, в силу сострадания совершил кражу дорогостоящего препарата для тяжело больного близкого родственника.

Следующее смягчающее обстоятельство – «наличие у виновного престарелых родителей» должно обладать еще таким критерием, как возраст родителей. Считаем, что таким возрастом нужно считать достижение установленного в нашей стране пенсионного возраста. Однако наличия только этого критерия, на наш взгляд, недостаточно. Необходимо, чтобы родитель виновного находился на «фактическом» или реальном иждивении виновного в силу тяжелого заболевания или иных причин.

Таким образом, для учета в качестве смягчающих обстоятельств тех, которые учитываются в силу защиты интересов близких родственников, необходимо наличие совокупности следующих критериев:

- 1) «наличие у виновного престарелых родителей»:
 - лицо, в интересах которого виновному смягчается наказание, является матерью или отцом виновного;
 - нахождение родителя на реальном или «фактическом» иждивении виновного;
 - достижение пенсионного возраста родителем виновного;
- 2) «проблемы со здоровьем близких родственников виновного»:
 - наличие близкого родства виновного с данными лицами;
 - нахождение близкого родственника на реальном или «фактическом» иждивении виновного;
 - тяжелое или крайне тяжелое заболевание близкого родственника;
- 3) «наличие на иждивении у виновного нетрудоспособных близких родственников»:
 - наличие близкого родства виновного с данными лицами;
 - нахождение близкого родственника на реальном или «фактическом» иждивении виновного;
 - близкий родственник является нетрудоспособным.

На наш взгляд, все три смягчающих обстоятельства можно объединить и применять как «наличие у виновного на реальном или «фактическом» иждивении близких родственников», так как третий критерий во всех ситуациях является причиной нахождения близкого родственника на иждивении виновного. В приговоре же необходимо указать эти причины, подтвердив их соответствующими документами.

Рассмотрев ряд смягчающих обстоятельств, касающихся близких родственников и детей виновного, следует отметить, что все они направлены на смягчение последнему наказания в силу защиты интересов лиц, воспитанием или содержанием которых он занимается, или же которые находятся на его иждивении (реальном или «фактическом»).

Сравнивая применяемые судами смягчающие обстоятельства, касающиеся детей и близких родственников виновного, считаем необходимым внести изменения в законодательную конструкцию п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ, чтобы устранить возрастную дискриминацию несовершеннолетних относительно малолетних детей, так как ребенка и по достижении 14-летнего возраста продолжают обеспечивать и воспитывать родители, а также придать особый статус близким родственникам виновного, которые находятся на иждивении последнего или требуют постоянного ухода за ними.

Нами было проведено анкетирование 99 судей Омской и Иркутской областей, Республик Ингушетия и Коми, Красноярского края. Один из вопросов, относящийся к теме статьи, был поставлен следующим образом: «Как Вы считаете, необходимо ли законодательное совершенствование конструкции смягчающего обстоятельства «наличие малолетних детей у виновного» (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ)?» Положительный ответ дали 57 (57,58 %) респондентов, которые выбрали следующие варианты редакции данного смягчающего обстоятельства: 14 (24,56 %) – «наличие на иждивении у виновного малолетних детей», 21 (36,84 %) – «наличие на иждивении у виновного несовершеннолетних детей», 18 (31,58 %) – «наличие у виновного несовершеннолетних детей и иных близких родственников на иждивении, или требующих постоянного ухода за ними». Четверо (7,02 %) судей отметили вариант «иное», в котором один судья указал, что наличие детей у виновного должно учитываться в качестве смягчающего обстоятельства только в случае официального подтверждения отцовства (материнства), так как если они не указаны в свидетельстве о рождении, то родитель не несет социальной ответственности за ребенка. Считаем возможным не согласиться с этим, так как наличие факта официального отцовства (материнства) не подтверждает вовлеченность родителя в воспитание и (или) материальное обеспечение ребенка. Еще двое респондентов указали «наличие совершеннолетних детей у виновного» и один отвечавший предложил поменять п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ на «наличие малолетних или (и) несовершеннолетних детей», с чем мы также не согласны, так как должен быть установлен не только факт наличия детей у виновного, но и подтверждение, что он занимается их воспитанием и (или) содержанием.

В научных трудах по уголовному праву предлагались следующие варианты изменения формулировки п. «г» ст. 61 УК РФ:

- 1) «наличие малолетних детей и иждивенцев у виновного при реальной заботе о них» [3, с. 236–238];
- 2) «наличие у виновного на воспитании или иждивении малолетних детей» [4, с. 466–470];
- 3) «наличие на иждивении у виновного малолетнего ребенка» [5, с. 11].

Во всех предложенных вариантах авторы ограничиваются только малолетними детьми, что, на наш взгляд, противоречит принципу справедливости относительно несовершеннолетних детей виновного.

Считаем, что для учета всех необходимых критериев, пункт «г» ч. 1 ст. 61 должен быть изложен следующим образом: «наличие у виновного несовершеннолетних детей и иных близких родственников на иждивении, или требующих постоянного ухода за ними»,

при этом в ППВС от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» нужно указать, что данное смягчающее обстоятельство может применяться и при наличии у виновного совершеннолетнего ребенка до 23 лет при условии, что он является студентом очной формы обучения образовательных организаций среднего и высшего профессионального образования и находится на материальном обеспечении обвиняемого родителя.

Список источников:

1. Широбокова Т. С. Значение семейного воспитания в формировании гармоничной личности подростка // Научные исследования в образовании. 2011.
2. Караковский В. А. Воспитание для всех. М: НИИ школьных технологий, 2008.
3. Жилыева А. М. О классификации обстоятельств, смягчающих наказание, практика их применения // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 5.
4. Ситник В. Н. Несовершенство института смягчающих наказание обстоятельств и пути его преодоления // Вопросы российской юстиции. 2020. № 8.
5. Мингалимова М. Ф. Назначение наказания с учетом смягчающих обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

Информация об авторе

Е. В. Шиманович – адъюнкт кафедры уголовного права Омской академии МВД России

Information about the author

E. V. Shimanovich – post graduate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 55–58.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):55–58.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Регина Ринатовна Хайбрахманова

Казанский юридический институт МВД России, Казань
regina3420@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы квалификации жестокого обращения с животными в рамках совершенствования научно-методического обеспечения уголовно-правового противодействия данному деянию. Автор отмечает недостатки актуальной редакции ст. 245 УК РФ в соотношении с федеральным законодательством в сфере ответственного обращения с животными. На основе проведенного исследования сформулированы предложения для совершенствования уголовного законодательства в части противодействия жестокому обращению с животными.

Ключевые слова: жестокое обращение, животные, садистские методы

Для цитирования: Хайбрахманова Р. Р. Проблемы квалификации жестокого обращения с животными // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 55–58.

Original article

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRUELTY TO ANIMALS

Regina R. Khaybrakhmanova

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan
regina3420@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of qualification of cruelty to animals in the framework of improving the scientific and methodological support of criminal law counteraction to this act. The author notes the shortcomings of the current wording of Art. 245 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to federal legislation in the field of responsible treatment of animals. On the basis of the study, proposals were formulated for improving criminal legislation in terms of combating cruelty to animals.

Keywords: abuse, animals, sadistic methods

For citation: Khaybrakhmanova R. R. Problems of qualification of cruelty to animals // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):55–58.

Уголовным законодательством Российской Федерации предусмотрена ст. 245 УК РФ, устанавливающая ответственность за жестокое обращение с животными, поскольку основным непосредственным объектом данного деяния является часть сферы общественной нравственности, которой установлены представления об ответственном обращении с животными.

Однако проведенное нами исследование следственно-судебной практики по делам данной категории за период 2016–2021 гг., а также юридической литературы по данной теме позволяет отметить наличие ряда проблем в квалификации жестокого обращения с животными по признакам объективной стороны состава преступления, что вызывает сложности в привлечении виновных лиц к установленной законом ответственности.

Как отмечает Р. Б. Осокин, ввиду отсутствия в российском административном законодательстве самостоятельной статьи, предусматривающей ответственность за жестокое обращение с животными, уголовно-правовому противодействию данному деянию должно уделяться повышенное внимание [1].

Действительно, административное законодательство Российской Федерации не предусматривает возможности привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении правил обращения с животными, тогда как уголовное законодательство в данной сфере имеет ряд проблем, что негативно сказывается на обеспечении правовой охраны исследуемой сферы общественных отношений [2]. Так, Федеральным законом от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ* статья 245 УК РФ была дополнена указанием на цель, а также квалифицирующими признаками. В настоящее время данная статья изложена в следующей редакции: «Жестокое обращение с животным в целях причинения ему боли и (или) страданий, а равно из хулиганских побуждений или из корыстных побуждений, повлекшее его гибель или увечье».

Длительное время российское законодательство не содержало легального определения жестокого обращения с животными. Имеющийся пробел восполняло множество доктринальных определений, что влекло за собой формирование неоднозначной следственно-судебной практики. Точку в дискуссии удалось поставить в связи с принятием Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными», согласно которому жестокое обращение с животными предполагает такое обращение с ними, которое привело или может привести к гибели, увечью или иному повреждению здоровья и т. д.

Следует отметить противоречие в понимании жестокого обращения с животными, поскольку профильный закон в данной сфере был принят лишь в 2018 г. с учетом более проработанного подхода к нормативному правовому регулированию и понятийному аппарату. В частности, избыточным стало указание на цель жестокого обращения с животными в виде причинения ему боли и страданий, поскольку данное деяние изначально предполагает совершение виновным лицом действий, направленных на причинение страданий животному, что следует из его легального определения. Считаем, что указание цели в диспозиции ст. 245 УК РФ приводит к узкому толкованию определения, указанного в Федеральном законе «Об ответственном обращении с животными».

Исходя из того, что состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, по конструкции объективной стороны является материальным, обязательными признаками объективной стороны являются общественно опасное деяние, выраженное в форме действия или бездействия, преступные последствия и наличие причинно-следственной связи между ними. Однако применительно к истязанию как форме жестокого обращения с животными считаем, что последствия в виде смерти или увечий могут не наступить, но они охватываются определением жестокого обращения с животными. Так, например, в случае длительного содержания животного в неудовлетворительных условиях, лишения его сна, еды и воды, наступают последствия в виде вреда здоровью животного без причинения ему увечий.

И. И. Лобов отмечает, что указание в диспозиции ст. 245 УК РФ на обязательное наступление преступных последствий значительно сужает ее применение. В связи с этим необходимо исключить из ч. 1 ст. 245 УК РФ указание на последствия, что позволит сделать состав преступления формальным по конструкции, при этом в ч. 2 ст. 245 УК РФ предусмотреть указание на гибель животного или получение им увечий в результате жестокого обращения, что преобразует состав в квалифицированный [3].

В. С. Мирошниченко считает необходимым исключить из диспозиции ст. 245 УК РФ понятие «увечье» и дополнить ее понятием «вред здоровью животного», поскольку до настоящего времени неоднозначно разрешен вопрос о квалификации деяний в случае отравления животного, облучения его радиоактивными веществами, доведения голодом до истощения

* Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

и т. д., если не нарушена анатомическая целостность его организма. Остается неразрешенным также вопрос о критериях причиненного вреда здоровью животного, что не позволяет исключить субъективное усмотрение при квалификации деяния [4]. Согласно статье, преступным результатом является не просто причинение смерти животному, а сопряженное с жестоким обращением.

Кроме обязательных, объективные признаки преступления характеризуются наличием признаков факультативного характера, имеющих значение для квалификации деяния по ст. 245 УК РФ, – это способ и обстановка совершения общественно опасного деяния. Так, квалифицированный состав жестокого обращения с животными характеризуется применением виновным садистских методов как способа совершения деяния (п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ).

Садистские методы характеризуют поведение виновного лица, отличающееся крайней степенью жестокости, и заключаются в получении наслаждения от причинения страданий [5], а также в применении изощренных приемов, причиняющих особые страдания животному (например, расчленение, сжигание, удушение и т. д.) [6, с. 145].

Из материалов следственно-судебной практики: 26 февраля 2018 г. ФИО находился у себя дома и услышал вой соседской собаки, у ФИО возник умысел на умерщвление собаки путем ее поджога. ФИО вылил бензин на собаку и при помощи спичек поджег ее, тем самым причинив животному смерть. Деяние ФИО было квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 245 УК РФ и подлежало наказанию в виде 3 лет лишения свободы*.

Следует отметить, что нередко правоприменитель не разграничивает понятия «жестокость» и «садистские методы», отождествляя их, поскольку в уголовном законе не раскрываются данные понятия, что делает их оценочными. В связи с этим Е. В. Бочаров считает, что в ст. 245 УК РФ необходимо оставить признак «жестокость», исключив идентичный признак «садистский метод». В свою очередь, В. С. Мирошниченко представляет возможным в ст. 245 УК РФ понятие «садистские методы» поменять на понятие «садистские побуждения», что, по его мнению, позволит внести ясность в правоприменительную практику и приведет ее к единообразию [7].

Безусловно, оценочные понятия придают уголовно-правовому регулированию гибкость, полноту и динамичность, однако их применение порождает и некоторые негативные последствия, например, субъективное усмотрение в их применении и толковании может привести к ошибкам [8]. Считаем, что применение оценочных понятий при конструировании уголовно-правовой нормы допустимо, но требует уточнения правил квалификации деяния, например, путем издания соответствующих судебных рекомендаций, что позволит избежать неоднозначного толкования и ошибок на этапах возбуждения уголовного дела и его расследования.

В связи с этим формирование единообразной следственно-судебной практики, а также совершенствование уголовно-правового противодействия жестокому обращению с животными требуют внесения изменений в уголовное законодательство, что позволит разрешить выявленные нами проблемы.

Таким образом, проведенное исследование позволило нам сделать следующие выводы.

1. Редакция ст. 245 УК РФ имеет ряд недостатков, к числу которых следует отнести особенности юридической техники конструирования состава преступления, а также используемый понятийный аппарат, что приводит к проблемам в правоприменительной деятельности и негативно влияет на привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности.

* Приговор Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ № 1–883/2019 от 21.11.2019 по делу № 1–883/2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, содержит указание на цель деяния, что представляется нам недостатком, поскольку определение, указанное в Федеральном законе «Об ответственном обращении с животными», содержит необходимые признаки и не предусматривает цели. Поэтому считаем необходимым исключить указание на цель деяния в ст. 245 УК РФ, что позволит сделать диспозицию статьи бланкетной.

3. Указание в ст. 245 УК РФ на причинение животному боли и (или) страданий приводит к необходимости субъективного толкования понятий правоприменителями, поскольку жестокое обращение с животными изначально предполагает причинение боли и страданий животному. Следовательно, законодатель необоснованно объединил объективные признаки состава преступления (жестокое обращение с животными, включающее боль и страдания) и признаки субъективной стороны (в целях причинения боли и (или) страданий).

4. Считаем необходимым исключить из ч. 1 ст. 245 УК РФ указание на необходимость наступления последствий в виде причинения увечий или смерти животного для квалификации деяния, перенеся их в ч. 2 названной статьи, поскольку истязание животного может не привести к указанным последствиям, например, при оставлении животных без питания или нарушения правил обращения с ними.

5. В целях разрешения проблемы субъективного усмотрения при определении садистских методов жестокого обращения с животными предлагаем авторское определение, согласно которому под садистскими методами следует понимать особо мучительные способы обращения с животными, причиняющие им страдания: мучительное умерщвление или членовредительство, пытки, сожжение живьем, мучение голодом и жаждой, удушение и иные методы истязания.

Список источников

1. Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. д-ра юрид. наук. М., 2014. – 271 с.
2. Семенов К. П. Животные как предмет и средство преступления: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. – 227 с.
3. Лобов И. И. Уголовная ответственность за жестокое обращение с животными: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. – 167 с.
4. Мирошниченко В. С. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М., 2013. – 218 с.
5. Большая психологическая энциклопедия / А. Б. Альмуханова [и др.]. М.: Эксмо, 2007. – 542 с.
6. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М.: НОРМАИНФРАМ, 1999.
7. Мирошниченко В. С. Указ. соч.
8. Меньшикова А. Г. Оценочные понятия в уголовном законе // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 6 (90). С. 59–61.

Информация об авторе

Р. Р. Хайбрахманова – преподаватель-методист факультета заочного образования Казанского юридического института МВД России

Information about the author

R. R. Khaybrakhmanova – teacher-methodologist of the Faculty of correspondence Education of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 06.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. №1(62). С. 59–63.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):59–63.

Научная статья
УДК 343.92

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСГРАНИЧНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Екатерина Александровна Исаченко

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск
isachenko.katya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются природно-географические, политико-правовые и экономические условия, характеризующие Дальневосточные регионы России. Уголовно-правовой и криминологический анализ этих условий позволил прийти к выводу о том, что природные ресурсы, распространенные виды экономической деятельности и внешнеторговые отношения, а также наличие государственной границы с Китаем на территории ряда дальневосточных субъектов России могут являться факторами трансграничной преступности.

Ключевые слова: трансграничная преступность, детерминанты преступности, Дальневосточные регионы России, государственная граница, контрабанда

Для цитирования: Исаченко Е.А. О факторах, детерминирующих трансграничную преступность // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 59–63.

Original article

THE INFLUENCE OF REGIONAL FACTORS ON CROSS-BORDER CRIME

Ekaterina A. Isachenko

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk
isachenko.katya@mail.ru

Abstract. The article examines the natural-geographical, political-legal, and economic factors that characterize the Far Eastern regions of Russia. The criminal and criminological analysis of these factors, led to the conclusion that natural resources, common economic activities and foreign trade relations, as well as the presence of the state border with China on the territory of some Far Eastern regions Russian subjects may be conditions of trans-border crime.

Keywords: cross-border crime, determinants of crime, Far Eastern regions of Russia, state border, smuggling

For citation: Isachenko E.A. The influence of regional factors on cross-border crime // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62): 59–63.

Регионы Дальнего Востока России славятся своими богатейшими природными ресурсами. Эта особенность Дальневосточного региона привлекательна не только субъектам, ответственным за обеспечение высокого уровня экономического развития страны, но и тем, кто преследует корыстные цели и собственное обогащение, а для их достижения использует противозаконные способы и средства.

В связи с этим необходимо обратить внимание на феномен внешнеэкономической деятельности. Рассматривая внешнеторговую деятельность как элемент внешнеэкономической деятельности и учитывая, что такая деятельность предполагает перемещение товаров и предметов через таможенные границы нескольких государств, можно сделать вывод о том, что преступная деятельность в указанной сфере, в частности действия, образующие состав преступления, предусмотренный ст. 226¹ УК РФ, будет иметь трансграничный характер.

Согласно статистическим сведениям ГИАЦ МВД России, количество выявленных преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 226¹ УК РФ, за период 2017–2022 гг. увеличилось почти в 3 раза: в 2018 г. выявлено 168 преступлений [1, с. 39], в 2019 г. – 375 [2, с. 45], в 2020 г. – 403 [3, с. 45], в 2021 г. – 484 [4, с. 45], в 2022 г. – 499 [5, с. 44].

Значительная часть из числа указанных преступлений совершается на территориях Дальневосточного федерального округа и выявляется правоохранительными органами его субъектов, что подтверждается данными Дальневосточного таможенного управления.

Контрабанда (ст. 226¹ УК РФ)*

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Количество возбужденных уголовных дел	110	75	65	94	156**

Отметим, что сведения о количестве возбужденных уголовных дел по ст. 226¹ УК РФ в 2019 и 2020 г. включают в себя только данные о фактах контрабанды лесоматериалов.

Природные ресурсы часто становятся предметом преступного посягательства трансграничного характера. Так, в декабре 2022 г. Генеральная прокуратура России направила в суд уголовное дело в отношении участника организованной преступной группы из Приморья, которая контрабандой вывезла в Китай ценные породы древесины, а именно ильм сродный, липу амурскую, липу маньчжурскую, осину, березу белую, березу желтую и ель аянскую***.

Такой фактор, как наличие приграничных территорий у значительной части регионов Дальнего Востока России, становится условием и для совершения других видов преступлений, например, миграционных. Криминологи отмечают, иммиграция из ряда стран Юго-Восточной Азии, и особенно Китая, в регионы азиатской части России в разные исторические периоды оказывала неблагоприятное воздействие на криминогенный фон и миграционную безопасность в целом [6, с. 47]. Китайские ученые в своих исследованиях также приходят к выводу о том, что международная миграция является причиной преступной деятельности таких мигрантов, что, в свою очередь, становится причиной роста транснациональной преступности. Кроме того, немало международных миграционных потоков образовывались в результате совершения преступлений, а именно нелегального пересечения или организации нелегального пересечения границы [7, с. 3].

Российская Федерация, имея самую протяженную в мире государственную границу, граничит и с наибольшим числом стран. В Дальневосточный федеральный округ входят Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Приморский край, Камчатский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область,

* URL: <https://dvtu.customs.gov.ru>.

** URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/news/document/380159>.

*** URL: <https://ria.ru/20221223/kontrabanda-1840706992.html>

Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, из них 7 субъектов являются приграничными территориями – Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область. Пять из указанных субъектов граничат с Китайской Народной Республикой. Кроме того, к приграничным с Китайской Народной Республикой территориям также относится Республика Алтай, которая входит в Сибирский федеральный округ.

Таким образом, значительная часть регионов Дальнего Востока России граничит с Китайской Народной Республикой.

Как отмечают исследователи, за последние тридцать лет разнообразие сфер и направлений российско-китайского взаимодействия и значение, которое уделяется этому государством в лице как центральных, так и региональных органов власти, колоссально возросло [8, с. 129]. Взаимоотношения России и Китая, в том числе на приграничных территориях двух государств, строятся на осуществлении многосторонней торгово-экономической и хозяйственной деятельности. Так, Программа сотрудничества между регионами Северо-Востока Китая и регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России, подписанная двумя государствами в 2009 г., а также создание в 2012 г. в России правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока увеличили интенсивность развития и освоения дальневосточных регионов. В 2015 г. в связи с осуществлением выдвинутого ранее Председателем КНР Си Цзиньпином предложения о создании проекта социально-экономического развития «Один пояс – один путь» был принят стратегически важный для Китая и России документ «Совместное заявление КНР и РФ о сотрудничестве по сопряжению строительства Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза» [9, с. 404].

В настоящее время в докладах региональных руководителей отмечается, что Китайская Народная Республика является ключевым партнером регионов. Регионы связывает не только общая граница, но и взаимодополняемость экономических потенциалов, богатый опыт многолетнего сотрудничества. Так, губернатор Хабаровского края М. Дегтярев подчеркивает: «Благодаря тесному сотрудничеству с провинцией Хэйлунцзян в 2022 году возобновлена работа двух пунктов пропуска – «Хабаровск – Фуюань» и «Покровка – Жаохэ». За неполные два месяца через них перегружено более 70 тысяч тонн грузов. Дополнительная точка роста – формирование нового логистического маршрута для доставки контейнерных грузов речным транспортом между портами краевой столицы, Фуюаня и Тунцзяна. В дальнейшем данная практика может быть распространена на провинцию Гуандун – с использованием мощностей морских портов Ванино и Советская Гавань. И здесь ключевая роль отводится проекту совместного освоения трансграничного острова Большой Уссурийский и строительству круглогодичного грузопассажирского пункта пропуска. К 2030 году его ежегодный грузооборот способен достигнуть 1,3 млн тонн грузов, а пассажиропоток – 1,45 млн человек»*.

Анализ указанного сообщения, основанный на криминологическом подходе, позволяет выделить факторы, которые могут прямо или косвенно способствовать совершению гражданами России и Китая преступлений в процессе их основной экономической деятельности. Этими факторами являются: наличие пунктов пропуска через государственную границу; большой объем перемещаемых грузов; формирование новых транспортных маршрутов в приграничных регионах двух государств; планирование двустороннего освоения трансграничной территории – острова Большой Уссурийский.

С учетом климатических, транспортных и остальных условий, необходимых для развития того или иного производства на Дальнем Востоке России сформированы и развиты следующие отрасли – машиностроение, лесная промышленность, рыбный промысел, топливо и энергетика, цветная металлургия. Основу функционирования и развития этих отраслей

* URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/191865>

составляют природные ресурсы регионов – углеводороды, золото, алмазы, черные, цветные и редкие металлы, олово, уголь и другие рудные и нерудные полезные ископаемые; водно-биологические ресурсы; лесной фонд*.

На достаточном уровне в регионах Дальнего Востока развиты сферы торговли и предпринимательства. Объектами товарооборота на Дальнем Востоке являются следующие товары: продукты животного происхождения; продукты растительного происхождения; жиры и масла; пищевые продукты; продукция химической промышленности; пластмассы, каучук и резина; изделия из кожи и меха; древесина и изделия из нее; бумага, картон; текстиль; изделия из камня, керамики и стекла; драгоценности; металлы и изделия из них и пр**.

На одном из первых мест в числе основных торговых партнеров Российской Федерации находится Китай, и в объеме импорта из этой страны, традиционно, большую часть занимают товары широкого потребления [10, с. 61].

Из анализа материалов судебной практики можно заключить, что предметами трансграничного преступного посягательства выступают природные объекты и ресурсы, а также товары и другие предметы жизнедеятельности.

Так, гр. Д., являясь членом команды транспортного средства международной перевозки грузов в июле 2016 г. намеревался осуществить перевозку пушнины, а именно шкуры животных, принадлежащих к особям норки (*Mustela vison domestic*) искусственного (клеточного) разведения, являющихся стратегически важным ресурсом, согласно п. 12 разд. 2 Перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226¹ УК РФ***, на территорию Китайской Народной Республики с целью реализации неустановленным лицам за денежное вознаграждение****.

Контрабанда запрещенных в соответствии с законодательством РФ к обороту предметов совершается и гражданами КНР. Так, гр. Ц., имеющий гражданство КНР, совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 226¹ УК РФ – незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС стратегически важных ресурсов в крупном размере. Из обстоятельств дела установлено, что гр. Ц. в ходе прохождения таможенного контроля, осознавая, что имеет при себе товар, подлежащий обязательному письменному декларированию, не имея документов, подтверждающих соблюдение запретов и ограничений в отношении перемещаемого из РФ в КНР товара, умышленно, с целью контрабанды указанного товара, сокрытого в рейсовом автобусе, заявил сотруднику Международного автомобильного пункта пропуска «Пограничный – Суйфэньхэ», расположенного на территории Пограничного района Приморского края, об отсутствии у него и в указанном автобусе предметов, подлежащих таможенному декларированию, тем самым сокрыл от таможенного контроля способом, затрудняющим обнаружение при визуальном осмотре, незаконно перемещаемый кустарно изготовленный слиток золото-серебряно-оловянного сплава, содержащий в своем составе драгоценные металлы – золото и серебро*****.

Таким образом, отдельные преступления трансграничного характера, совершаемые на территории Дальнего Востока России в сфере экономической деятельности, могут повлечь следующие негативные последствия для регионов и государства: криминализация экономической деятельности; рост контрабанды товаров и продукции, особенно специфических

* URL: <https://tass.ru/info/2228694>

** URL: <https://ru-stat.com/date-M202207-202207/RU07/trade>

*** Об утверждении Перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тысяч рублей: постановление Правительства РФ от 13.09.2012 № 923.

**** Приговор Кировского районного суда г. Хабаровска от 09.08.2019 № 1–162/2019. URL: [//sudact.ru/regular/doc/gE4yubjYwa4VH/](https://sudact.ru/regular/doc/gE4yubjYwa4VH/)

***** Приговор Пограничного районного суда Приморского края от 28.05.2020 № 1–63/2020. URL: [//sudact.ru/regular/doc/L8MtrFw7QxHx](https://sudact.ru/regular/doc/L8MtrFw7QxHx)

для регионов Дальнего Востока, между приграничными территориями России и Китая; расширение круга субъектов преступлений по признаку гражданства; рост преступлений, совершаемых организованными преступными группами.

В заключение подчеркнем, что распространенные в Дальневосточном регионе виды экономической деятельности, широкой перечень предметов товарооборота внешней торговли, а также наличие протяженной государственной границы с Китайской Народной Республикой на территориях субъектов Дальневосточного федерального округа как отдельные факторы не являются исчерпывающими условиями, которые влияют на состояние и развитие трансграничной преступности. К таким условиям также следует отнести состав населения приграничных территорий и наличие узлов транспортной инфраструктуры на этих территориях. Обозначенные социальные и экономические факторы должны стать предметом дополнительных исследований в аспекте обеспечения трансграничной безопасности и противодействия трансграничной преступности.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 г., М.: ГИАЦ МВД России, 2018. 60 с.
2. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 г., М.: ГИАЦ МВД России, 2019. 66 с.
3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 г., М.: ГИАЦ МВД России, 2020. 66 с.
4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 г., М.: ГИАЦ МВД России, 2021. 67 с.
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 г., М.: ГИАЦ МВД России, 2022. 67 с.
6. Никитенко И. В. Криминальная миграция в Азиатской части России: историко-правовой очерк // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3(36). С. 42–47.
7. 杨忠孝. 论跨国犯罪的原因. 青少年犯罪问题, 1997年. 2期. 第1–5页. 见 Чжунсяо. О причинах транснациональной преступности // Вопросы преступности несовершеннолетних. 1997. № 2. С. 1–5.
8. Приграничное сотрудничество вдоль Государственной границы России. Часть 1. Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / Я. А. Ворожейна [и др.]. Калининград: Изд-во Балт. федер. ун-та им. И. Канта, 2021. – 213 с.
9. 徐阳东. 线谈“一带一路”背景下的中俄边境警务合作. 浙江警察学院, 杭州 // 优化中俄边境地区警察执法活动以有效打击跨国犯罪和保障两国公民合法权益 – 国际学术研讨论文集. 中国人民公安大学出版社. 北京. 2016年5月. 1版. 第404-408页. Сюй Яндун. О приграничном правоохранительном сотрудничестве Китая и России в условиях проекта «Один пояс – один путь» // Оптимизация деятельности полиции приграничных районов Китая и России в целях борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения законных прав и интересов граждан двух стран: сб. статей междунар. научн.-практ. конф. Пекин: Изд-во Ун-та общест. безопасности КНР. 2016. № 1. С. 404–408.
10. Бартнев С. А. [и др.]. Особенности импорта потребительских товаров длительного пользования из Китая в Россию // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 12. С. 61–75.

Информация об авторе

Е. А. Исаченко – научный сотрудник научно-исследовательского отдела

Information about the author

E. A. Isachenko – researcher of the research department

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 01.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 20.03.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 64–70.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; № 1 (62): 64–70.

Научная статья

УДК 343.21

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ СТАТИСТИКА И СТРУКТУРА ПРЕСТУПНОСТИ КАК ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Никита Сергеевич Грудинин

Московский государственный лингвистический университет, Москва

nekit-07@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние уголовно-правовой статистики и показателей преступности на развитие уголовно-правовой политики Российской Федерации. Отмечается, что уголовно-правовая политика продолжает свое активное развитие, отчасти базируясь на показателях криминальной статистики, судебной и правоприменительной практики. Подчеркивается, что линия на гуманизацию уголовного законодательства и уголовно-правовой политики России лишь частично стабилизировала уровень преступной угрозы. Развитие уголовно-правовой политики помогло снизить уровень преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, но пока не найдены эффективные способы противодействия коррупционной преступности. Утверждается, что эффективность уголовно-правовой политики государства определяется в том числе применяемым судами «арсеналом» уголовных наказаний, балансом гуманизма и строгости, которые упреждают решимость человека совершить преступление.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, статистика преступности, уголовное наказание, гуманизм, строгость, карательный потенциал

Для цитирования: Грудинин Н. С. Уголовно-правовая статистика и структура преступности как факторы, определяющие содержание уголовно-правовой политики // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 64–70.

Original article

CRIMINAL LAW STATISTICS AND CRIME PATTERNS AS DETERMINANTS OF CRIMINAL LAW POLICY

Nikita S. Grudinin

Moscow State Linguistic University, Moscow
nekit-07@mail.ru

Abstract. The article analyzes the impact of criminal law statistics and crime indicators on the development of the criminal law policy of the Russian Federation. Criminal law policy continues its active development, partly based on the indicators of criminal statistics, judicial and law enforcement practice. It is emphasized that the line on the humanization of criminal legislation and the criminal law policy of Russia only partially stabilized the level of criminal threat. The development of criminal law policy has helped to reduce crime in the field of illegal drug trafficking in drugs and psychotropic substances sphere, but has not yet been able to find effective ways to counter corruption crime. The effectiveness of the state's criminal law policy is determined, among other things, by the system of criminal punishments applied by the courts, the balance of humanism and severity, which preempts a person's determination to commit a crime.

Keywords: criminal law policy, crime statistics, criminal punishment, humanism, rigor, punitive potential

For citation: Grudinin N. S. Criminal law statistics and crime patterns as determinants of criminal law policy. *Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023; 1(62):64–70.

Правовое демократическое государство, которое гарантировано ст. 1 Конституции Российской Федерации, предполагает защиту граждан от преступных посягательств и поддержание в обществе режима законности и правопорядка. К сожалению, реальная действительность показывает, что преступность продолжает оставаться серьезной угрозой для граждан России. Очевидно, что в настоящее время, несмотря на определенное снижение числа ежегодно совершаемых преступлений, фиксируемых в данных официальной статистики, уровень преступности существенно не снижается. Более того, отдельные виды преступности, такие как преступность мигрантов, коррупционная преступность, преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, становятся все большей угрозой для современного российского общества.

Очевидно, что современная уголовно-правовая политика Российской Федерации окончательно не сформирована. Она продолжает свое развитие, но при этом процесс ее совершенствования порой носит конъюнктурный характер, не всегда учитывая статистические показатели преступности, рекомендации сотрудников правоохранительных органов и научного сообщества. В настоящее время к основным направлениям уголовно-правовой политики России следует отнести гуманизацию и либерализацию уголовного законодательства, смягчение уголовной ответственности в отношении представителей бизнеса, ужесточение уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в сфере экономики, в сфере общественной безопасности, противодействия терроризму и экстремизму. Как представляется, стабильная, продуманная и научно обоснованная уголовно-правовая политика государства – одно из основных условий полноценной борьбы с преступностью в масштабах государства. Такая политика обеспечивает стабильность норм уголовного закона, позволяет удерживать показатели преступности на социально приемлемом уровне, сохраняя необходимый паритет между правопослушным и преступным образом жизни.

Ясно, что преступность, ее характеристики и показатели с течением времени претерпевают изменения. Обусловлено это самыми различными причинами: изменениями в экономике, социальными переменами в обществе, усилением борьбы с криминалитетом или его ослаблением, степени эффективности функционирования правоохранительных органов, а также уровнем правового сознания населения. Кроме того, в настоящее время эффективность борьбы с преступностью во многом зависит от развития научно-технического прогресса и современных информационно-коммуникационных технологий, а также от совершенствования текста уголовного закона, предоставляющего государству легальные пути и способы противодействия преступной угрозе и предупреждения совершения новых преступлений. Несомненно, знание статистики и структуры преступных посягательств – это достаточно важные факторы, которые призваны определять содержание уголовно-правовой политики государства, преступность и наказуемость конкретных деяний с целью снизить уровень преступности в обществе.

Представляется, что знание статистики преступности позволяет судам определять объемы применения наказаний, связанных с лишением свободы, и наказаний, не связанных с лишением свободы. Необходимо отметить, что благодаря курсу на гуманизацию уголовного законодательства в последние годы в некоторой степени сократилось число осужденных к лишению свободы. Так, за период с 2010 по 2016 г. удельный вес осужденных к лишению свободы сократился на 2,7 % [1, с. 74]. Вместе с тем абсолютные показатели числа официально зарегистрированных преступлений также ежегодно сокращались, параллельно шло последовательное увеличение числа лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы). Также нельзя не отметить тот факт, что абсолютные показатели назначения штрафа в качестве уголовного наказания за указанный период существенно не изменились, это показывает неготовность российского общества выплачивать штрафы в качестве альтернативы иным видам уголовного наказания на фоне непростой социально-экономической ситуации в стране [2, с. 75].

Давая краткую характеристику преступности в России за последние три года, необходимо отметить следующее. Во-первых, за период с 2019 по 2021 г. общее число совершаемых преступлений в России существенно не изменилось (в 2019 г. – 2024 337 преступлений, в 2020 г. – 2044 221 преступление, в 2021 г. – 2004 404 преступления). Во-вторых, наблюдался рост числа ежегодно совершаемых особо тяжких (в 2021 г. – 114066 преступлений, что почти на 10000 больше, чем в 2019 г.) и тяжких преступлений (в 2021 г. – 446013 преступлений, что почти на 57000 больше, чем в 2019 г.). В-третьих, уменьшилось число ежегодно регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и оружия. В-четвертых, наблюдалось небольшое, но уверенное снижение числа совершаемых убийств и покушений на убийство (7948 в 2019 г. против 7332 в 2021 г.). В-пятых, уверенный рост таких преступлений, как получение и дача взятки (в 2021 г. было зарегистрировано 3671 случай получения взятки с последующей передачей уголовного дела в суд). В-шестых, следует отметить резкое увеличение в 2021 г. числа преступлений экономической направленности (+11,6 % по сравнению с показателями 2020 г. с сохранением динамики на небольшой рост по итогам трех кварталов 2022 г.). Наконец, в-седьмых, сохранение стабильно высокого числа преступлений против собственности (55 % от общего числа всех зарегистрированных преступлений в 2021 г.). Также, на наш взгляд, необходимо обратить внимание на динамику преступности несовершеннолетних. Показательно, что с 2011 по 2021 г. число преступлений, ежегодно совершаемых несовершеннолетними, сократилось более чем вдвое: если в 2011 г. было зафиксировано 65963 преступления, то в 2021 г. – только 29126*.

Анализируя данные представленной нами статистики, можно сделать ряд принципиальных выводов.

* Показатели преступности России. Динамика. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 28.10.2022).

Вывод первый. Линия на гуманизацию уголовного законодательства, заявленная в 2008–2012 гг., не привела к радикальному снижению показателей ежегодно совершаемых в России преступлений. Очевидно, что в настоящее время мы можем наблюдать лишь относительную стабилизацию общего уровня преступности в стране, следовательно, чрезмерная гуманизация и либерализация уголовного законодательства не способны привести к реальному и долгосрочному снижению преступной угрозы в современной России. Уголовное наказание не должно утрачивать свой карательный потенциал, а расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы, имеет как свои плюсы, так и свои минусы. К очевидным плюсам можно отнести сокращение числа осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, а к очевидным минусам – рост числа тяжких и особо тяжких преступлений (как мы понимаем, многие из тех, кто совершает данные преступления, в прошлом уже имели судимость, а часть из них – даже не одну). Также вызывает обеспокоенность тенденция к росту преступлений экономической направленности, которая наметилась впервые после ее стабилизации в 2014 г. Вероятно, делать однозначные выводы пока преждевременно, но, как представляется, преступления экономической направленности и наказания за них также должны иметь свой предел гуманизации.

Очевидно, что в ходе дальнейшего совершенствования уголовной политики Российской Федерации должен быть определен баланс в применении наказаний, не связанных с лишением свободы. Представляется, что такие наказания следует применять лишь в том случае, если данные о личности преступника позволяют сделать суду потенциальный вывод о его возможном исправлении без изоляции от общества. В случае, когда суд придет к выводу о невозможности исправления преступника без изоляции от общества, то приговор суда должен предусматривать лишение свободы. На наш взгляд, положение о большей роли судебного усмотрения при решении вопроса о назначении наказания лицу, отрицательно характеризующемуся и не дающему поводов к своему исправлению без изоляции от общества, должно найти свое отражение в уголовном законе.

Наглядным примером такой ситуации может служить уголовное дело № 1–169/2022, рассмотренное Гусь-Хрустальным городским судом Владимирской области, по которому 29 апреля 2022 г. был постановлен обвинительный приговор в отношении Блохина М. С.* Согласно материалам данного уголовного дела Блохин М. С. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Ранее был судим по ч. 1 ст. 119 УК РФ с назначением наказания в виде обязательных работ на 180 часов, а также по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Личность подсудимого характеризуется следующим образом: имеет среднее образование, не работает, невоеннообязанный, в зарегистрированном браке не состоит, имеет на иждивении троих несовершеннолетних детей, на учете у нарколога и психиатра не состоит. Вину в инкриминируемом деянии Блохин М. С. признал в полном объеме. Решая вопрос об избрании подсудимому вида и размера наказания, суд учел обстоятельства и характер преступного деяния, влияние наказания на исправление его личности и на условия его жизни, а также в целях предупреждения совершения им новых преступлений пришел к выводу о необходимости назначения наказания в виде лишения свободы. Иные более мягкие виды наказания, в том числе назначение наказания в виде принудительных работ, как отмечено в приговоре суда, не способны оказать на подсудимого должного исправительного и воспитательного воздействия. Также суд пришел к выводу о том, что наличие смягчающих вину подсудимого обстоятельств (наличие на иждивении несовершеннолетних детей, явка с повинной, активное содействие расследованию преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба потерпевшей, признание вины и раскаяние в содеянном) не дают оснований для применения ст. 64 УК РФ. В итоге Блохин М. С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, и осужден к наказанию в виде лишения свободы на срок 1 год условно с испытательным сроком 1 год.

* Архив Гусь-Хрустального городского суда Владимирской области.

Для нас представляется очевидным, что пределы судейского усмотрения при назначении наказания в виде лишения свободы для лиц, чье исправление невозможно без изоляции от общества, должны быть более четко прописаны в УК РФ. Данное решение, на наш взгляд, позволит обеспечить не только реализацию принципа наказуемости, но и послужит наглядным примером того, что государство способно наказать преступника за содеянное по всей строгости закона. Уголовно-правовая политика должна быть гуманна к лицам, заслуживающим этого, и максимально строга к тем, кто не оправдал оказанного ранее государством доверия. В этом состоит в том числе суть принципа справедливости наказания [3, с. 346]. Практика повторного осуждения к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в отношении лиц, ранее уже осуждавшимся к таким наказаниям, должна быть обоснована и регламентирована на законодательном уровне. В противном случае, как показывает практика, мы имеем повторное совершение преступлений и снижение профилактической функции уголовного закона.

Вывод второй. Наглядным подтверждением эффективности уголовно-правовой политики в отношении преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является уменьшение числа ежегодно регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, которое фиксируется в данных официальной статистики за последние три года. Современная уголовно-правовая политика, которую реализует Россия в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в настоящее время, является многоаспектной. С одной стороны, наша страна продолжает линию на ужесточение законодательства в отношении лиц, замешанных в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. С этой целью, начиная со второго десятилетия нынешнего века, Россия последовательно ужесточает санкции статей за незаконный оборот наркотиков, а также вводит новые составы преступлений. С другой стороны, вектор современной уголовно-правовой политики России в области борьбы с распространением наркотиков не учитывает всех возможных вариантов проникновения наркотиков в жизнь общества. Представляется, что уголовно-правовая политика в отношении лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, должна и впредь оставаться предельно строгой. Преступления, которые предусмотрены ст. 228–228.4 УК РФ, являются крайне опасными для здоровья населения России. По этой причине уголовная ответственность за их совершение в целом не должна смягчаться. Сейчас законодательные конструкции данных составов преступлений в целом соответствуют стратегии и тактике борьбы с наркопреступностью в России, сдерживая распространение наркомании в стране. Однако нельзя забывать о том, что ежедневно совершенствуются и электронные технологии, благодаря применению которых многие сбытчики наркотиков продолжают избегать наказания, а к уголовной ответственности привлекаются лишь рядовые сбытчики наркотиков. В связи с этим следует отметить, что борьба с незаконным оборотом наркотиков должна сопровождаться усилением контроля за электронными системами оплаты и коммуникации [4, с. 316]. Их разработчики должны активнее внедрять способы выявления потенциальных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Составы преступлений, предусмотренные ст. 232, 233, 234.1 УК РФ, также оказывают весомую помощь в борьбе с распространением наркоугрозы в современной России. Состав ст. 232 УК РФ направлен на борьбу с организацией и содержанием притонов, а также помещений, которые систематически используются для употребления наркотических средств и психотропных веществ. Борьба с наркопритонами – это важная часть уголовно-правовой политики государства в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Состав ст. 233 УК РФ нацелен на борьбу с подделкой и незаконной выдачей медицинских документов, дающих право на получение наркотических средств и психотропных веществ, что также вносит существенный вклад в борьбу с наркотизацией населения России. Наконец, состав ст. 234.1 УК РФ имеет своей целью противодействие распространению новых потенциально опасных

психоактивных веществ, которые еще не внесены в реестр запрещенных к обороту наркотических средств, но представляют большую опасность для здоровья населения. На наш взгляд, данный состав преступления должен быть доработан, как минимум, в части усиления уголовной ответственности за данное деяние [5, с. 185–186].

Вывод третий. Эффективность реализуемой уголовно-правовой политики определяется в том числе реально существующим и применяемым судами «арсеналом» уголовных наказаний. Очевидно, что наличие у суда возможности назначить максимально эффективное, с точки зрения исправления личности осужденного и предотвращения его преступной деятельности в будущем, наказание реально снижает потенциальную возможность совершения преступления гражданами в будущем. Наоборот, ограниченность суда при выборе видов наказания, способных исправить осужденного и ограничить его будущую преступную деятельность, снижает эффективность уголовного наказания как такого и приводит к увеличению объема совершаемых преступлений конкретного вида.

Наглядным примером изложенному, по нашему мнению, является уверенный рост преступлений коррупционной направленности, который наблюдается в нашей стране на протяжении последних трех лет, о чем было упомянуто выше. Представляется, что корни данной проблемы лежат в основе неверного подхода к существующему «арсеналу» наказаний за коррупционные преступления и сложившейся судебной практике назначения штрафов и кратных штрафов, которые не способны стать надежной преградой на пути совершения указанной группы преступлений. В свою очередь, учащающиеся факты коррупции (в том числе в органах публичной власти и правоохранительных структурах) не способствуют повышению доверия граждан к проводимым мерам по борьбе с нею, а также существующей системе наказаний за коррупционные преступления [6, с. 71].

Представляется, что имеющиеся сегодня санкции за взяточничество частично нарушают пропорциональность между степенью общественной опасности, заключенной в составах получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве, и строгостью наказания за их совершение. Результатом этого является заметный рост коррупционных преступлений и размеров взяток.

Безусловно, в настоящее время для противодействия коррупции требуется развивать качественно новый подход к такому противодействию – повышать уровень материального благосостояния общества, развивать законодательную основу противодействия коррупции, бороться с коррупцией внутри государственного аппарата, вовлекать структуры гражданского общества, представителей Общественной палаты РФ в деятельность по оценке, контролю и мониторингу за принятием и исполнением наиболее важных решений органов государственной власти, государственных программ и проектов. Однако, по нашему глубокому убеждению, уголовно-правовую политику противодействия коррупции необходимо ужесточить. Штраф (включая кратный штраф) как вид уголовного наказания отличается своей противоречивостью, а его карательный и превентивный потенциалы заметно разнятся в зависимости от конкретных составов преступлений, за которые он предусмотрен. Для целей предотвращения коррупционных преступлений кратный штраф недостаточно эффективен, он не снижает уровня взяточничества в стране, по этой причине кратные штрафы за взяточничество целесообразно оставить только для санкций ч. 1 ст. 290, 291 и 291.1 УК РФ.

Таким образом, подводя итог, необходимо подчеркнуть следующие мысли. Статистические показатели и структура преступных посягательств – это достаточно важные факторы, которые призваны определять содержание уголовно-правовой политики государства, преступность и наказуемость конкретных деяний с целью снижения уровня преступности в обществе. В настоящее время мы можем наблюдать лишь относительную стабилизацию общего уровня преступности в стране, следовательно, чрезмерная гуманизация и либерализация уголовного законодательства не способны привести к реальному снижению преступной угрозы

в современной России. Безусловно, уголовное наказание не должно утрачивать свой карательный потенциал, а расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы, имеет как свои плюсы, так и свои минусы. Пределы судебного усмотрения при назначении наказания в виде лишения свободы для лиц, чье исправление невозможно без изоляции от общества, должны быть более четко прописаны в УК РФ. Эффективность реализуемой уголовно-правовой политики определяется в том числе существующим и применяемым судами «арсеналом» уголовных наказаний. Очевидно, что наличие у суда возможности назначить максимально эффективное с точки зрения исправления личности осужденного и предотвращения его преступной деятельности в будущем наказание действительно снижает потенциальную возможность совершения преступлений в будущем. Статистика преступности должна максимально полно и оперативно учитываться при конфигурации уголовно-правовых санкций и в процессе совершенствования уголовно-правовой политики государства.

Список источников

1. Мальков С. М., Шеслер А. В., Тепляшин П. В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. 128 с.
2. Там же.
3. Корнаков В. С. Актуальные вопросы назначения наказания при рецидиве преступлений // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 11. С. 345–349.
4. Ульянов А. С. К вопросу об уголовно-правовом аспекте антинаркотической политики в современной России: оценка принимаемых мер // Евразийский юридический журнал. 2020. № 12 (151). С. 316–318.
5. Романова Л. И. Современная антинаркотическая политика // X Дагелевские чтения: Уголовная политика России: взгляд из прошлого в будущее: мат-лы рег. науч.-практ. конф. Владивосток, 2020. С. 183–190.
6. Богатова Е. В., Стебенева Е. В. Антикоррупционная политика в современной России // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 70–72.

Информация об авторе

Н. С. Грудинин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

*N. S. Grudin*in – kandidat nauk, degree in Law, associate professor, associate professor of the Department of international law of the Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; одобрена после рецензирования 24.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 14.11.2022; approved after reviewing 24.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62).
С. 71–77.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
1(62):71–77.

Научная статья

УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Николай Евгеньевич Мерецкий^{1,2}

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск

² Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск

^{1,2}ugpd@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем получения доказательств при расследовании преступлений. Автором исследуются отдельные проблемы, связанные с анализом имеющейся диагностической информации, полученной при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Рассматриваются вопросы зарождения и развития криминалистической диагностики, характеризуется наиболее распространенная разработанная ее часть, которая способствует реализации новых направлений в методике раскрытия и расследования преступлений. Особенно отмечена необходимость диагностического исследования обнаруженных объектов в первоначальный период расследования преступлений, что позволит определить направления деятельности работников правоохранительных органов при изобличении субъекта, совершившего преступление.

Ключевые слова: диагностика, судебная экспертиза, информация, криминалистика, преступление, расследование

Для цитирования: Мерецкий Е. Н. Применение криминалистической диагностики в методике расследования преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 71–77.

Original article

APPLICATION OF FORENSIC DIAGNOSTICS IN THE METHODOLOGY OF CRIME INVESTIGATION

Nikolay E. Meretskiy^{1,2}

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk

² Far Eastern State University of Railways, Khabarovsk

^{1,2}ugpd@rambler.ru

© Мерецкий Е. Н., 2023

Abstract. The article is devoted to the problems of obtaining evidence in the investigation of crimes. The author investigates individual problems associated with the analysis of available diagnostic information obtained during investigative actions and operational investigative measures. Questions are being considered the origin and development of forensic diagnostics, being hacked the most common developed part of it, which contributes to the implementation of new directions in the methodology of disclosure and investigation of crimes. The need for a diagnostic study of the detected objects during the initial period of the investigation of crimes was particularly noted, which will allow determining the activities of law enforcement officers when exposing the subject who committed the crime.

Keywords: diagnostic, forensic examination, information, criminalistics, crime, investigation
For citation: Meretskiy N. E. Application of forensic diagnostics in the methodology of crime investigation // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62): 71–77.

Естественные, технические и общественные науки претерпели значительные изменения в процессе интеграции и дифференциации, что послужило зарождению новых научных направлений, открытию возможности эффективного широкого их использования в различных сферах человеческой деятельности. Изучение практики показывает, что науки, которые используются и применяются в борьбе с преступностью, содержат различные знания (уголовный процесс, уголовное право, криминология, криминалистика, юридическая психология, судебная психиатрия, судебная медицина и некоторые другие) и могут претендовать на внедрение имеющейся в них информации в период деятельности следствия и суда при исследовании доказательств.

В последние годы в период раскрытия и расследования преступлений все чаще параллельно с проведением судебных экспертиз возникает необходимость в осуществлении диагностических направлений исследования следов, оставленных на месте преступления, хотя это вызывает определенные затруднения.

Несмотря на то, что возникновение теории криминалистической диагностики относят к первым публикациям Г. Гросса в 1913 г., тем не менее, до настоящего времени она не получила достаточного развития. С тех пор некоторые ученые в области криминалистики (Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис, Н. Г. Шурухнов и другие) предпринимали определенные усилия в разработке рекомендаций по использованию диагностического процесса исследования в период раскрытия и расследования преступлений, но, к сожалению, обозначенная теория применяется на практике только как методологическая база в экспертной деятельности.

Некоторыми исследователями во второй половине XX в. было предложено с помощью диагностики решать неидентификационные криминалистические задачи. Изучение практики показывает, что в период своей преступной деятельности субъекты пытаются уклониться от ответственности, объясняя происхождение того или иного события как воздействие природного или иного не зависящего от него явления. Однако в этом случае диагностический анализ периода преступной деятельности субъекта может позволить досконально исследовать и познать возможные причины наступления тех или иных негативных последствий, повлиявших на ход и результаты совершенного им деяния. По мнению Ю. Г. Корухова, в период раскрытия и расследования преступления осуществляется процесс познания, целью которого является изучение свойств и состояния объекта исследования, осуществляемое для выявления имеющихся в нем изменений, определения причины этих изменений и установления связи этой причины с событием преступления [1, с. 4], т. е. решаются задачи не только правового, но и материального характера, а также анализируются негативные обстоятельства всего процесса противоправной деятельности.

Естественно, в обозначенный период возникают многочисленные вопросы, требующие моментального решения. Считаем, что предназначение криминалистической диагностики состоит в том, чтобы дать типовой ответ, во-первых, на происшедшие изменения в самой

обстановке в различных ситуациях происшедшего события; во-вторых, какие материальные следы и последствия содеянного остаются именно в данный период; в-третьих, причинные связи между обнаруженными следами и их взаимозависимость с личностью преступника, обстановкой, местом, временем и т. д.

Помимо перечисленного к особенностям диагностического познания следов, по нашему мнению, относится умысел субъекта, совершившего преступление, который приводит к определению последовательности его действий (подготовка, совершение и сокрытие), а в некоторых случаях к возможности осуществления идентификации содеянного. Следует, в частности, отметить, что это совершенно иная система установления противоправных данных, которые возможно раскрыть через познание закономерностей обнаруженных следов, являющихся результатом преступной деятельности субъекта. В связи с этим, представляется целесообразным уточнить, что это может привести к установлению последовательности предпринимаемых субъектом актов, направленных на противодействие расследованию преступления.

Не менее диагностически информативным являются средства преступления, т. е. орудия, при помощи которых оно совершено. В этом случае следователю представляется возможность судить о намерениях субъекта на этапе подготовки, совершения и сокрытия преступного деяния. Является неоспоримым фактом, что у всякого отдельного обособленного следового образования можно выделить как идентификационные, так и диагностические признаки, посредством которых устанавливается конкретное лицо, совершившее преступление.

Отмечая необходимость проведения диагностического анализа имеющейся информации о совершенном противоправном деянии, следует отметить, что он используется при разработке тактических приемов и рекомендаций, направленных на расследование преступлений, а также охватывает сферу предупредительной деятельности, осуществляемой работниками правоохранительных органов. Диагностические задачи решаются при производстве практически любого вида деятельности, осуществляемого работниками правоохранительных органов, что дает возможность характеризовать развитие противоправных процессов, осуществляемых субъектом. Анализ, осуществляемый следователем в отношении имеющейся в его распоряжении информации о преступлении, позволяет установить все виды связей между обнаруженными объектами, что в дальнейшем успешно реализовывается в период доказывания по уголовному делу. В этом случае диагностический анализ имеющихся в распоряжении следователя объектов выполняет знаковую функцию и может положительно повлиять на фиксацию доказательственной информации.

В основном принято считать, что диагностическая деятельность осуществляется в экспертной практике, однако наши исследования позволили усомниться в категоричности обозначенного тезиса. Так, в результате анализа механизма следообразования нами был выявлен ряд направлений, по которым полученная информация используется при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, например, при опознании (узнавании) субъекта по функционально-динамическим признакам или по голосу, при прослушивании телефонных переговоров и т. д. В этом случае обозначенная информация фиксируется в памяти свидетеля или потерпевшего, а также иного конкретного субъекта, который случайно оказался участником преступного события. В то же время очевидным является и тот факт, что отраженная в памяти информация может быть использована при диагностическом исследовании в целях изобличения субъекта, участвовавшего при совершении преступления.

Иными словами распространение положений диагностики на следственную и судебную практику может привести к тому, что при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по всем признакам следовая картина может совпадать с процессом доказывания по уголовному делу. Диагностика науки и практики может быть как общей, так и частной теорией. Под общей криминалистической диагностикой следует понимать принципы материалистической диалектики, отражающей теорию познания объектов живой

природы, взаимосвязанных с ней явлений действительности, происходящих в результате изменений посредством внешнего вторжения. Исследуя характер образовавшихся изменений можно установить: во-первых, механизм совершенного преступления; во-вторых, качественные и количественные признаки объекта, указывающие на умысел преступника; в-третьих, образовавшиеся изменения как на объектах совершенного преступления, так и в окружающей объектах материальной среде; в-четвертых, изменения, возникшие в результате взаимодействия объекта с потерпевшим или преступником; в-пятых, посторонние следы на использованных субъектом орудиях преступления.

Что касается частной криминалистической диагностики, то она на основе анализа закономерностей образования всех информационных следов, их свойств и т. д. аккумулирует в себе основные достижения различных наук, используемые субъектами как при совершении противоправного деяния, так и работниками правоохранительных органов в период раскрытия и расследования преступлений. Кроме того, сопутствующие диагностические процессы также несут информацию, которую необходимо реализовать в интересах установления истины по уголовному делу. При доказывании противоправного деяния диагностические следы могут выступать в качестве фактических данных, которые конкретизируют механизм преступления. В познании диагностического следа должна быть определена их функциональная значимость, послужившая основанием при доказывании вины конкретного субъекта. Обозначенная информация, по сути дела, может являться научным инструментом разработки и создания частных криминалистических методик.

Диагностическое познание объекта практически решается при разработке и производстве любого следственного действия или оперативно-розыскного мероприятия. Следует отметить, что в процессе розыска субъекта, совершившего преступление, может быть обнаружен источник информации, который свидетельствует о его участии в иных противоправных деяниях. Характерно, что ограниченная временным отрезком информация, обнаруженная в следах, может являться объектом диагностического познания. Совершенно очевидно, что объективные факты, как правило, анализируются в дальнейшем и влияют:

- 1) на последствия преступного события;
- 2) образование изменений в окружающей среде, которая была использована субъектом в период совершения преступления;
- 3) само событие преступления и различные явления, происходящие в этот период;
- 4) обстановку, отобразившуюся в отдельных следах, оставленных в результате противоправного деяния;
- 5) обнаружение, фиксацию и распознавание материальных и идеальных (зафиксированных в памяти того или иного субъекта) следов, оставленных преступником.

Ограничиваться только перечисленными диагностическими признаками, влияющими на успешную работу по раскрытию и расследованию преступления, не следует. Такая ограниченность может грозить информационной неопределенностью в период проведения работы по уголовному делу. Изучение практики показывает, что диагностические исследования определенного направления отражают последствия многогранности объективной стороны совершаемого преступления, которое представляется как совокупность различных процессов и развиваются во временном пространстве. Оно включает продолжительное разнообразие воздействия человека на определенные процессы, связанные с явлениями материального мира. В обозначенный период наблюдаются объективные информационные образования, связывающие субъекта с конкретными предметами, которые в итоге могут быть доказательствами. Следовательно, «диагностические исследования проводятся для того, чтобы установить определенные свойства и состояния объектов, расшифровать динамику события, понять причину явления и т. п.» [2, с. 57]. Определив деятельность субъекта, совершающего в определенный период преступления, следователь имеет возможность его установить и сконцентрировать силы, направленные на розыск и задержание преступника.

Таким образом, следователю или суду необходимо определить ту основу, которая явилась бы исходным связующим материалом для построения системы возникших на объектах изменений при диагностическом обнаружении нарушения функциональной связи между предметами. Так, функциональная сторона диагностических элементов является связующим звеном между состоянием объекта, в котором явственно выражаются признаки и действия субъекта при совершении противоправного деяния, служащие основанием для дальнейшей разработки алгоритма расследования. Именно поэтому в решении стоящей перед следователем и судом задачи досконального исследования имеющихся доказательств диагностический анализ имеющейся в их распоряжении информации может выступать в качестве надежного признака, лежащего в основе реализации спланированных рекомендаций по раскрытию и расследованию любого преступления.

Разумеется, следователь или суд должны рассматривать лишь те сведения, которые относятся к предмету доказывания и которые образуют механизм совершенного преступления. Они отражают общие закономерности, влияющие на разработку не просто тактических приемов, методов, рекомендаций, а предлагают целостное учение о происхождении информационной сущности и значении диагностических следов в познании противоправного деяния. Однако следует иметь в виду, что без диагностического анализа следов невозможно получить достоверные доказательства, влияющие на ход и результаты расследования совершенного преступления. Познание исследуемых диагностических процессов в период раскрытия и расследования преступления предполагает установление взаимосвязи между обнаруженными следами, субъектом и происходящими событиями в конкретный период времени.

Как показывает изучение практики, большинство расследуемых преступлений основывается на результатах осмотра места происшествия и проведения последующих следственных действий без учета диагностического анализа самого события или деятельности преступника в этот период. Особенно это касается использования способов сокрытия посредством инсценировки действий, совершенных преступником в отношении потерпевшего. Применяя целенаправленные ранее разработанные способы инсценировки, субъект осуществляет задуманное через попытки отвлечь внимание следователя от своих истинных намерений. Это относится к таким преступлениям, в которых наблюдаются инсценировка определенных действий, например, совершение убийства: выбрасывание человека (трупа) через окно, балкон, с крыши дома; выталкивание человека из вагона движущегося поезда, автомобиля, иного транспортного средства.

Во время осмотра места происшествия важна не только процессуальная фиксация обнаруженных следов, имеющих информационное диагностическое значение, но и уяснение отношений и связей между предметами, которые применил преступник для достижения цели. Дело в том, что существенным является как свойство предмета, обнаруженного в период осмотра, так и его положение, которое может быть изменено в период совершения противоправного деяния субъектом. Исследуя субстанционную связь объектов в физическом понимании как единое материальное целое, можно установить с диагностической точностью механизм преступления, включая действия, направленные на его подготовку и сокрытие.

Обратим внимание на то, что методика расследования любого преступления сопряжена с обнаружением, фиксацией и анализом многих процессов, происходящих в период противоправной деятельности субъекта. В обозначенный период диагностическое исследование осуществляется по разным направлениям деятельности следователя, реализующего имеющуюся информацию и доказательства, на основании чего выдвигаются версии и намечается план расследования. Наши исследования показали, что выдвижение версий строится на той информации, которая была получена как при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, так и на незначительных доказательствах, обнаруженных при проведении следственных действий в первоначальный период расследования. Заслуживает внимание и информация,

поступающая из иных источников (информационно-аналитический центр, анонимное письмо, журналистское расследование, слухи и т. д.). В силу закона отражения в материальном мире анализ перечисленных выше сведений способствует правильному восприятию поступающих информационных потоков, которые возможно с диагностической точностью изучить и использовать при разработке тактических приемов в определенном запланированном следственном действии. Особое значение это имеет для анализа содержания ситуаций первоначального этапа расследования, когда наблюдается скудность информации о совершенном преступлении. Иначе говоря, исследование преступлений путем применения технических знаний и диагностических методов относится к пониманию последовательности тех действий, которые определили достижение преступного результата, полученного субъектом. При этом для познания объектов, задействованных преступником, служит: во-первых, материальная обстановка, отражающая преступное деяние; во-вторых, предметы преступного посягательства; в-третьих, примененные орудия и способ совершения преступления; в-четвертых, лица, пострадавшие от воздействия на них субъекта преступления; в-пятых, установление однозначной связи между действием данного лица и потерпевшим.

Нельзя не отметить факт наличия различных, нередко противоположных подходов к анализу диагностических методов в исследовании поступающей информации, что в итоге приводит к усложнению познания в работе по уголовному делу. По нашим данным, при расследовании преступления следователь в большей степени ориентируется на обнаруженные следы, которые имеют доказательственное значение, а диагностическое обоснование воспринимает как ориентирующую информацию и относит ее к косвенной. При этом представляется, что обозначенное направление в деятельности следствия и суда должно раскрывать значение диагностических следов как неопровержимые доказательства, например, зависимость совершения дорожно-транспортного происшествия от неисправности транспортного средства или смерть потерпевшего от последовательности нанесения телесных повреждений и т. д. Кроме того, следователь и суд должны ориентироваться на использование ситуационного подхода [3, с. 88] в расследовании.

Применение криминалистической диагностики в методике расследования преступлений, по нашему мнению, позволит наиболее дифференцированно использовать поступающую информацию при установлении и изобличении субъекта, совершившего противоправные действия. Конечно, диагностика является вспомогательным аппаратом при познании преступления, однако анализируемые сведения предполагают установление субстанционного единства обнаруженных следов и субъекта контактирования при их образовании.

Таким образом, криминалистическая диагностика может и должна развиваться в методике расследования как процесс познания информации, обнаруженной в период деятельности работников правоохранительных органов. Возможность анализа и применения обозначенной теории устанавливается в зависимости от общих научных принципов и в соответствии с задачами, стоящими перед следователем при раскрытии и расследовании преступлений. Однако эта позиция потребует от ее сторонников и дополнительной научной аргументации, а также позитивного вклада в разработку теоретических основ реализации эффективных диагностических методов.

В заключение необходимо отметить, что в результате диагностического познания преступной деятельности субъекта, совершающего конкретный вид противоправного деяния, наступает возможность установления: во-первых, количественных и качественных показателей содеянного; во-вторых, общей картины содеянного; в-третьих, субъекта, действующего в обозначенной обстановке, которая может не только способствовать, но и препятствовать совершению преступления. Полагаем, что следует поддержать мнение Ю. Г. Корухова о том, что «по мере своего развития криминалистическая диагностика способна стать частной криминалистической теорией, подобно тому, как это произошло с идентификацией» [4].

Кроме того, право на самостоятельность учения криминалистической диагностики, которому, на наш взгляд, следует определить ведущее место не только в системе научного криминалистического познания, но и при использовании разработанных методов в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Список источников

1. Корухов Ю. Г. Сложности становления криминалистической диагностики // Информационный бюллетень по материалам Криминалистических чтений. 2001. № 14.
2. Шурухнов Н. Г. Криминалистика: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008. – 720 с.
3. Мерецкий Н. Е. Ситуационный подход к этапизации расследования // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 87–92.
4. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений: науч.-практ. пособие. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998.

Информация об авторе

Н. Е. Мерецкий – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, профессор кафедры криминалистики Дальневосточного юридического института МВД России; заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения

Information about the author

N. E. Meretskiy – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Criminalistics of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Far Eastern State University of Railways

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 15.01.2023; accepted for publication 16.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 78–83.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):78–83.

Научная статья

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦАМИ, НАЗНАЧЕННЫМИ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ЭКСПЕРТИЗЫ И ДАЧИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Светлана Олеговна Севостьянова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

sievostianova1986@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности производства допросов в отношении лиц, назначенных для производства экспертизы и дачи заключения, подозреваемые в совершении умышленной фальсификации доказательственной информации. Даются конкретные рекомендации по тактике проведения допроса и предъявления имеющихся у следствия доказательств. В результате исследования автором были выявлены наиболее сложные ситуации, возникающие в процессе реализации допроса, и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: судебная экспертиза, фальсификация доказательств, допрос, тактика допроса, эксперт

Для цитирования: Севостьянова С. О. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений совершенных лицами, назначенными для производства экспертизы и дачи заключения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 78–83.

Original article

FEATURES OF CONDUCTING INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY PERSONS APPOINTED FOR THE PRODUCTION OF AN EXAMINATION AND GIVING AN OPINION

Svetlana O. Sevostyanova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd

sievostianova1986@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the production of interrogations in relation to persons appointed for the production of an examination and giving an opinion, suspected of committing a deliberate falsification of evidentiary information. Specific recommendations are given on the tactics of conducting the interrogation and presenting the evidence available to the investigation. As a result of the study, the author identified the most difficult situations that arise in the process of interrogation and the ways of their resolution are proposed.

Keywords: forensic examination, falsification of evidence, interrogation, interrogation tactics, expert

For citation: Sevostyanova S. O. Features of conducting individual investigative actions in the investigation of crimes committed by persons appointed for the production of an examination and giving an opinion // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):78–83.

Особая важность таких вербальных следственных действий, как допрос или очная ставка с участием подозреваемого или обвиняемого лица, назначенного для производства экспертизы и дачи заключения, обусловлена их высокой значимостью для эффективности и перспектив всего дальнейшего расследования преступлений рассматриваемого вида. Учитывая категорию субъекта преступления, следует отметить особую сложность реализации допроса данного лица, так как, во-первых, лица, назначенные для производства экспертизы и дачи заключения, обычно являются высокообразованными людьми и часто помимо основного профильного экспертного образования также имеют и высшее юридическое образование, а нередко и ученую степень. Кроме того, многие из них работают в системе правоохранительных структур, в том числе в экспертно-криминалистических центрах, соответственно, имеют знания и понимание тактики и методов работы оперативного аппарата и органов, уполномоченных на проведение предварительного расследования. Отсюда, можно предположить, что указанные лица имеют возможность разработать грамотную и эффективную стратегию и тактику своей защиты. При этом многие из них имеют друзей, знакомых и коллег из числа работников правоохранительных структур, в том числе занимающих те или иные руководящие должности. Очевидно, что в данных ситуациях с высокой долей вероятности следствие столкнется с серьезным сопротивлением расследованию.

В связи с этим большое значение обретают качество и тщательность подготовки к допросу. Однако, несмотря на ее важность, как выяснялось из анализа материалов изученных нами дел и протоколов допросов, следователи чаще всего этим пренебрегают. Тем не менее, мы убеждены, что в условиях крайне высокого уровня сопротивления расследованию со стороны лиц, назначенных для производства экспертизы и дачи заключения и совершивших преступления, пренебрегать подготовкой к допросу неразумно [1]. И здесь существенную роль играет тщательное изучение материалов уголовного дела.

Следователю рекомендуется спрогнозировать поведение лица, которое будет приглашено на допрос; четко сформулировать и письменно прописать цель этого допроса, его ключевые задачи; круг обстоятельств, которые подлежат выяснению; подобрать психологические и тактические методы и приемы, которые планируется использовать.

Кроме того, целесообразно письменно составить перечень самих вопросов, которые могут быть заданы во время рассматриваемого следственного действия. Данный список должен быть оптимально подробным, т. к. поведение допрашиваемого лица может быть разным и существенно и неоднократно меняться во время самого допроса или серии допросов. На одни вопросы допрашиваемый может давать правдивые, на другие – ложные ответы. Также он может вообще отказаться отвечать на все или только некоторые вопросы. Следователь должен быть готов к любому развитию ситуации, в том числе к тому, что многие ответы допрашиваемого будут ложными, либо правдивыми лишь отчасти. Также следователь должен знать о высокой вероятности того, что изначально допрашиваемый может полностью отрицать какое-либо причастие к противоправной деятельности, при этом не признавать и версии о допущенной им экспертной ошибке, не имеющей криминального характера. По мере предъявления доказательств, вероятнее всего, эксперт будет говорить уже именно о такой ошибке, а не о фальсификации. Поэтому многие вопросы из разрабатываемого их перечня, по нашему мнению, должны быть направлены на то, чтобы допрашиваемое лицо, оказывающее сопротивление расследованию, сделало те или иные важные для раскрытия преступления оговорки. При этом рекомендуется сформулировать не только как можно более подробный перечень самих вопросов, но также составить алгоритм всего допроса, в котором должны учитываться возможные типичные изменения в поведении допрашиваемого лица.

В разрабатываемом алгоритме следует отразить общую стратегию допроса, последовательность применения психологических и тактических методов и приемов в различных

условиях и при различных сценариях развития событий. Например: «Если допрашиваемый говорит, что имела место судебная ошибка, то переходим к пункту «Б» алгоритма, включающему в себя:

- демонстрацию внешнего доверия к такой информации;
- активное задавание вопросов с 7 по 19 перечня;
- применение тактики постепенного предъявления доказательств.

Если допрашиваемый отказывается давать показания, то переходим к пункту «З» алгоритма, включающему в себя:

- внешнее выражение уважения к его решению, демонстрация сочувствия и понимания;
- попытку вывести допрашиваемого на продолжение любого разговора, даже не относящегося прямым образом к расследуемому преступлению, используя текст вопросов-подсказок с 29 по 34 перечня.

Если допрашиваемый охотно поддерживает разговор, переходим к пункту «Е», если не поддерживает и замыкается в себе, то переходим к пункту «К» алгоритма» и т. п.

Полагаем, что составление подобного алгоритма-плана, а также подробного списка вопросов, может иметь большое значение для эффективности проведения всего рассматриваемого следственного действия.

Необходимо также подготовить для предъявления собранные доказательства и иные данные, которые исходя из складывающейся ситуации, в соответствие с разработанным следователем алгоритмом будут предъявляться допрашиваемому лицу.

При реализации же допроса подозреваемых или обвиняемых особенно рекомендуется использование тактики наступательности и неожиданности [2]. Данная тактика может быть применена не только во время самих допросов, но и на стадии возбуждения уголовных дел в отношении экспертов. Полагаем, что не следует подозреваемому или обвиняемому лицу сразу выкладывать имеющиеся и выявленные факты и доказательства, но постепенно и порционно – по мере получения признательных показаний и иных важных сведений от допрашиваемого лица.

Также рекомендуем сообщить допрашиваемому эксперту лишь о том, что произошедшее событие (выявленные те или иные его факты), по мнению следователя, говорят лишь об экспертной ошибке, а не о чем-либо ином. При этом необходимо постараться расположить к себе эксперта, выразить ему внешнее сочувствие и желание помочь выйти из сложной ситуации, упомянув при этом, что возбуждение уголовного дела и (или) производство расследования нежелательно, но пострадавшее от «экспертной ошибки» лицо настаивает на этом, а также на проведении как можно более тщательного и всестороннего расследования. В данной ситуации следователь может попросить у эксперта дать пояснение по обстоятельствам уже выявленных фактов, которые предварительно следствию ему может предъявить.

Логично ожидать, что подозреваемый или обвиняемый в преступлении в такой ситуации, скорее всего, «зацепится» за предложенную ему версию об «ошибке» и будет давать пояснения о том, что произошла именно она. При этом вопросы и замечания следователя, который будет рекомендовать включить в пояснение те или иные аспекты, могут помочь прояснить многие важные детали и обстоятельства произошедшего, что в дальнейшем может стать основанием доказательственной базы и обвинительного заключения по уголовному делу.

Кроме того, допрашивающий может попросить эксперта «как коллегу» помочь ему – дать более детальные и развернутые ответы относительно выявленных следствием фактов. Также следователь может попросить дать подробное описание всех предшествующих и сопутствующих этому событиям, а также обстановки (в том числе места и времени), в которой эксперт допустил «экспертную ошибку».

Хороший эффект может дать и просьба к допрашиваемому лицу ответить на вопрос о том, кто, по его мнению, из его коллег или иных лиц, в том числе из сотрудников правоохранительных органов, которые пересекались с ним по служебной деятельности, может

подтвердить его невиновность, отсутствие умысла и прочие важные сведения, которые необходимы для того, чтобы уголовное дело в отношении подозреваемого не было возбуждено либо прекратилось уже начатое в отношении его уголовное преследование.

Также определенный эффект может дать прием, заключающийся в том, что задается с разными промежутками времени один и тот же по смысловому наполнению вопрос, но по-разному сформулированный. Получение же на него отличающихся ответов может косвенно свидетельствовать о ложности тех или иных показаний допрашиваемого лица.

Когда подозреваемый успокоится, даст пояснения относительно выявленных и предъявленных ему следствием фактов, имеет смысл наступательно и последовательно предъявлять ему порциями новые известные следствию доказательства, в том числе по другим эпизодам его предположительно противоправной деятельности, ожидая от него и новых показаний и пояснений. Идеальной для следствия может стать ситуация, когда, говоря о своих «случайных ошибках», допрашиваемое лицо фактически опишет произведенные им фальсификации.

При этом следователю необходимо помнить, что в разбирательствах по исследуемой категории уголовных дел наиболее сложно доказать именно умышленность нарушений лица, назначенного для производства экспертизы и дачи заключения, так как без доказательства умысла соответствующие деяния могут быть квалифицированы как халатность (ст. 293 УК РФ) либо вообще быть признаны экспертной ошибкой, имеющей некриминальный характер [3, с. 198–204].

Очень важным является аудио- и видеофиксация проведения допроса лица, назначенного для производства экспертизы и дачи заключения. Допрашиваемое лицо может проговориться о своем умысле и об истинных мотивах фальсификации, а возможно, и о полученном им материальном «вознаграждении» за нужные кому-то «выводы» либо о давлении на него со стороны начальства, принудившего его совершить «экспертную ошибку», но, осознав «оплошность», может отказаться подписать протокол допроса [4].

Большое значение в раскрытии преступлений исследуемого вида имеет стратегически и тактически хорошо продуманный допрос пострадавшего лица, в том числе являющегося официальным заявителем о преступлении. Именно его показания могут лечь в основу выдвигаемых первичных следственных версий относительно произошедшего.

Однако следует иметь в виду, что иногда пострадавшим и (или) заявителям может быть выгодным преувеличить те или иные известные им факты, а также предполагаемую вину самого заподозренного в противоправной деятельности эксперта. Кроме того, возможна и намеренная дача ложных показаний. Также необходимо понимать, что они могут неумышленно, но в силу особенностей индивидуального восприятия, исказить те или иные сведения об известных им событиях. Эффективной мерой для преодоления отмеченных негативных явлений может стать запись всего проводимого допроса и его многократное прослушивание следователем при одновременном поиске возможных нестыковок, противоречий и иных важных для объективного расследования моментов. Рекомендуется также использовать описанный выше прием, а именно: периодически задавать с одним и тем же смыслом, но по-разному сформулированный вопрос. Полученные на него отличающиеся ответы могут косвенно свидетельствовать о ложности тех или иных показаний.

В то же время на практике встречаются случаи, когда лица, выступающие в качестве экспертов по уголовным, гражданским или арбитражным делам, представляя экспертные заключения, содержащие ложные сведения, не являются виновными в преступлении, несмотря на то, что на их предполагаемую вину активно указывают заявители. Речь здесь идет о случаях, когда действительно имели место только экспертные ошибки, не повлекшие крупного ущерба и тяжких последствий для какого-либо лица, при этом эксперт не имел ни умысла, ни намерения исказить те или иные сведения в данном им экспертном заключении.

Также это относится к случаям, когда сами объекты, представленные на экспертизу, изначально были изменены, повреждены, сфальсифицированы иными лицами. Лицо, назначенное для производства экспертизы и дачи заключения, могло действительно не знать о подлоге вещественных доказательств, а исследовал и делал выводы по предоставленным ему объектам [5].

Известны и случаи намеренного перекалывания вины, когда подозреваемое в совершении фальсификации доказательств лицо умышленно настаивает на том, что именно в таком виде им получены материалы/предметы для исследования. В свою очередь, заподозренные в преступлении, квалифицируемом по ст. 303 УК РФ, работники правоохранительных органов также могут настаивать на том, что их вины в изменении, уничтожении или иной форме фальсификации того или иного вещественного доказательства или следа не имеется, так как именно в таком виде предметы и материалы для экспертного исследования были найдены на месте преступления, в подтверждение они могут приводить показания понятых, протокол осмотра места происшествия и т. д.

Данная стратегия поведения (эффект перекалывания вины) может быть типичной для адвокатов. Эффект перекалывания проявляется в том, что адвокат будет утверждать, что сфальсифицированные доказательства, находящиеся в материалах дела, были получены от других заинтересованных в его исходе лиц. Он же их только передал либо озвучил. При этом адвокат может говорить правду и действительно не иметь никакого понятия о подложности переданных ему доказательств, а может намеренно вводить следствие и (или) суд в заблуждение.

Эффект перекалывания вины часто выступает в качестве сильного средства противодействия расследованию по делам о фальсификации доказательств. При этом следует иметь в виду, что если подложные доказательства были переданы через адвоката, как правило, данное лицо будет утверждать, что не осознавало и не понимало всей общественной опасности деяния, не могло предвидеть неизбежность либо возможность наступления опасных последствий, не желая наступления таковых [6].

Позиция же подозреваемых лиц, назначенных для производства экспертизы и дачи заключения, в подобных ситуациях, как правило, типична. Обычно они утверждают, что работали именно с тем материалом, который им был передан для проведения экспертизы уполномоченным на то лицом. Если же следствие ставит их перед каким-либо конкретным фактом, например, наличием недостоверных сведений в экспертном заключении или экспертной документации промежуточного характера, то, как правило, подозреваемые эксперты изначально пытаются убедить следствие, что имела место «просто» ошибка.

В таких случаях эффективными могут оказаться очные ставки. Следователю, ведущему расследование, также необходимо вести аудио- и видеозапись таких действий. При этом выявленные противоречия, логические нестыковки и оговорки в речи участников очных ставок могут стать ключом к раскрытию того или иного факта или эпизода в противоправной деятельности подозреваемого или обвиняемого в преступлении эксперта. Сами же очные ставки могут проводиться как между пострадавшими от экспертной деятельности лицами и экспертами-фальсификаторами, так и между этими же экспертами и их соучастниками. Возможны и иные сочетания участников очных ставок, в зависимости от выявленных обстоятельств к тому или иному моменту расследования.

Таким образом, при производстве допросов и очных ставок, с учетом особенностей их проведения, можно добиться успешного результата в расследовании преступлений, совершенных лицами, назначенными для производства экспертизы и дачи заключения.

Список источников

1. Хрусталева В. Н. Как обеспечить достоверность доказательств, получаемых экспертным путем? // Судебная экспертиза. 2016. № 3 (47). С. 150–171.
2. Ушаков О. М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.

3. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить?: в 2 т. Т. 2. Досудебное производство. М.: Юрайт, 2017.
4. Кудинова Н. С. Актуальные вопросы экспертной этики // Наука и общество. 2020. № 1 (36). С. 18–24.
5. Владимирова В. Ю. Наука «на службе» следствия. Печальный опыт черной криминалистики // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 8. С. 154–156.
6. Симонова Т. С. Проверка повода и установление основания для возбуждения уголовного дела: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.

Информация об авторе

С. В. Севостьянова – старший преподаватель кафедры исследования документов Волгоградской академии МВД России

Information about the authors

S. O. Sevostyanova – senior lecturer of the Department of Document Research of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2023; принята к публикации 14.01.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 12.01.2023; accepted for publication 14.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 84–92.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; № 1(62):84–92.

Научная статья

УДК 343.982.354

ПРИМЕНЕНИЕ ЛИНЕЙНЫХ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ДЛЯ СОРТИРОВКИ СЛЕДОВ НОГ ЧЕЛОВЕКА В МАССИВЕ ДАННЫХ

Дмитрий Анатольевич Евструпов¹, Кондаков Александр Владимирович², Нурушев Арстангали Амангалиевич³

^{1,3} Волгоградская академия МВД России, Волгоград

² Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург

¹ dmitry.evstropov@gmail.com

² akondakov@rambler.ru

³ arsik.nur@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе изучения зарубежного и отечественного опыта криминалистического исследования следов ног человека обобщены и проанализированы методы анализа, основанные на линейных оценках контурной морфологии следа ноги. Проверен один из альтернативных способов измерения и анализа следов ног методом оптического центра. Результаты данного исследования показали, что метод оптического центра может использоваться как вспомогательный для сортировки следов в массиве и выборке предполагаемых кандидатов для дальнейшего сравнительного анализа и идентификации. Описанный метод может быть положен в основу совершенствования методики экспертного исследования следов ног человека, а также разработки программ автоматизированного расчета, которые возможно применить для автоматизации поиска и проверки следов по следотекам. **Ключевые слова:** следы ног человека, трасологическая экспертиза, общие и частные признаки следов ног, методы исследования следов ног человека

Для цитирования: Евструпов Д. А., Кондаков А. В., Нурушев А. А. Применение линейных методов оценки для сортировки следов ног человека в массиве данных // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 84–92.

Original article

APPLICATION OF LINEAR ESTIMATION METHODS FOR SORTING HUMAN FOOTPRINTS IN A DATA ARRAY

Dmitrii A. Evstropov¹, Aleksandr V. Kondakov², Arstangali A. Nurushev³

^{1,3} Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd

² Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint Petersburg

¹ dmitry.evstropov@gmail.com

² akondakov@rambler.ru

³ arsik.nur@yandex.ru

Abstract. In the article, based on the study of foreign and domestic experience in the forensic investigation of human footprints, analysis methods based on linear estimates of the contour morphology of the footprint are summarized, investigated and analyzed. The paper tested one of the alternative methods for measuring and analyzing footprints by the optical center method. The results of this study showed that the optical center method can be used as an auxiliary method: for sorting traces in an array and selecting potential candidates for further comparative analysis and identification. The described method can be used as the basis for improving the methodology, expert study of human footprints, as well as the development of automated calculation programs that can be used to automate the search and verification of traces in the footprints.

Keywords: human footprints, traceological examination, general and particular signs of footprints, methods for studying human footprints

For citation: Evstropov D. A., Kondakov A. V., Nurushev A. A. Application of linear estimation methods for sorting human footprints in a data array // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):84–92.

Трасологическая экспертиза в экспертной практике относится к наиболее распространенным видам традиционной криминалистической экспертизы. Ценность трасологической экспертизы заключается в том, что по отдельным видам ее исследований можно идентифицировать человека. В последнее время, в ответ на требования в отношении повышения наглядности и достоверности проведенных исследований, ученые склоняются к подходам проведения комплексных анализов, основанных на разных подходах.

Исторически следы ног человека как доказательства впервые были представлены в судах Франции в 1888 г., когда путем анализа следов ног был идентифицирован преступник по имени Ле Дрю. Ранние случаи основывались на предположении об уникальности следов ног человека. Несмотря на это, долгие годы фундаментальных исследований, посвященных изучению следов ног человека, учеными криминалистами не проводилось. Только лишь в XX в. были проведены исследования и опубликованы их материалы, подтверждающие эти более ранние предположения об уникальности следов ног человека за счет отображающихся в них признаков строения стопы. Было отмечено, что черты следа имеют такой же характер, как и черты лица, и что каждый отдельный след должен иметь отчетливую индивидуальность [1].

Криминалистическое значение обнаруженных на месте происшествия следов ног человека состоит в следующем. Во-первых, по следам ног имеется возможность установить человека, оставившего след. Во-вторых, следы ног являются носителем криминалистически значимой информации в виде отобразившихся признаков, что может при осуществлении оперативного поиска подозреваемого значительно сузить круг подозреваемых в совершении преступления [2].

Для получения криминалистически значимой информации все следы ног, обнаруженные на месте преступления, оцениваются экспертом на предмет полноты и качества отобра-

жившихся в них признаков, их количественных характеристик, механизма слеодообразования. На основании полученных результатов принимается решение о пригодности следа и о необходимости его изъятия с целью дальнейшего исследования.

В криминалистике существует несколько подходов, применяемых для описания и анализа следов ног человека. Все их можно разделить на две группы: первая – использование линейных или метрических измерений, вторая – использование субъективной оценки контурной морфологии следа.

С целью объективизации получаемых при описании следов ног человека данных, рекомендуется использовать, как минимум, два различных метода.

Остановимся на характеристике наиболее часто используемых, в отечественной и зарубежной практике, методов измерения при описании следов ног человека.

Среди методов, относящихся к первой группе, следует назвать метод Н. Ганна [3]; метод оптического центра Уильяма Дж. Бодзиака и Р.Б. Кеннеди [4; 5]; подометрический метод В.А. Росси [6].

Суть метода, предложенного Н. Ганном, заключается в том, что измерение следа осуществляется в соответствии с его разметкой, при которой линии проводятся от самого заднего контура (среза) следа пятки до передних контуров следов каждого из пяти пальцев (рис. 1).

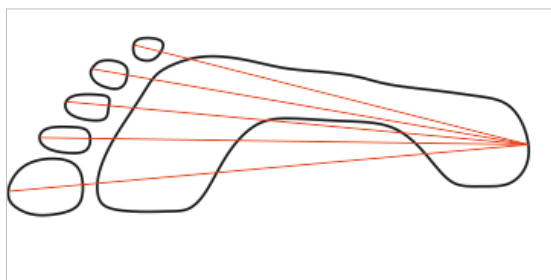

Рис. 1. Контур следа босой ноги, оцениваемый методом Н. Ганна

Рассматриваемый метод не исключает возможности построения дополнительных линий, соединяющих другие точки следа. Как правило, на практике к построению дополнительных линий прибегают при обнаружении на месте происшествия неполного отображения следа ноги человека, содержащего лишь частичный (фрагментарный) след пальцев и плюсны стопы. Метод Н. Ганна используется для описания следов ног человека, обнаруженных при осмотре места происшествия, в европейских странах.

Другим методом, применяемым для описания следов ног, является метод оптического центра, описанный в работах Уильяма Дж. Бодзиака и Р.Б. Кеннеди. Он представляет собой вариацию соединений и измерений линий, проведенных между периферийными ориентирами. Построенные линии соединяют «оптический центр пятки» с «оптическим центром каждого пальца». Оптический центр – это центральная точка окружности, вписанной в положение наилучшего соответствия в пределах следа босой ноги (пальцы ноги, пятки) (рис. 2).

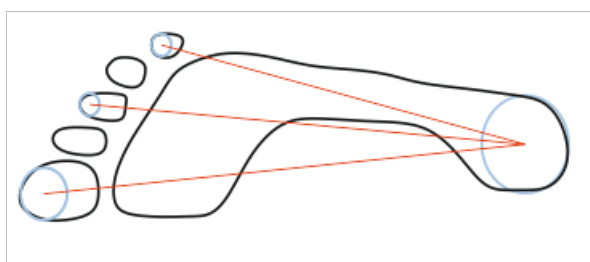

Рис. 2. Контур следа босой ноги с линиями, проведенными от оптического центра пятки к оптическому центру каждого пальца

Экспериментальные исследования пригодности применения данного метода для отождествления человека осуществлялось авторами на основе анализа 2000 следов ног человека [7].

Все следы ног образовывались при соблюдении одинаковых условий механизма слеодообразования. Полученные в результате измерений показатели сравнивались с массивом данных для установления совпадений. В настоящее время работы по совершенствованию данного метода продолжаются, а вопрос об обоснованности и надежности результатов пока остается открытым.

В. А. Росси описал метод, который он назвал подометрической системой. Данный метод может быть использован для описания следов ног путем классификации ключевых признаков стопы, отобразившихся в следе, во взаимосвязи друг с другом. Его система основана на построении пяти продольных линий и пяти боковых линий, проходящих и пересекающихся в определенных точках следа стопы, при этом каждый набор линий сходится в центральной точке (рис. 3).

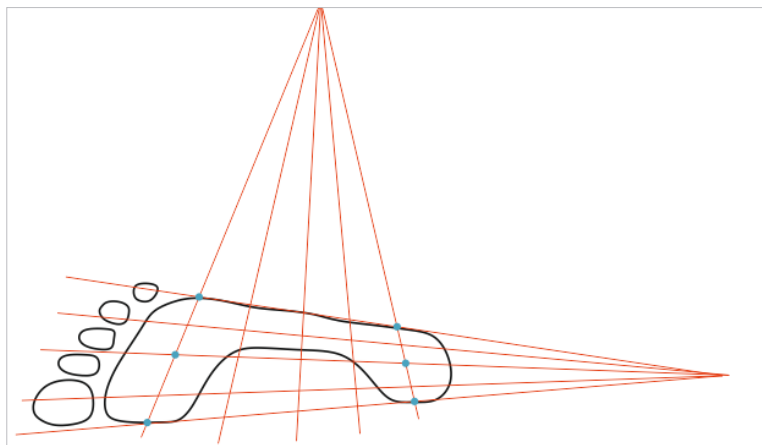

Рис. 3. Подометрическая система В.А. Росси

В дальнейшем, в целях установления уникальности следа ноги человека, образованного подошвенной частью стопы, учеными был разработан способ, основанный на использовании центральной оси для выравнивания каждого анализируемого следа. Подход заключается в использовании центральной оси, проведенной между внутренней и внешней касательными линиями в следе ноги с включением ранее упомянутых линий Н. Ганна (рис. 4).

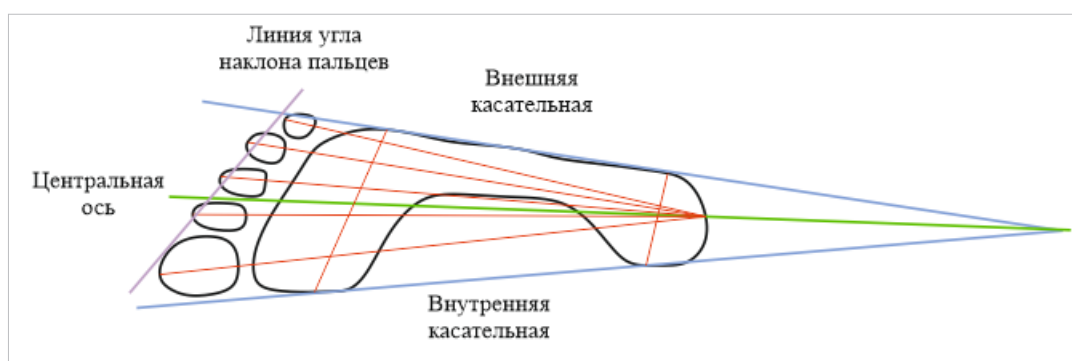

Рис. 4. Контур следа ноги человека с медиальными и латеральными линиями, центральной линией и линией угла наклона пальцев

Одним из распространенных методов, использующих субъективную оценку контурной морфологии следа, является метод наложения, применяемый для сравнительного анализа следов. Вместо геометрического построения линий между определенными ориентирами следа и последующего измерения конкретных количественных размеров, он полагается на автоматическую трассировку контура следов вместе с любыми элементами, присутствующими в оттиске, такими как следы складок, шрамы или мелкие детали контура.

Использование метода наложения возможно в том случае, когда имеются качественные изображения следов ног человека, изъятых в ходе осмотра места происшествия, а также экспериментальные образцы, полученные у подозреваемого. Реализация метода может осуществляться как с использованием специализированных программ для работы с изображениями, так и посредством работы со следами, распечатанными на прозрачном ацетатном листе, где можно проследить сравниваемый контур следов вручную.

Образцы следов ног обычно имеют более высокое качество и четкость изображения, чем след, изъятый при осмотре места происшествия. Трассировка производится для последующего сравнения, где она накладывается поверх этого изображения, что дает возможность эксперту сделать визуальные и субъективные сравнения того, насколько хорошо отобразившиеся признаки совпадают.

При анализе морфологии следа обычно прослеживаются все видимые признаки. В работах Ди-Маджио и В. Вернона эти особенности описаны как контурные детали в следах пальцев ног, передней части подошвы стопы, медиальной области дуги и латеральной части пятки [8].

Российские криминалисты при описании следов ног человека отдают предпочтение следующим линейным измерительным подходам (рис. 5) [9–11]:

- в качестве общих признаков стопы человека рассматривают: размер ступни и отдельных ее элементов; общую форму ступни; размеры пальцев;
- к частным признакам следов ног человека относят признаки пальцев и признаки ступни. Признаки пальцев: соотношение их размерных характеристик; их форма и расположение относительно края плюсны; различные аномалии пальцев (искривления, сросшиеся пальцы); отсутствие фаланг или целых пальцев (контуры линии ампутации). Признаки ступни: особенности формы ее краев; отсутствие ее части; наличие, форма, размеры, расположение и взаиморасположение различных повреждений стопы.

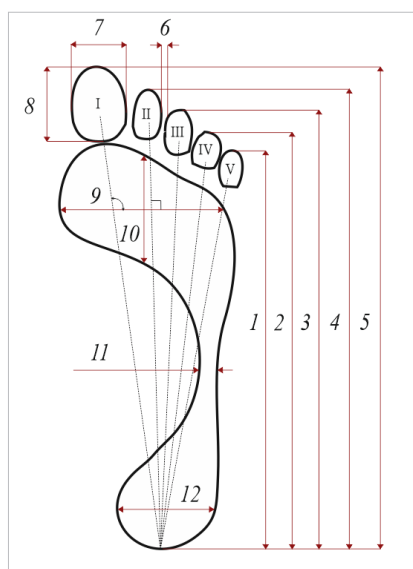

Рис. 5. Общие признаки стопы человека:

- 1, 2, 3, 4 – расстояние от края пальцев до края пятки;
- 5 – общая длина стопы; 6 – расстояние между пальцами;
- 7 – ширина пальца; 8 – длина пальца;
- 9 – ширина плюсны; 10 – длина плюсны;
- 11 – ширина промежуточной части (подъёма);
- 12 – ширина пятки

Для исследования возможности применения способа оптического центра в отношении сортировки в массиве следов босых ног и поиска кандидатов для сравнительного анализа был проведен эксперимент. С этой целью была выбрана группа из 10 человек женского пола среднего телосложения в возрасте от 19 до 25 лет. От каждого участника получен статический след стопы правой ноги. Контрольный статический след получен от одного анонимного участника по истечении 60 дней от момента получения первых десяти (рис. 6).

Рис. 6. Десять следов босых ног участников контрольной группы и след анонимного участника

Измерения выполнялись при помощи программного обеспечения MCview, позволяющего производить анализ объектов, наблюдаемых в микроскоп, а также сохраненных и загруженных изображений. Построение оптического центра производилось через команду построения окружности по трем точкам (рис. 7). В пальцах в качестве точек выбирались правый, левый и передний край следа, в пятке – правый, левый и задний край следа.

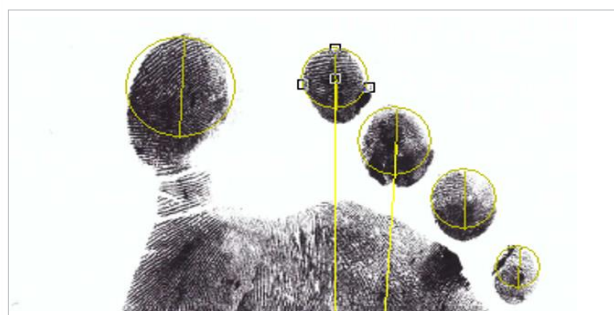

Рис. 7. Пример построения оптического центра пальцев через команду построения окружности по трем точкам в программе MCview

Линейные измерения проводились от центра окружности в пятке до центра окружности в каждом из пяти пальцев. Измерение углов между пальцами осуществлялось по трем точкам, первая и третья из которых лежали в центрах окружности пальцев, а вторая – в центре окружности пятки. Результаты расчета фиксировались в листе измерений программы MSview, затем для удобства обсчета и анализа переносились в Microsoft Excel. Полученные результаты измерений представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Угол (в градусах) между линиями, соединяющими оптические центры пальцев и оптический центр пятки

Номер следа	I-II	II-III	III-IV	IV-V
1	9,11	3,77	4,7	4,56
2	6,62	5,43	4,31	4,14
3	8,88	4,21	4,51	5,11
4	10,21	5,27	2,72	3,71
5	6,16	4,26	4,51	4,15
6	7,02	4,53	4,35	5,31
7	6,15	3,67	4,23	5,12
8	6,97	3,48	3,95	4,72
9	6,88	4,46	4,34	4,77
10	7,14	4,62	4,63	4,34
Контрольный след	6,26	3,88	5,1	4,81

Примечание: светло-серым цветом выделены следы, в которых угол между оптическим центром второго пальца и пятки наиболее приближен к контрольному следу, красным – результаты, разница которых с контрольным следом дает высокое значение.

Таблица 2

Расстояния от оптического центра пятки до оптического центра каждого из пяти пальцев (мм)

Номер следа	Номер пальца				
	I	II	III	IV	V
1	187,5	187,3	174	163,9	152,3
2	193,3	193,6	182,4	173,7	164,6
3	176,5	176,8	167,4	158,2	146,7
4	210,2	213,6	204,8	188,1	175,3
5	193,2	193,3	183,1	175,1	161,9
6	195,1	194,8	190,8	180,9	160,8
7	197,2	200,3	194,5	179,4	169,1
8	199,1	201,4	190,3	182,8	167,3
9	201,5	192,6	184,4	173,9	168,1
10	188,4	194,9	190,4	178,2	165,2
Контрольный след	192,2	193,2	184,4	173,6	165,4

Примечание: светло-серым цветом выделены следы, в которых расстояния от оптического центра пятки до оптического центра каждого из пяти пальцев наиболее приближены к контрольному следу, красным – результаты, разница которых с контрольным следом дает высокое значение.

Полученные данные сравнивались между собой, в результате чего была сформирована первоначальная выборка (см. примечание табл. 1, 2) и построены диаграммы (рис. 8).

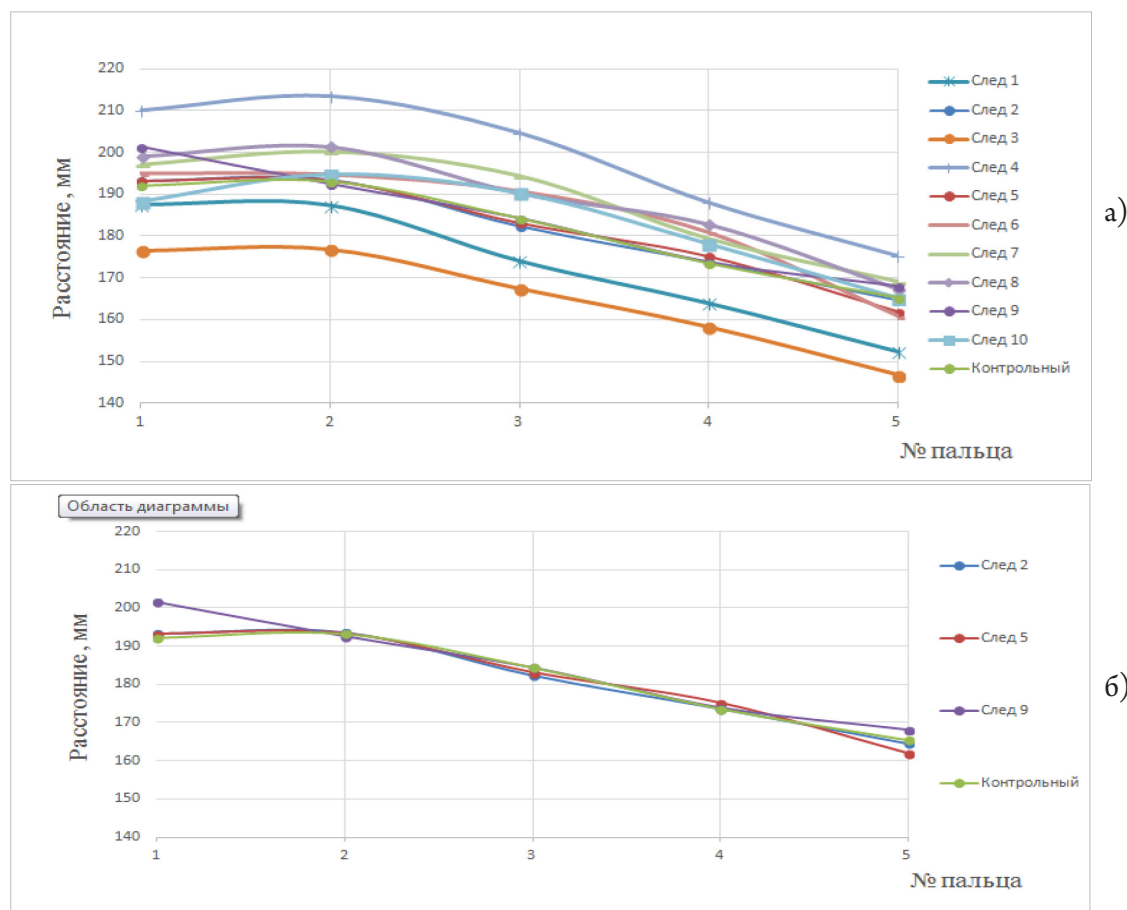

Рис. 8. Зависимости расстояний от оптического центра пятки до оптического центра в каждом из пяти пальцев: а – до выборки; б – после сортировки и выборки

Из рис. 8б следует, что два из десяти следов могут быть образованы одним и тем же человеком. След № 9 может быть исключен из выборки в связи с тем, что разница в расстояниях от оптического центра I-го пальца до пятки по отношению к контрольному следу составляет 9,3 мм. Таким образом, метод указывает на двух возможных кандидатов, поскольку отклонения от расстояний, измеренных в эталонном образце, показывают приемлемую сходимость с показаниями в следах № 2 и 5.

В ходе анализа значений углов между линиями, соединяющими оптические центры пальцев и оптический центр пятки, установлено, что в следе № 2 выделяется значение для II-го и III-го пальцев (см. табл. 1). Однако следует отметить, что уже на выборке из 10 кандидатов многие значения углов, измеренных между пальцами, лежат очень близко друг к другу (в пределах 1–20), а вариация, связанная с механизмом образования следов и ошибками оператора во время измерения, не анализировалась. В связи с этим исключение следа из подборки на таком основании, на наш взгляд, сомнительно. Поэтому метод оптического центра, основанный на измерении параметров между одноименными точками в исследуемом следе, может использоваться как вспомогательный для сортировки следов в массиве и выборки предполагаемых кандидатов для дальнейшего сравнительного анализа. Эффективность работы метода проверялась на малой выборке (10 человек), потенциально, сократить выборку можно путем дополнительных измерений и линейных построений, но однозначно сказать об этом можно только после исследований вариационности, связанной с механизмом образования следов.

Подводя итог, необходимо констатировать, что среди криминалистов, занимающихся изучением следов ног человека, отсутствует единый подход в измерении параметров следа при его описании и исследовании. В то же время каждый из методов имеет присущую ему определенную рода специфику и подчеркивает индивидуальность человеческой стопы.

Описанные подходы могут быть положены в основу совершенствования методики экспертного исследования следов ног человека, а также разработки программ автоматизированного расчета, которые возможно применить для автоматизации поиска и проверки следов по следотекам.

Список источников

1. Siegel J. A., Saukko P. J. Encyclopedia of forensic sciences. Academic Press, 2012.
2. Маркелов А. Г., Максимов Н. В. Криминалистическая роль диагностического исследования следов ног человека при определении роста в доказывании по уголовным делам // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 2(36).
3. Gunn N. Old and new methods of evaluating footprint impressions by a forensic podiatrist // British Journal of Podiatric Medicine and Surgery. 1991; 3(3): 8–11.
4. Bodziak W. J. Footwear Impression Evidence: Detection, Recovery, and Examination. Boca Raton: CRC Press, 2000.
5. Kennedy R. B. Uniqueness of bare feet and its use as a possible means of identification // Forensic Sci Int. 1996; 82(1):81–87.
6. Rossi W. A. Podometrics: A new methodology for foot typing // Journal of Testing and Evaluation. 1992; 20(4): 301–311.
7. Kennedy R. B., Chen S., Pressman I. S., Yamashita A. B., Pressman A. E. A large-scale statistical analysis of barefoot impressions // Journal Forensic Sci. 2005; 50:1071–1080.
8. DiMaggio J. A., Vernon W. Forensic Podiatry: Principles and Methods. Boca Raton, FL: CRC Press/Taylor & Francis Group, 2017.
9. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА, 2001. – 990 с.
10. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник / под ред. И. В. Латышова. Волгоград: ВА МВД России, 2022. – 524 с.
11. Следы ног: учеб. пособие. Томск: ИД Томского гос. ун-та, 2014. – 100 с.

Информация об авторах

Д. А. Евстропов – кандидат технических наук, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

А. В. Кондаков – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики, судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

А. А. Нурушев – кандидат юридических наук, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

Information about the authors

D. A. Evstropov – kandidat nauk, degree in Technic, Associate Professor of Department of Traceology and Ballistics, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

A. V. Kondakov – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics, Forensic Examination and Operational Search Activities of the Faculty for Training Forensic Experts, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

A. A. Nurushev – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor of Department of Traceology and Ballistics, Training and Scientific Complex of Expert-Criminalistic Activity, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2023; принята к публикации 26.01.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 26.01.2023; accepted for publication 26.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 93–99.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; № 1(62):93–99.
Научная статья
УДК 343.983.22

9-ММ ПИСТОЛЕТ BERETTA 92FS КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей Николаевич Бардаченко¹, Игорь Александрович Чулков²

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград

¹ bardachenko-alex@rambler.ru

² chulkov09.02@mail.ru

Аннотация. В последние годы в арсенале российских спортивных клубов широко представлен 9-мм пистолет Beretta 92FS. Однако в криминалистической литературе описаны лишь его тактико-технические характеристики. Данное обстоятельство негативно влияет на эффективность проведения судебно-баллистических экспертиз по определению состояния огнестрельного оружия, установлению дистанции выстрела. В статье приводятся результаты проведенного авторами экспериментального исследования, позволившего установить особенности взаимодействия деталей и механизмов данной модели оружия, выявить и проиллюстрировать криминалистические характеристики следов ее применения на пулях, гильзах и преградах. Целевой аудиторией работы являются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений, а также педагоги и обучающиеся по специальности «Судебная экспертиза».

Ключевые слова: огнестрельное оружие, пуля, гильза, следы выстрела на преградах

Для цитирования: Бардаченко А. Н., Чулков И. А. 9-мм пистолет Beretta 92FS как объект судебно-баллистического исследования // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 93–99.

Original article

9-MM PISTOL BERETTA 92FS AS AN OBJECT OF FORENSIC BALLISTIC INVESTIGATION

Alexey N. Bardachenko¹, Igor' A. Chulkov²

^{1,2} Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd

¹ bardachenko-alex@rambler.ru

² chulkov09.02@mail.ru

Abstract. In recent years, the 9mm Beretta 92FS pistol has been widely represented in the arsenal of Russian sports clubs. However, in the forensic literature only its tactical and technical characteristics are described. This circumstance negatively affects the effectiveness of forensic ballistic examinations to determine the condition of firearms, to establish the distance of the shot. The article presents the results of an experimental study conducted by the authors, which made it possible to establish the features of the interaction of parts and mechanisms of this weapon model, to identify and illustrate the forensic characteristics of traces on bullets, cartridge cases and obstacles. The target audience of the work is employees of forensic departments, as well as teachers and students in the specialty "Forensic examination".

Keywords: firearms, bullet, cartridge case, traces of a shot on obstacles

For citation: Bardachenko A. N., Chulkov I. A. 9mm pistol Beretta 92FS as an object of forensic ballistic investigation // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):93–99.

Из общего числа преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия, подавляющее большинство составляют тяжкие и особо тяжкие, включая деяния террористической и экстремистской направленности. Их расследование всегда сопровождается назначением судебно-баллистических экспертиз, в рамках которых решаются вопросы об исправности и пригодности оружия для стрельбы, выясняются обстоятельства его применения. Однако при проведении исследований эксперты-баллисты испытывают недостаток данных об устройстве и следах применения современного огнестрельного оружия.

9-мм пистолет Beretta 92 FS является одним из известных в мире образцов пистолетов (рис. 1)*. Он используется армиями, полицией ряда зарубежных государств, пользуется популярностью на гражданском рынке оружия. Многие спортивные клубы России данный пистолет включили в свой арсенал. Для стрельбы из него используются широко распространенные пистолетные патроны 9 × 19 мм. Однако в криминалистической литературе отсутствуют сведения о взаимодействии деталей и механизмов данной модели оружия, следах близкого выстрела на преградах. Для восполнения существующего пробела было проведено экспериментальное исследование, основные результаты которого приведены в настоящей работе.

Перезарядка пистолета происходит за счет энергии отдачи затвора при коротком ходе ствола, запираение – защелкой, качающейся в вертикальной плоскости. Рамка пистолета изготовлена из легкого алюминиевого сплава. Ударный механизм – курково-ударниковый. Длина ствола составляет 125 мм.

Рис. 1. 9-мм пистолет Beretta 92FS

Пистолет имеет ряд особенностей в своей конструкции, которые необходимо знать эксперту-баллисту при исследовании технического состояния данной модели оружия. Так, удар курка передается к ударнику через ударный стержень, размещенный в отверстии цилиндрической части флажкового предохранителя.

В пистолете имеется несколько предохранителей, обеспечивающих безопасность при обращении с ним. Предохранитель ударника предназначен для блокирования последнего и выключается при нажатии на спусковой крючок. Спусковая тяга воздействует на рычаг предохранителя, в результате чего вырез на предохранителе ударника совмещается с вырезом ударника.

* Официальный сайт фирмы Beretta. URL: <https://www.beretta-92.com/product/beretta-92fs-9mm-full-size-15-round-pistol/> (дата обращения: 27.12.2022).

При включении флажкового предохранителя происходит безопасный спуск курка, если он стоит на боевом взводе. Для этого используется специальный рычаг, который отводит шептало от боевого взвода курка. Освободившийся курок энергично поворачивается на своей оси, но выстрела не происходит, так как поворачивающаяся цилиндрическая часть предохранителя выводит ударный стержень из контакта с ударником. Также она отводит вниз и штифт механизма разобщения, разъединяя спусковую тягу с шепталом. Кроме того, предохранитель ударника находится в верхнем положении, блокируя его.

На поверхности стреляных из пистолета Beretta 92FS гильз образуется комплекс следов, наиболее четкими и устойчивыми из которых являются следы бойка ударника, краев отверстия в чашке затвора под него, следы патронного упора, след правого загиба магазина (в большинстве случаев след имеет характерную веерообразную форму, также может отображаться в виде вмятины с валиками и бороздками на его стенках, располагается на расстоянии около 12 мм от среза гильзы), отражателя и зацепа выбрасывателя (рис. 2–6).

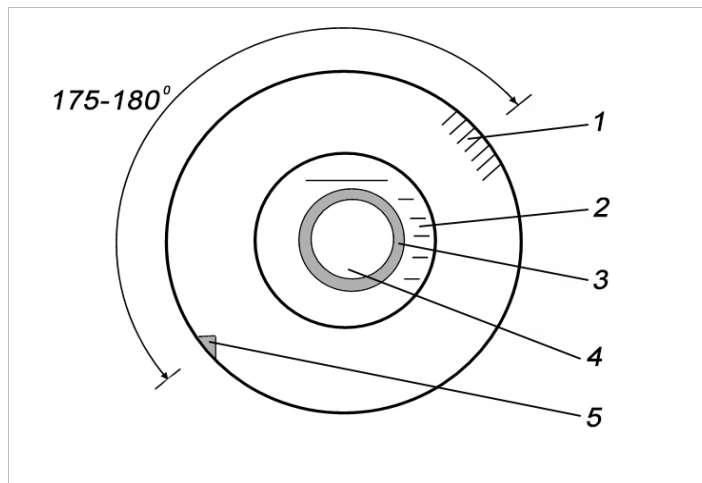

Рис. 2. Следы на гильзе:

- 1 – след зацепа выбрасывателя;
- 2 – следы патронного упора; 3 – след краев канала ударника;
- 4 – след бойка ударника; 5 – след отражателя

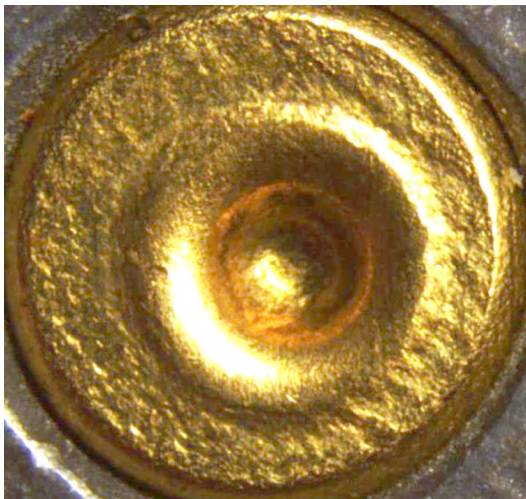

Рис. 3. Следы бойка ударника, краев канала ударника, патронного упора

Рис. 4. След зацепа выбрасывателя

Рис. 5. След отражателя

Рис. 6. След правого загиба магазина

На поверхности выстрелянных пуль образуются 6 правонаклонных (50) следов полей нарезов шириной 2,0–2,1 мм.

Для анализа следов близкого выстрела была проведена экспериментальная стрельба из двух 9-мм пистолетов Veretta 92FS с малоизношенными каналами стволов патронами 9 × 19 мм Luger АО «Барнаульский патронный завод» в мишени из отбеленной бязи.

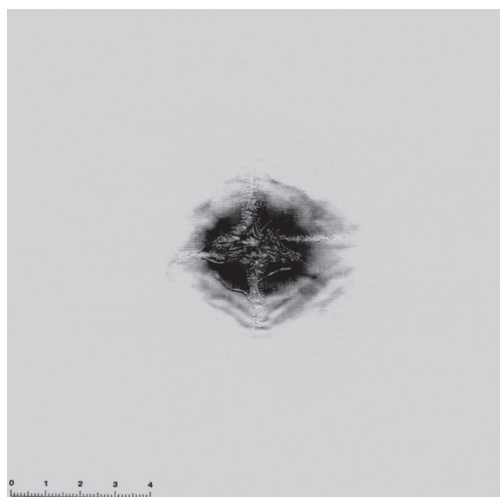
Пороховые газы и предпульный столб воздуха оказывают механическое действие на материал преграды в виде крестообразных разрывов ткани длиной до 50 мм (при выстрелах в упор) и до 90 мм (на дистанции 1 см).

Следы копоти выстрела отлагаются на дистанциях до 40 см, дифференциация центральной и периферийной зоны возможна на дистанциях до 7 см (рис. 7).

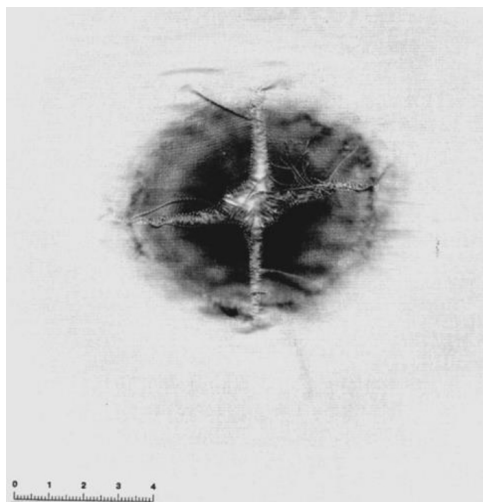
Выявление картины распределения меди оболочки пуль на мишенях проводилось с применением диффузно-контактного метода [1]. Гомогенное отложение выявляется на дистанциях до 20 см. Основная масса точечных и мелкоочаговых отложений проявляются в виде осыпи на дистанциях 3–60 см (рис. 8).

Характеристики отложения зерен пороха, центральных зон отложения копоти выстрела и гомогенного отложения меди при стрельбе из 9-мм пистолета Veretta 92FS

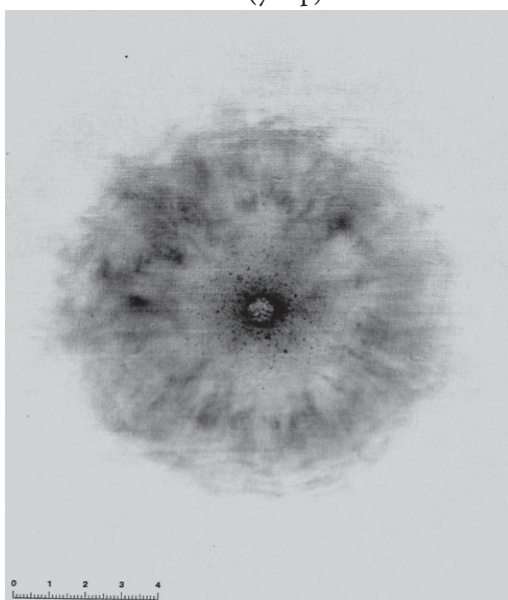
Дистанция, см	Размеры центральной зоны отложения копоти выстрела	Характеристика отложения зерен пороха	Размеры центральной зоны гомогенного отложения меди
0	30–35 мм	единичные	40–45 мм
1	60–75 мм	единичные	70–75 мм
3	70–75 мм	осыпь диаметром 30–35 мм	105–110 мм
5	100–110 мм	осыпь диаметром 35–40 мм	105–110 мм
7	110–120 мм	плотная осыпь, 40–50 мм	110–120 мм
10	границы не определяются	плотная осыпь, 60–65 мм	границы не определяются
15–30		плотная осыпь, 70–80 мм	
35–40		разреженная осыпь, 80–90 мм	
45		разреженная осыпь диаметром 80–90 мм	
50		разреженная осыпь	
60		в незначительном количестве	
80–100		единичные	
120		в отдельных случаях единичные	
130		не наблюдаются	

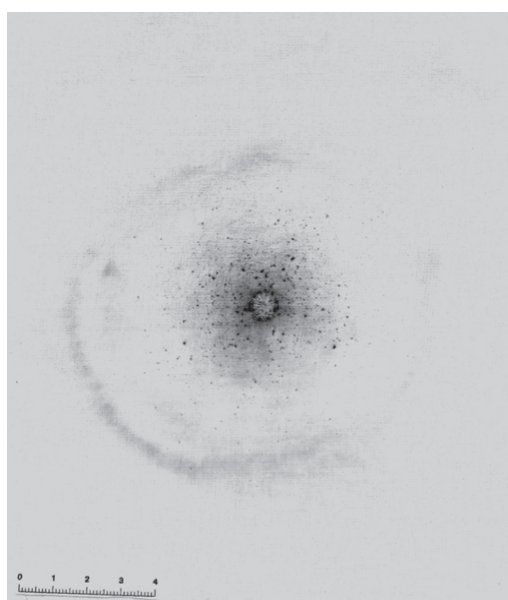
0 см (упор)

1 см

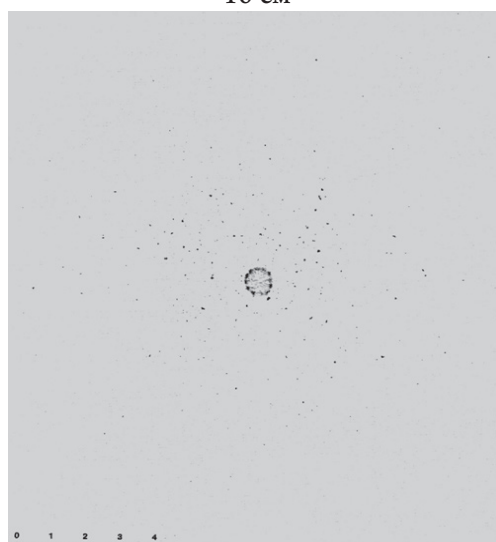
5 см

10 см

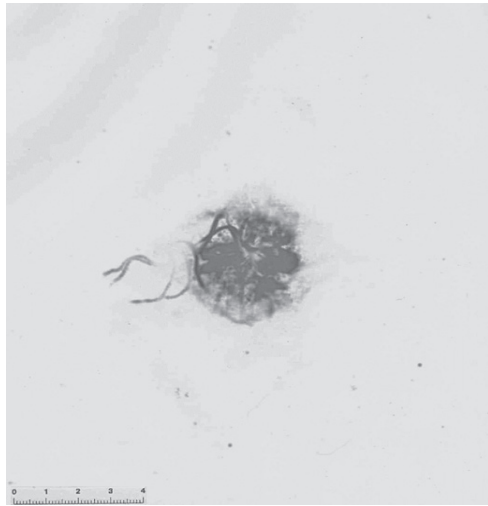

20 см

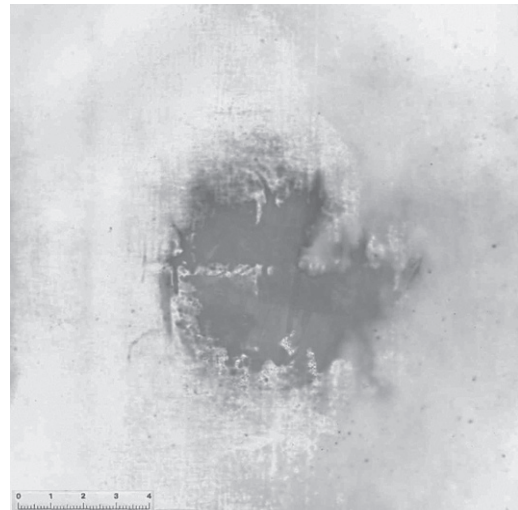

40 см

Рис. 7. Следы выстрела на ткани при стрельбе из 9-мм пистолета Beretta 92FS с различных дистанций

0 см (упор)

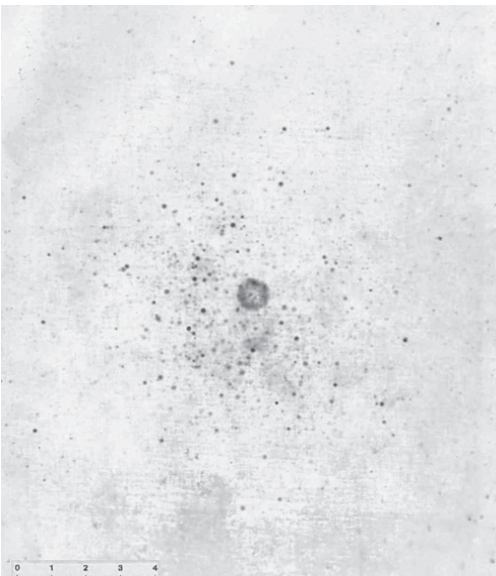
1 см

5 см

10 см

20 см

40 см

Рис. 8. Контактogramмы распределения соединений меди при стрельбе из 9-мм пистолета Beretta 92 FS с различных дистанций

Полагаем, что приведенные данные смогут обеспечить эксперта информацией, необходимой для решения вопросов об исправности и пригодности оружия для стрельбы, установлении модели оружия по его следам на пулях и гильзах, определении дистанции выстрела по следам на преграде.

Список источников

1. Афанасьев И. Б., Юдина Т. Ю. Диффузно-контактный метод при исследовании продуктов выстрела: метод. рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2015. – 30 с.

Информация об авторах

А. Н. Бардаченко – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

И. А. Чулков – старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

Information about the authors

A. N. Bardachenko – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

I. A. Chulkov – Senior Lecturer of the Department of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62).
С. 100–106.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
№ 1(62):100–106.
Научная статья
УДК 343.982.356

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ ГИДРОИНСТРУМЕНТА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО ДЛЯ ВСКРЫТИЯ ДВЕРЕЙ

Дмитрий Юрьевич Донцов¹, Елизавета Сергеевна Дубровских²

¹ Волгоградская академия МВД России, Волгоград
don3108@mail.ru

² Экспертно-криминалистический центр УМВД России по Курганской области
elizabet2504@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены устройство, принципы работы и технические характеристики гидравлических отрывателя дверных петель ОПС-80Х и перекусывателя педалей ПРГ-63/1. Описаны механизм слеодообразования и признаки, отображающиеся в следах их применения.

Ключевые слова: следы орудий взлома, гидравлический инструмент, вскрытие дверей, трасологическое исследование.

Для цитирования: Донцов Д. Ю., Дубровских Е. С. Криминалистическое исследование следов гидроинструмента, используемого для вскрытия дверей // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 100–106.
Original article

CRIMINALISTICS EXAMINATION OF TRACES FORMED BY HYDRAULIC EQUIPMENT USED TO BREAK DOORS

Dmitry Yu. Dontsov¹, Elizaveta S. Dubrovskih²

¹ Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd
don3108@mail.ru

² Expert Criminalistics Center of the Ministry of Interior of Russia for the Kurgan Region
elizabet2504@mail.ru

Abstract. The article focuses on the possibilities of traceological examination of break-in traces formed by hydraulic equipment. The authors analyze the structure and principle of operation of the door hinge breaker OPS-80X and pedal destroyer PRG-63/1. The mechanism of trace formation and specific features displayed in traces of their application for breaking the doors are described.

Keywords: traces of break-in instruments, hydraulic equipment, breaking the doors, traceological examination

For citation: Dontsov D. Yu., Dubrovskih E. S. Criminalistics examination of traces formed by hydraulic equipment used to break doors // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):100–106.

Переносной инструмент с гидравлическим приводом создавался для проведения аварийно-спасательных работ. В настоящее время применяется для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также для проведения специальных работ в условиях высоких и низких температур. Оборудование, разработанное на принципах гидравлики, не нуждается в подключении к электрической сети, что определяет его высокий уровень мобильности.

При этом создаваемое в его системе высокое давление передается на рабочий инструмент, в котором образуется усилие, способное разрушить даже самую прочную преграду. При этом также встречаются случаи применения такого оборудования и его аналогов в криминальных целях. В последнее время это получает широкое распространение, так как его приобретение не составляет большого труда.

В криминалистической литературе [1–3] рассмотрены устройство, принципы работы и технические характеристики некоторого гидравлического оборудования. Описаны механизм слеодообразования и признаки, отображающиеся в следах их применения на различных (в том числе металлических) преградах. При этом использующийся в настоящее время при проведении аварийно-спасательных работ гидравлический инструмент, предназначенный для вскрытия дверей и окон, рассмотрен недостаточно. В данной статье более подробно остановимся на оборудовании, используемом для разрушения (отрывания, перекусывания) наружных петель. Для данной цели может применяться как специально предназначенный, так и универсальный гидравлический инструмент. К первому относятся отрыватель дверных петель ОПС-80Х и перекусыватель дверных петель ПрДГ-63, а ко второму – перекусыватели решеток и педалей ПРГ-63 и ПРГ-63/1. Внешний вид, конструкция и принцип работы ОПС-80Х и ПрДГ-63 похожи, поэтому достаточно будет разобрать один из них.

Отрыватель петель ОПС-80Х (рис. 1) предназначен для отрыва или перекусывания наружных петель диаметром до 30 мм.* Габаритные размеры – 330 × 85 × 80 мм. Масса – 6,2 кг.

Рис. 1. Отрыватель петель ОПС-80Х

Перекусыватель педалей ПРГ-63/1 (рис. 2) – это специальный гидравлический инструмент вспомогательного назначения**, способный перекусить стальной рычаг сечением 8 × 35 мм либо пруток диаметром 20 мм. Габаритные размеры – 290 × 80 × 70 мм. Масса – 4,5 кг. Максимальное режущее усилие – 120 кН. Максимальное давление рабочей жидкости – 63 МПа.

* Официальный сайт фирмы «СПРУТ». URL: <https://sprut.com/catalog/product/view/51/24?ysclid=l62hg9014946651482> (дата обращения: 12.12.2022).

** Официальный сайт НПО «Простор». URL: <http://npo-prostor.ru/products/hydraulic-tools/yermak/perekusyvatel-pedaley-prg-631/?ysclid=lb62innwh3610673521> (дата обращения: 12.12.2022).

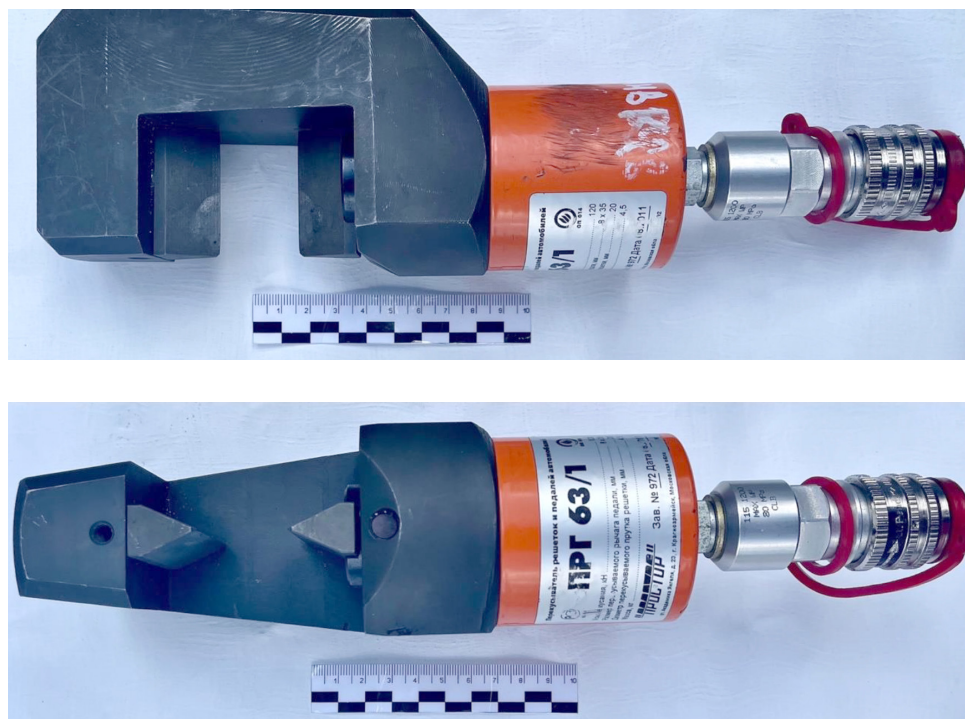

Рис. 2. Перекусыватель педалей ПРГ-63/1

Для создания высокого давления в оборудовании могут применяться как гидравлические станции, работающие на бензиновых или электрических двигателях, так и ручные насосы.

В целях установления закономерностей слеодообразования и выявления признаков воздействия данного вида инструмента проводился экспертный эксперимент, в ходе которого осуществлялось отрывание либо перекусывание наружных петель диаметром 12, 22 и 30 мм, которые были установлены сваркой плавлением на стальных дверных блоках. Гидравлический инструмент через быстроразъемное соединение подключался к ручному насосу и помещался на петли. Отрыватель петель ОПС-80Х устанавливался технологическим углублением в неподвижной лапке на верхнюю половину петли, подвижная лапка упиралась при этом в нижнюю (рис. 3а). Перекусыватель педалей ПРГ-63/1 размещался таким образом, что подвижный и неподвижный ножи находились на стыке верхней и нижней половин петли (рис. 3б).

Далее, при помощи ручного насоса в полость инструмента подавалось гидравлическое масло (время нагнетания жидкости ручным насосом составляло порядка одной минуты), при этом его рабочая часть, перемещаясь, воздействовала на петлю вплоть до ее разрушения. При сбросе давления в системе подвижная часть под воздействием возвратной пружины возвращалась в исходное положение.

Принцип действия отрывателя петель ОПС-80Х следующий. При нагнетании рабочего давления в системе подвижная лапка начинает перемещаться из корпуса инструмента, упираясь в нижнюю часть петли, одновременно неподвижная лапка давит с противоположной стороны на верхнюю часть петли. Под воздействием неподвижной лапки приваренная к дверному полотну верхняя часть петли деформируется и перемещается вверх, при этом открывается ось петли. Подвижная и неподвижная лапки упрутся в ось и при дальнейшем увеличении давления внедряются в нее, до момента, пока приложенное усилие не превысит прочность на сдвиг, после чего петля разрушается. При этом в большинстве случаев происходит отскакивание отделившейся части оси на расстояние от одного до трех метров. Время, затраченное на разрушение, составило: для петель диаметром 12 мм – 7–8 с, 22 мм – 12–13 с, 30 мм – разрушить не получилось.

Рис. 3. Размещение гидравлического инструмента на петлях дверей в момент перекусывания:
а – отрыватель петель ОПС-80Х, б – перекусыватель педалей ПРГ-63/1

При нагнетании рабочего давления в системе перекусывателя педалей ПРГ-63/1 шток-поршень с подвижным ножом выдвигается и попадает в зазор между верхней и нижней частями петли и внедряется в ось, куда с противоположной стороны проникает неподвижный нож. Оба ножа перемещаются во встречном направлении до момента, пока не перекусят ось петли. Время, затраченное на перекусывание, составляет: для петель диаметром 12 мм – 8–9 с, 22 мм – 14–15 с, 30 мм – 22–23 с.

В процессе воздействия каждый из гидравлических инструментов образовывал следы, которые можно разделить на основные и дополнительные. Дополнительные (сопутствующие) следы преимущественно были оставлены на близлежащих объектах и представляли собой:

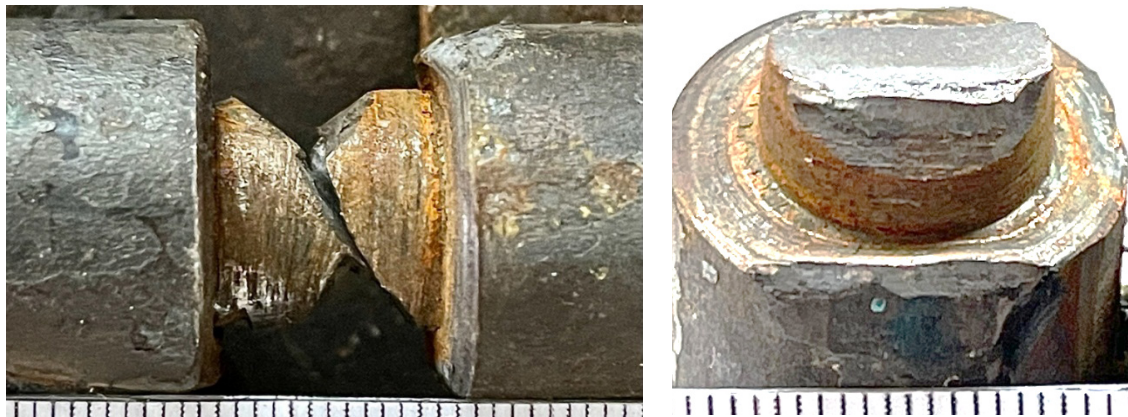
- статические следы давления от основания ручного насоса на грунте;
- пятна гидравлического масла на грунте;
- лакокрасочные частицы на близлежащих объектах (дверном блоке, грунте), отделившиеся от окрашенных частей гидравлического инструмента.

Также при воздействии ОПС-80Х отделившаяся часть оси в момент отскакивания может оставлять следы на петле, дверном блоке, стене, грунте.

К основным относятся следы, образованные инструментом непосредственно на преграде (петле и дверном блоке). При этом на дверном блоке вблизи от петли остаются многочисленные потертости и незначительные задиры.

Рабочая часть ОПС-80Х на петлях образует следы, состоящие из участков статических и динамических отображений наружных поверхностей неподвижной и подвижной лапок, а также поверхностей излома в средней части.

Статические следы (рис. 4) оставляют подвижная и неподвижная лапки на поверхности петли ближе к центру, на оси. Последние являются конформными по отношению к рабочей кромке лапки, его оставившей. В них видны сдвиги металла, а также выступы и углубления (рис. 5).

а б
Рис. 4. След давления на поверхности петли диаметром 22 мм, образованный отрывателем петель ОПС-80Х:
а – вид сбоку, б – вид спереди

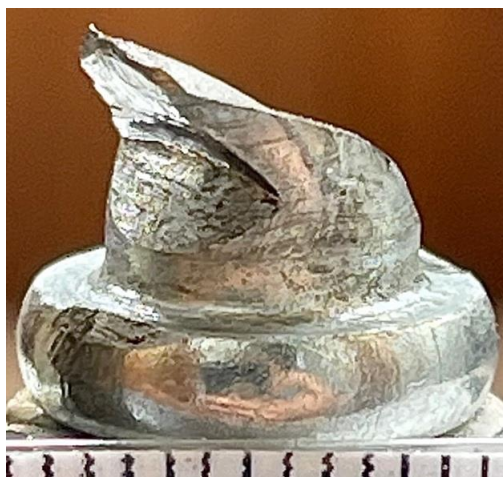

Рис. 5. След давления на оси петли диаметром 12 мм, образованный отрывателем петель ОПС-80Х

Рис. 6. След перекуса на оси петли диаметром 12 мм, образованный отрывателем петель ОПС-80Х

Динамические следы в виде трасс (валиков и бороздок) оставляют подвижная и неподвижная лапки как на оси петли, так и на ее поверхности ближе к центру (рис. 6).

Поверхность излома в средней части петли представляет собой образованные в процессе разрушения оси неровности микрорельефа (рис. 7).

Рис. 7. Поверхность излома оси петли диаметром 22 мм, разрушенной отрывателем петель ОПС-80Х

Рабочая часть ПРГ-63/1 на петлях образует следы, состоящие из участков динамических отображений наружных поверхностей неподвижного и подвижного ножей, а также поверхностей излома в средней части. Углы между поверхностями, образованными ножами ПРГ-63/1, составляли порядка 120 градусов (рис. 8).

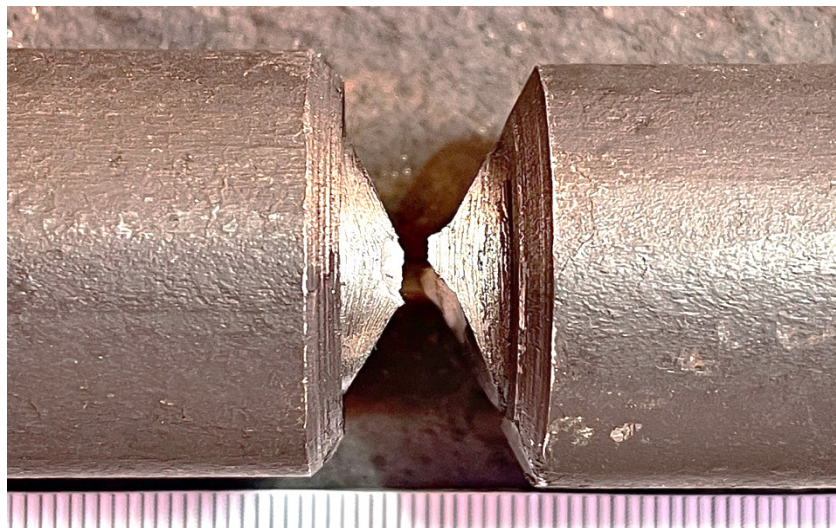

Рис. 8. След перекуса петли диаметром 30 мм, образованный перекусывателем педалей ПРГ-63/1

Динамические следы в виде трасс (валиков и бороздок) оставляют подвижный и неподвижный ножи как на оси петли, так и на ее поверхности ближе к центру (рис. 9).

Поверхность излома в средней части петли представляет собой образованные в процессе разрушения оси неровности микрорельефа (рис. 10). Ее ширина составляет: на петлях диаметром 12 мм – 2,5–3 мм, 22 мм – 4,5–5 мм, 30 мм – 5–5,5 мм.

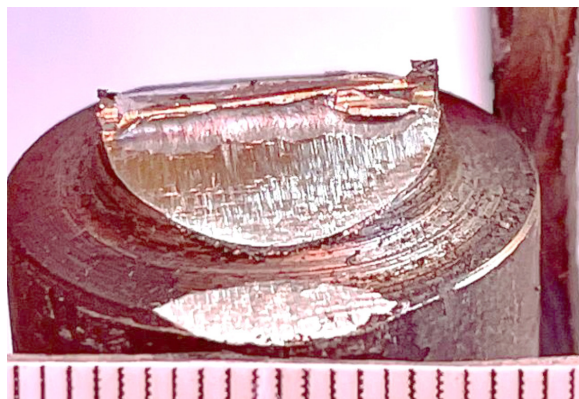

Рис. 9. След перекуса на нижней части петли диаметром 22 мм, образованный перекусывателем педалей ПРГ-63/1

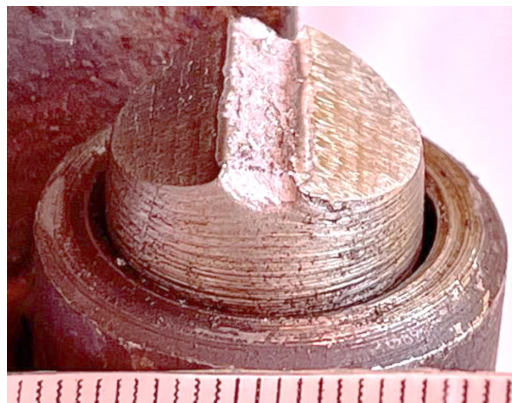

Рис. 10. Поверхность излома оси петли диаметром 22 мм, разрушенной перекусывателем педалей ПРГ-63/1

При микроскопическом исследовании статических и динамических следов на дверных петлях установлено, что в большинстве случаев они пригодны для идентификации гидравлического инструмента, их оставившего. Так, например, в динамических следах перекусывателя педалей ПРГ-63/1 отобразились особенности микрорельефа рабочих частей, что позволяет произвести его идентификацию (рис. 11).

Рис. 11. Совмещение динамических следов, образованных перекусывателем педалей ПРГ-63/1, на стальных петлях

Таким образом, при взломе установленной на наружные петли металлической двери с помощью специализированного либо универсального гидравлического инструмента образуются основные и дополнительные следы. При этом следует отметить, что основные следы образуются на дверном блоке, а дополнительные – преимущественно на окружающей вещной обстановке. При изучении следов гидравлического инструмента на месте происшествия, имея информацию о времени, требующемся на разрушение отдельной петли определенного диаметра, можно определить время, потраченное на устранение всей преграды. Если на исследование помимо следов предоставлен сам инструмент, то возможно проведение его идентификации.

Список источников

1. Криминалистическое исследование следов орудий взлома, образованных гидравлическим инструментом: учеб.-метод. пособие / Г.И. Курин [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2017. – 51 с.
2. Курин Г.И. [и др.]. Криминалистическое исследование следов перерезания, образованных гидравлическим оборудованием на металлических преградах // Судебная экспертиза. 2013. Вып. 2(34).
3. Курин Г.И. [и др.]. Особенности следов орудий взлома, образованных гидравлическим комбинированным инструментом Holmatro CT4150 // Судебная экспертиза. 2013. Вып. 3(35).

Информация об авторах

Д. А. Донцов – кандидат технических наук, доцент, заместитель начальника кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России;

Е. С. Дубровских – эксперт межрайонного отдела № 2 ЭКЦ УМВД России по Курганской области

Information about the authors

D. Yu. Dontsov – kandidat nauk, degree in Technic, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia;

E. S. Dubrovskih – Expert

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 14.01.2023; принята к публикации 26.01.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 14.01.2023; accepted for publication 26.01.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 107–114.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; № 1(62):107–114.

Научная статья

УДК 343.98

ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ЧЕЛОВЕКА, ОТОБРАЗИВШИХСЯ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ИМ РУЧНЫХ ШВЕЙНЫХ ШВОВ

Евгений Владимирович Китаев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

kitaevy@mail.ru

Аннотация. В настоящее время в криминалистике и судебной экспертизе вопросы исследования функционально-динамического комплекса человека поднимаются крайне редко. Это приводит к тому, что при осмотре места происшествия практически не обращается внимания на следы проявления функционально-динамического комплекса как источник значимой криминалистической информации. В статье представлен анализ функционально-динамических комплексов различных категорий людей на примере выполнения ими ручных швейных швов. Прослежена морфология следовой картины по выполненным ручным строчкам и стежкам, сгруппирована совокупность признаков по половой принадлежности, по ведущей руке, по навыку владения иглой. Результаты проведенного исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при решении диагностических задач по установлению исполнителя ручных швейных швов.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, трасология, функциональные признаки человека, следы человека, ручные швейный шов, стежок, швейная строчка.

Для цитирования: Китаев Е. В. Исследование функциональных признаков человека, отобразившихся при выполнении им ручных швейных швов // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 107–114.

Original article

THE STUDY OF THE FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF A PERSON DISPLAYED WHEN PERFORMING MANUAL SEWING STITCHES

Evgeniy V. Kitaev

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd

kitaevy@mail.ru

Abstract. Currently, in criminology and forensic examination, the issues of the study of the functional-dynamic complex of a person are raised extremely rarely. This leads to the fact that when examining the scene of the incident, almost no attention is paid to the traces of the manifestation of the functional-dynamic complex as a source of significant forensic information.

The article presents an analysis of functional and dynamic complexes of various categories of people was carried out on the example of their manual sewing stitches. The morphology of the trace pattern was traced by hand stitches and stitches, the set of signs was grouped by gender, leading hand, needle skill. The results of the conducted research can be used by practitioners of the expert divisions of the internal affairs bodies of the Russian Federation in solving diagnostic tasks to establish the performer of manual sewing seams.

© Китаев Е. В., 2023

Keywords: trace evidence examination, traceology, functional signs of a person, traces of a person, manual sewing seam, sewing stitch.

For citation: Kitaev E. V. The study of the functional characteristics of a person displayed when performing manual sewing stitches // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):107–114.

Одной из первостепенных задач в рамках расследования преступного деяния является определение индивидуальных особенностей преступника. Благодаря анализу этих данных можно сделать выводы о виде и способе преступления, а иногда и о его мотиве. В криминалистической практике чаще всего для установления личности преступника используются сведения о физических или анатомических особенностях человека (строение кожного покрова, черты внешности и др.), которые, обладая индивидуальностью, практически остаются неизменными. Вместе с тем в течение жизни человек развивается как личность, обретает знания и умения как в повседневности, так и в своей профессиональной деятельности, приобретая при этом навыки и привычки. Эти навыки и привычки являются отражением функционально-динамического комплекса (ФДК) человека, который наряду с индивидуальными анатомическими особенностями выделяет его среди других индивидов.

Одним из основных динамических выражений человека является его походка. В течение жизни у каждого человека формируется индивидуальная походка, созданная при помощи нервно-мышечного автоматизма в связи с постоянным контролем нервной системы, путем образования устойчивых рефлекторных связей. Особенности походки зависят от таких факторов, как возраст, пол, патологии опорно-двигательного аппарата, физическое состояние, одежда, обувь, наличие переносимых предметов и др. [1, с. 56]. Индивидуальность людей, употребляющих табачные изделия, можно выявить по оставленным следам на окурках. Манера курения индивидуальна и строится на протяжении долгого времени, из-за чего подвергается определенной систематизации [2]. Функциональные признаки человека также проявляются в его почерке, в умении завязывания определенных узлов, выполнении ручных швейных швов и др.

Однако в настоящее время в криминалистике и судебной экспертизе вопросы исследования функционально-динамического комплекса человека поднимаются крайне редко. Связно это с отсутствием единой трактовки самих понятий навыка и привычки, а также неопределенности методов экспертного исследования данных качеств личности, недостаточной изученности механизмов проявления и влияния ФДК на развитие и результаты преступной деятельности. Анализ криминалистической литературы показал, что в настоящее время изучение функциональных признаков человека остается достаточно специфической отраслью научного исследования.

Все это приводит к тому, что оперативно-следственная группа при осмотре места происшествия практически не обращает внимания на следы проявления ФДК как источник значимой криминалистической информации о преступнике. Можно отметить лишь попытки анализа дорожки следов ног и обуви человека для установления его примерного роста и особенностей передвижения. Остальные навыки, кратко упомянутые в трасологической литературе (умение завязывания определенных узлов, манера курения, выполнение ручных швейных швов) практически не используются при раскрытии и расследовании преступлений.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость более тщательного исследования возможностей отображения функциональных признаков человека при выполнении им определенных действий, в частности ручных швейных швов. Например, в проведенном на базе Волгоградской академии МВД России исследовании была рассмотрена и оценена возможность решения таких вопросов, как: «Устойчивы ли признаки отображения функционально-динамического комплекса человека в выполнении им ручных швейных швов?», «Можно ли на примере выполнения ручных швейных швов выявить индивидуальные особенности исполнителя?», «Можно ли составить первичный портрет человека по выполненным ручным швейным швам?».

В зависимости от техники выполнения и специфики применяемого инструментария швы делят на две группы: ручные и механические. В рамках проведенного исследования рассматривались только ручные швы. Ручной шов – соединение нескольких (чаще всего двух) слоев ткани (или другого материала) одним или несколькими рядами повторяющихся в одной строчке однотипных стежков. Ручные швы используются как для временного назначения – соединения деталей изделий, так и в качестве постоянных – для отделки швейных изделий, обработки срезов, соединения деталей изделий, пришивании швейной фурнитуры и т. д.

Стежок – повторяющийся элемент ниточной строчки, который располагается между двумя соседними проколами иглы. Стежок представляет собой законченное переплетение ниток в материале. В зависимости от расположения ручных стежков на ткани их разделяют на прямые, косые, крестообразные, петлеобразные, петельные, специальные.

Строчка – ряд последовательных стежков. Стежок и строчка вместе образуют сам шов. Составленные из стежков строчки делят по назначению*.

Наименование видов стежков и строчек

Ручные стежки	Строчки
Прямые	Сметочная
	Заметочная
	Выметочная
	Наметочная
	Копировальная
	Для образования сборок
Косые	Наметочная
	Выметочная
	Обметочная
	Стегальная
	Штуковочная
	Подшивочная
Крестообразные	Подшивочная
	Отделочная
Петлеобразные	Стачная
	Разметочная
	Подшивочная
	Вспушная
	Копировальная
	Для закрепления швов
Петельные	Для обметывания петель
	Для обметывания срезов
Специальные	Для пришивания пуговиц, крючков
	Для выполнения закрепок

При изучении вопроса о наиболее используемых видах ручных стежков и строчек был проведен опрос 50 человек, среди которых были как те, чья профессия связана с постоянным использованием швейного навыка, так и использующие данное умение только в быту. Результат опроса показал, что наиболее популярными для исполнения являются: сметочная строчка, заметочная строчка, выметочная строчка, наметочная строчка – прямыми стежками; штуковочная строчка, подшивочная строчка – косыми стежками; подшивочная строчка – крестообразными стежками; стачная строчка, разметочная строчка – петлеобразными стежками (в таблице выделены цветом).

* Виды ручных швов и применение // Школа шитья Анастасии Корфиати. URL: <https://korfiati.ru/2017/01/ruchnyie-shvi/> (дата обращения: 15.10.2022).

Для проведения экспериментального исследования были выбраны в качестве испытуемых мужчины и женщины разных возрастных категорий, различных навыков владения иглой, с разной преобладающей рукой исполнения. Количество испытуемых составило 100 человек. Все они были разделены по полу (50 женщин и 50 мужчин), по возрасту (три группы: до 25 лет – 60 человек, от 25 до 45 лет – 23 человека и от 45 лет и старше – 17 человек), по преобладающей руке (правши – 63 человека, левши – 37 человек), а также по навыку владения иглой (полное отсутствие навыка – 31 человек, опыт владения иглой на уровне бытового – 47 человек, профессиональная деятельность связана с постоянным использованием швейного навыка – 22 человека).

Исполнение ручных швов зависит не только от уровня развития навыка, возраста, пола, но и наличия проблем с физическим и психическим здоровьем. Поэтому в специально разработанной анкете (рис. 1) наряду с указанными данными испытуемые отмечали наличие или отсутствие у них заболеваний, влияющих на двигательные навыки и координацию движений рук.

Каждому участнику эксперимента были выданы фрагменты белой хлопчатобумажной ткани, черные нитки и швейная иглолка. По предложенным фото- и видеоматериалам, подготовленным специально в качестве подробной инструкции, испытуемые выполняли строчки на предложенных фрагментах ткани.

Анкета	
1.	Пол (жен/муж)
2.	Возраст _____
3.	Правша/левша
4.	Опыт выполнения швейных изделий (отсутствует/бытовой/профессиональный)
5.	Наличие болезней, ухудшающих моторику рук: <ul style="list-style-type: none"> • Врожденные: дефект кистей, системная красная волчанка, синдром тремора/атаксии, ДЦП, аутизм, спиноцеребеллярная атаксия, атаксия Фридрейха • Приобретенные: инсульт, болезнь Паркинсона, суставные болезни (остеоартрит, ревматоидный артрит, псориатический артрит и др.), нарушение (частичная потеря) зрения, СДВ, алкоголизм, опухоль, сахарный диабет • Полученные в результате травм: переломы верхнего плечевого пояса, сотрясение мозга, частичная (или полная) утрата кистей рук

Рис. 1. Анкета участников исследования

Результаты, полученные при исследовании выполненных строчек и стежков, оценивались по следующим критериям:

- правильность исполнения в соответствии с образцом;
- количество нитей, используемых для выполнения строчки;
- направление движения стежка;
- с какой стороны фрагмента ткани начинается строчка;
- на какой стороне фрагмента ткани заканчивается строчка;
- форма линии строчки;
- направление линии строчки относительно горизонтальных срезов фрагмента ткани;

- размещение начала строчки относительно горизонтального и вертикального срезов ткани;
- размещение окончания строчки относительно горизонтального и вертикального срезов ткани;
- преобладающее направление стежка на лицевой стороне фрагмента ткани относительно горизонтального среза;
- преобладающее направление стежка на оборотной стороне фрагмента ткани относительно горизонтального среза;
- преобладающая протяженность стежка по горизонтали;
- преобладающая протяженность интервала между стежками по горизонтали.

Результаты, полученные при исследовании строчек и стежков, выполненных каждым участником, заносились в отдельные таблицы, данные из которых обобщались и подвергались анализу. В результате проведенных экспериментальных исследований были выявлены закономерности в исполнении швейных швов людьми определенных категорий.

Установлено, что женщины чаще всего шьют в одну нитку, их швы аккуратны и ровны, большинство с легкостью справляются со сложными вариантами строчек, направление строчек относительно горизонтальных срезов ткани – параллельное либо опускающееся, средняя протяженность стежка равна интервалу между ними, а сами стежки равны между собой (рис. 2а). При выполнении заметочной, выметочной строчек подгиб ткани выполняют в соответствии с примерами, показанными в фото- и видеоматериалах. Фрагменты ткани, подлежащие наметке к основному полотну, расположены посередине, на равных расстояниях от его краев (рис. 3а). При выполнении штукочной и подшивочной строчек расстояние между косыми стежками и степень их наклона в основном сохраняются (рис. 4а). В стачной и разметочной строчках стежки преимущественно образуют прямую линию (рис. 5а).

Мужчины чаще всего шьют в две нитки, строчки имеют извилистую форму, направление относительно горизонтального среза фрагмента ткани от опускающегося до поднимающегося, стежки в строчках также имеют разное направление и выполняются размахисто. Стежки в строчках практически всегда не равны между собой, а интервал между ними, как правило, больше на несколько миллиметров, чем у женщин (рис. 2б). При выполнении заметочной, выметочной строчек подгиб ткани выполнен небрежно, срезы фрагментов ткани при наложении друг на друга находятся на разных уровнях. Фрагмент ткани при его наметке к основному полотну пришит в основном со смещением от центра, строчками в две нитки, с опускающимся направлением стежков относительно горизонтального среза (рис. 3б). При выполнении штукочной и подшивочной строчек расстояние между косыми стежками и степень их наклона имеют значительную вариабельность (рис. 4б). Форма стачной и разметочной строчек – ломаная или извилистая, стежки имеют разное направление – от опускающегося до поднимающегося (рис. 5б).

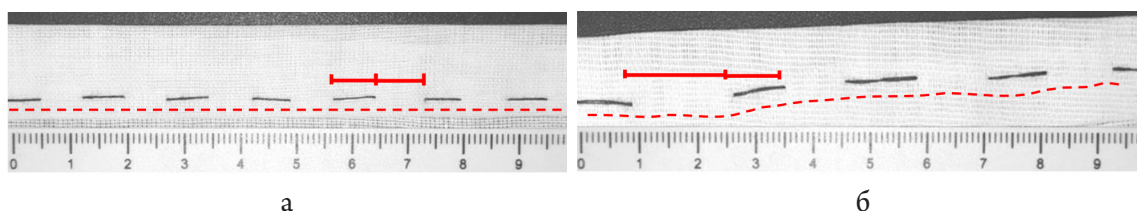

Рис. 2. Примеры заметочных строчек прямыми стежками, выполненных:
а – женщиной, б – мужчиной

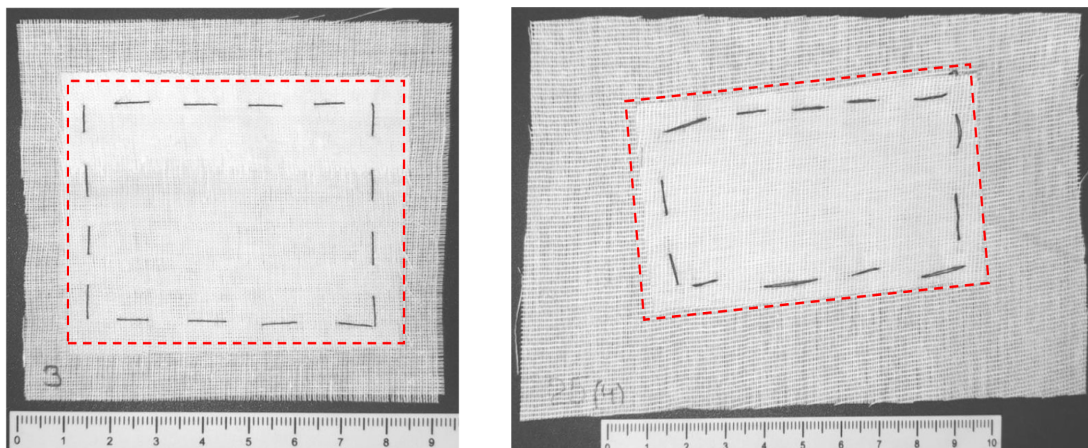

Рис. 3. Примеры наметочных строчек прямыми стежками, выполненных:
а – женщиной, б – мужчиной

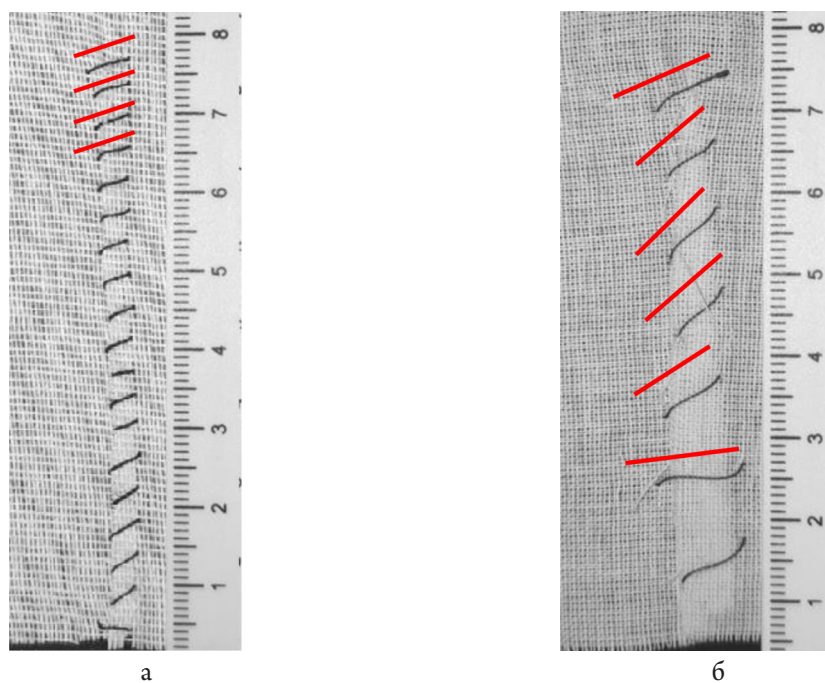

Рис. 4. Примеры штукочных строчек косыми стежками, выполненных:
а – женщиной, б – мужчиной

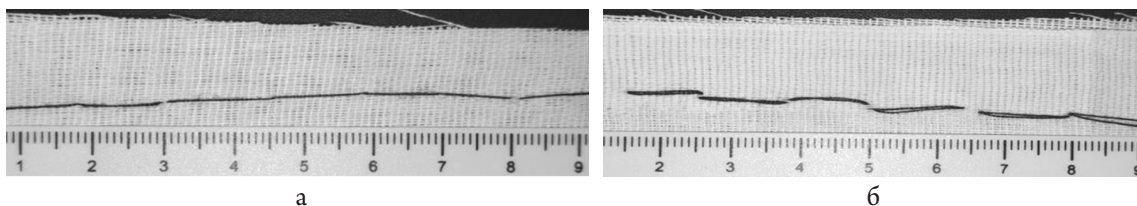

Рис. 5. Примеры стачных строчек петлеобразными стежками, выполненных:
а – женщиной, б – мужчиной

Дифференцировать исполнителей по возрастным категориям, а также по наличию нарушающих моторику болезней не представилось возможным в связи с большой вариационностью признаков, проявившихся в образцах.

Исполнители с разной ведущей рукой выбирают противоположные направления для выполнения строчек. Левши в основном формируют шов слева направо, правши – справа налево (рис. 6, 7).

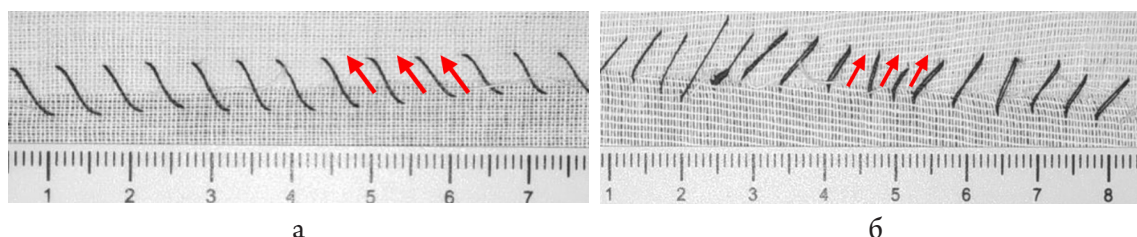

Рис. 6. Примеры подшивочных строчек косыми стежками, выполненных: а – правой, б – левой. Стрелками отмечено направление стежков

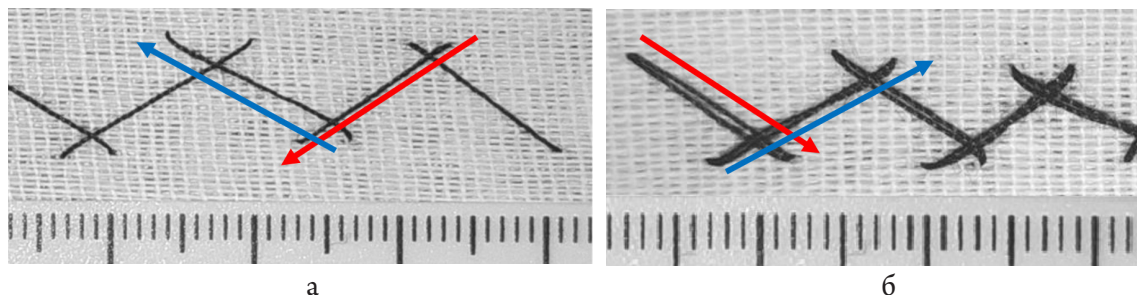

Рис. 7. Примеры подшивочных строчек крестообразными стежками, выполненных: а – правой, б – левой. Стрелками отмечено направление стежков

Участники с отсутствием и бытовым опытом в создании швов имеют схожие признаки выполнения строчек, в обеих группах встречаются строчки с нарушением выполнения, перед началом стежка нить предварительно завязывается в узелок. Также в образцах встречаются строчки, различные по форме: прямолинейные, выгнутые либо извилистые, направление линии строчки и стежков относительно горизонтального среза фрагмента ткани варьируется от поднимающегося до опускающегося. Стежки в строчках имеют разную длину и разные интервалы между ними.

Участники, использующие навык шитья на профессиональном уровне, выполняют строчки прямолинейно, стежки однообразные. Положение строчки и стежков относительно горизонтального среза фрагмента ткани ровное, средняя протяженность стежков больше интервалов между ними. Итоговый вид строчек соответствует примеру в фото- и видеообразцах. Закрепление нитки в начале строчки происходит за счет дополнительного петлевого стежка (рис. 8, 9).

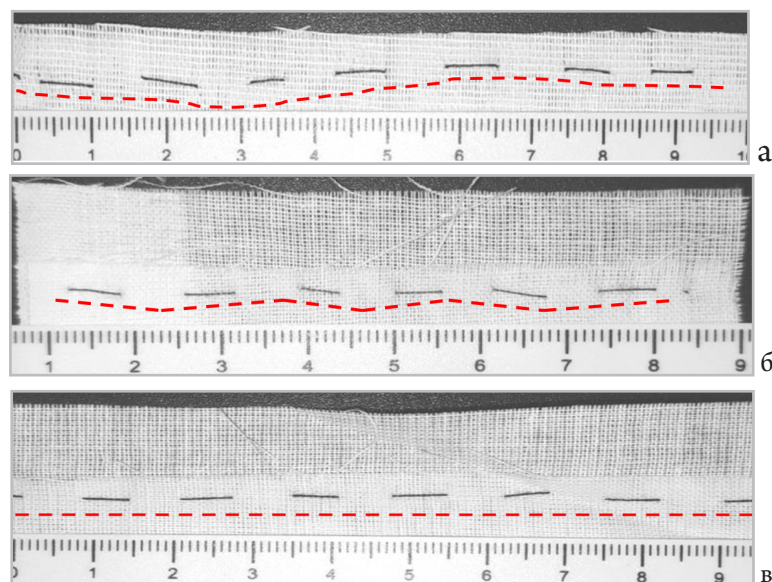

Рис. 8. Примеры сметочных строчек прямыми стежками, выполненных исполнителями: а – с отсутствием швейного навыка, б – с бытовым уровнем швейного навыка, в – с профессионально развитым швейным навыком

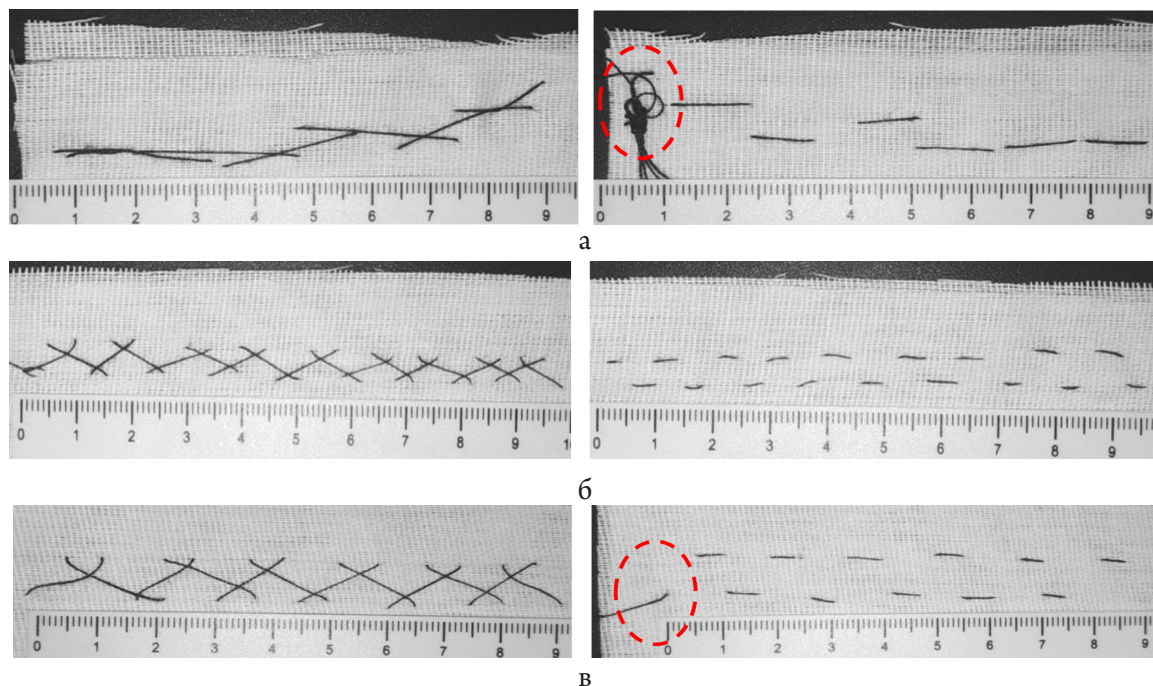

Рис. 9. Примеры подшивочных строчек крестообразными стежками (лицевая и оборотная стороны), выполненных исполнителями:
а – с отсутствием швейного навыка, б – с бытовым уровнем швейного навыка,
в – с профессионально развитым швейным навыком.
Наличие или отсутствие узелка на нитях отмечено пунктиром

Таким образом, в ходе исследования был проведен анализ функционально-динамических комплексов различных категорий людей на примере выполнения ими ручных швейных швов. Прослежена морфология следовой картины по выполненным ручным строчкам и стежкам, сгруппирована совокупность признаков по половой принадлежности, ведущей руке, навыку владения иглой. Результаты проведенного исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при решении диагностических задач по установлению исполнителя ручных швейных швов.

Список источников

1. Булгаков В. Г. Методические основы криминалистической идентификации и диагностики человека по его динамическим признакам: монография / под ред. А. М. Зинина. М.: Юрлитинформ, 2014. – 143 с.
2. Китаев Е. В., Тумашова Е. И. Исследование функциональных признаков человека, отображающихся на окурках сигарет // Судебная экспертиза. 2021. № 1 (65). С. 62–73.

Информация об авторе

Е. В. Китаев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

Information about the author

E. V. Kitaev – kandidat nauk, degree in Law, associate professor, associate professor of the Department of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 06.12.2022; accepted for publication 06.12.2022.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 115–121.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; № 1 (62):115–121.

Научная статья

УДК 343.98

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОРОЖЕК СЛЕДОВ ОБУВИ ЛЮДЕЙ, ПЕРЕНЕСШИХ НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ПРОТЕЗИРОВАНИЯ НОГ

Александр Владимирович Краинский

Волгоградская академия МВД России, Волгоград

krainskii.a@mail.ru

Аннотация. Следы обуви несут в себе информацию не только об обстоятельствах преступления, но и могут указать на характерные признаки лица, оставившего их.

Автором были изучены особенности некоторых видов протезирования и эндопротезирования нижних конечностей, влияющих на походку человека. Установлена зависимость элементов дорожки следов обуви от наличия протезов бедра и эндопротезов тазобедренного сустава. При этом доказана возможность определения наличия протезов по отобразившимся особенностям. Исследование показало, что отображение признаков зависит не только от вида протезирования, но и от разновидностей протеза, степени тяжести заболевания или ампутации. Возможность установления такой особенности человека, как наличие у него протеза нижней конечности, сузило бы круг подозреваемых в совершении преступления.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, функциональные признаки человека, следы человека, следы обуви, походка человека, протезирование, эндопротезирование

Для цитирования: Краинский А. В. Исследование дорожек следов обуви людей, перенесших некоторые виды протезирования ног // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 115–121.

Original article

INVESTIGATION OF SHOE TRACKS OF PEOPLE WHO HAVE UNDERGONE SOME TYPES OF PROSTHETICS OF LEGS

Alexander V. Krainskii

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd

krainskii.a@mail.ru

Abstract. Footprints carry information not only about the circumstances of the crime, but can also indicate the characteristic features of the person who left them.

Within the framework of this work, the features of some types of prosthetics and arthroplasty of the lower extremities that affect the human gait were studied. The dependence of the elements of the path of footprints on the presence of hip prostheses and hip joint endoprostheses has been established. At the same time, the possibility of determining the presence of prostheses by the displayed features was proved. The study showed that the display of signs depends not only on the type of prosthetics, but also on the types of prosthesis, the severity of the disease or amputation.

The possibility of establishing such a feature of a person as the presence of lower limb prosthesis would narrow the circle of suspects in the commission of a crime.

© Краинский А. В., 2023

Keywords: tracological examination, functional signs of a person, shoe marks, human gait, prosthetics, endoprosthesis

For citation: Krainskii A. V. Investigation of shoe tracks of people who have undergone some types of prosthetics of legs // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):115–121.

Криминалистическая экспертиза на всех этапах своего существования получала непрерывное развитие как в плане применения новых технических подходов к объектам исследования, так и в появлении своих дополнительных видов. В полной мере это касается и самой «традиционной» из всех криминалистических экспертиз – трасологической. В XX в. ее объектами стали не только следы человека, но и повреждения на одежде, следы орудий взлома, транспортных средств, производственных механизмов, причем перечень объектов исследования постоянно пополнялся новыми разновидностями. При этом процесс совершенствования методических подходов по-прежнему затрагивает и самые распространенные исследования – например, трасологическую экспертизу следов ног и обуви.

При обнаружении подобных объектов на месте происшествия, специалист чаще всего наибольшее внимание уделяет единичным следам как носителям признаков слеодообразующего объекта, с «прицелом» на проведение в последующем их экспертизы. Однако при этом нельзя недооценивать информативность и дорожки следов. Следы обуви несут в себе информацию не только об обстоятельствах преступления, но и могут указать на характерные признаки лица, оставившего их. В настоящее время разработаны методики определения по следам человека с различной степенью достоверности его пола, возраста, роста, веса, профессии, также наличия специальной спортивной подготовки. В криминалистической литературе упоминается о возможности диагностики по дорожке следов обуви и аномалий опорно-двигательного аппарата, однако степень научной проработки данных вопросов остается крайне низкой.

Дорожка следов ног и обуви отражает более подробную и значимую информацию, которая может помочь в работе следственно-оперативной группы по установлению «портрета» преступника, определению последовательности его действий и последующему розыску по горячим следам. Однако многие критически относятся к информации, полученной с помощью групповых следов ног. Поэтому чаще специалисты-криминалисты ограничиваются изъятием отдельного наиболее отчетливо выраженного следа и фиксацией в протоколе результатов отдельных измерений дорожки, по которым определить какую-либо значимую информацию о признаках лица, оставившего следы, практически невозможно.

«Дорожкой следов называется непрерывный ряд следов, оставленных последовательно правой и левой ногой человека. Протяженность дорожки следов может быть различной. Чем она длиннее, тем больше вероятность установления по ней признаков лица. Минимальной (в плане возможности такого исследования) считается дорожка следов, по протяженности соответствующая 7–8 шагам» [1, с. 47].

В дорожке следов человека отображаются как его функциональные признаки, характеризующие походку, так и анатомические признаки ступней ног, проявляющиеся в отдельных следах.

В следах обутых ног возможно лишь с относительной степенью точности установить длину и ширину ступни. Достаточное отображение анатомических признаков возможно лишь в том случае, если следы образованы босыми или одетыми в носки (чулки, колготки) ногами. Чаще всего в подобных следах удается определить форму ступни (плоская, с высоким или средним подъемом), форму краев ступни, измерить ее отдельные элементы (общая длина, ширина свода, плюсны и пятки).

Дорожка следов в основном содержит отображение функциональных признаков человека, т. е. особенностей его движений при ходьбе или беге.

В дорожках следов можно зафиксировать также такие признаки, как наличие переката стопы при ходьбе, распределение тяжести тела (равномерное, лево- и правостороннее),

наличие или отсутствие ведущего шага (один шаг длиннее другого), манера постановки стоп (наибольшее усилие может приходиться на пяточную часть, плюсну, внутренний или внешний край стоп).

Исследуя перечисленные признаки в дорожке следов ног и обуви, можно выдвинуть версии о характерных особенностях человека, оставившего следы. Ориентировочной оценке подлежат пол и возраст человека, его рост, состояние (по неустойчивым элементам походки), направление и способ движения, профессиональные признаки походки, наличие переносимого груза, наличие дополнительных опор (костыли, трость).

Если на месте происшествия имеется возможность установить факторы, влияющие на походку человека, то это значительно упрощает задачу поиска подозреваемого в совершении преступления. Из всех людей только каждый двадцатый имеет выраженные особенности походки, связанные с различными нарушениями функций организма. Возможности установления вида заболевания или травмы, влияющей на функционирование опорно-двигательного аппарата человека, еще больше сузило бы круг поиска причастных к преступлению лиц.

Изучение соотношения показателей различных элементов дорожки следов ног не дает оснований для категорических выводов. Многие отклонения походки, связанные с болезнью, недостаточно изучены; количественные характеристики и соотношения признаков походки при разных заболеваниях близки. Тем не менее, учитывать подобные показатели дорожки необходимо, особенно при ярко выраженной патологии.

Исследования, связанные с установлением особенностей походки человека в зависимости от заболеваний, влияющих на функционирование опорно-двигательного аппарата, уже проводились [2]. В свою очередь, нами было изучено влияние некоторых видов протезирования нижних конечностей на походку человека и, соответственно, на отображение ее признаков в дорожке следов. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

Протезирование – замена утраченных или необратимо поврежденных частей тела искусственными заменителями – протезами. В данном исследовании рассматривалось только протезирование ног.

Вид протезирования зависит от степени ампутации, в соответствии с этим используются различные конструкции и методики крепежа. Различают бионические, механические и косметические протезы* [4]. Движение бионических протезов обеспечивается связью специальных сенсоров с импульсами мышц, расположенных в области коленных и голеностопных суставов. Механические – это протезы, управляемые лишь физическими усилиями человека, подобные протезы оказывают существенную нагрузку на позвоночник, что приводит к изменениям в движениях. Косметические протезы улучшают лишь внешний вид конечностей (рис. 1).

Рис. 1. Разновидности протезов ног

* URL: <http://www.вокабула.рф/энциклопедии/медицинская-энциклопедия/протезирование> (дата обращения: 20.08.2022).

По функциональности выделяют рабочие, пассивные и активные протезы. Рабочие протезы – это муляж, используемый в эстетических целях. Пассивные протезы в основном служат для опоры поврежденной конечности. Активные – способны двигаться, имитируя движения здоровой ноги*.

Протезы изготавливаются отдельно для пальцев, для стопы, для голени или для бедра – все зависит от тяжести ампутации ноги человека.

Различают модульные и каркасные протезы. Каркасные обладают весьма ограниченным функционалом и служат, в основном, для опоры ноги. Подобные протезы не способны выполнять функции сустава.

Модуль – специальная система, при которой в устройство устанавливают шарниры, выполняющие функции сустава. В более простых моделях амортизация и движение происходит при помощи пружины, а в сложных – при помощи микропроцессора. Таким образом, бионические протезы являются разновидностью модульных. В состав протеза может быть включено до трех модулей, позволяющих человеку с подобным протезом не чувствовать дискомфорта при передвижении.

Изготовление сложных современных моделей занимает продолжительное время – зачастую более месяца. За это время мускулатура ног ослабевает, и человек сталкивается со значительными трудностями в привыкании к протезу, вплоть до формирования патологической ходьбы. Человек может прихрамывать или значительно хромать, раскачивать тело определенным образом при каждом шаге или осуществлять избыточные компенсаторные движения туловищем, т. е. происходит потеря стереотипа ходьбы в результате наступивших осложнений.

Проявление дефицита функций различных мышц ног людей зависит от уровня ампутации нижней конечности. Так, при ходьбе на протезе бедра проявляется недостаточность функции большой и средней ягодичных мышц, задней и передней групп мышц бедра. Дефицит функций ягодичных мышц выражается при ходьбе в виде следующих легко наблюдаемых признаков: раскачивание туловища относительно сагиттальной и фронтальной плоскостей, снижение устойчивости протезированной конечности, малый угол разгибания в тазобедренном суставе, асимметрия движений в сочленениях обеих ног, ослабление опорной и толчковой функций протезированной конечности.

Эндопротезирование (замена) суставов – операция по замене компонентов сустава имплантатами, которые имеют анатомическую форму здорового сустава и позволяют выполнять весь объем движений. Эндопротезирование подразумевает частичную или тотальную операцию. В первом случае осуществляется замена лишь изношенных частей сустава, во втором – сустава в целом.

В проводимом нами исследовании участвовали лица с заменой тазобедренного сустава, поэтому остановимся именно на этом виде эндопротезирования.

Современные эндопротезы тазобедренного сустава – сложные технические изделия. Их конструкция повторяет естественное строение сустава и представляет собой круглую головку, вращающуюся внутри искусственной вогнутой впадины. Размер каждого из компонентов подбирается индивидуально.

В экспериментальной части исследования участвовали люди в возрасте от 50 до 75 лет с протезированием бедра и эндопротезом тазобедренного сустава, разного пола и степени реабилитации, более 10 человек в каждой группе. По специально созданной дорожке из песка они проходили от 14 до 18 шагов в зависимости от длины шага. Исследованию подвергались только следы с 10 шага, когда человек уже не так напряжен.

* URL: <https://pro-md.ru/legs/raznoe/protez-nogi/> (дата обращения: 27.08.2022).

При изучении дорожки следов исследовались такие характеристики, как форма и особенности линии направления движения, линии ходьбы и шагов, длина, ширина шагов, угол разворота (постановки) ступни, угол шага левой и правой ноги. Кроме того изучались характер распределения тяжести при ходьбе, характер постановки стоп, наличие переката стопы, «ведущей» ноги. Результаты, полученные при исследовании дорожки следов каждого участника, заносились в специальные таблицы.

Испытуемый № _____ (Ф.И.О., возраст, вид протезирования)					
1.	Линия направления движения	Прямая	2.	Линия ходьбы	Ломаная
3.	Линия правого шага	Слабо ломаная	4.	Линия левого шага	Прямая
5.	Длина шага левой ноги	472 мм 510 мм 540 мм 506 мм 424 мм	6.	Длина шага правой ноги	602 мм 496 мм 532 мм 532 мм 529 мм
7.	Ширина шага левой ноги	127 мм 82 мм 80 мм 87 мм 79 мм	8.	Ширина шага правой ноги	128 мм 75 мм 82 мм 87 мм 69 мм
9.	Угол разворота (постановки) левой ступни	9° 0° 0° 2° 10°	10.	Угол разворота (постановки) правой ступни	19° 18° 19° 15° 13°
11.	Угол левой ноги	158° 169° 155° 152° 150°	12.	Угол правой ноги	160° 154° 158° 160° 160°
13.	Распределение тяжести при ходьбе	На правую ногу	14.	«Ведущая» нога	Нет
15.	Наличие переката левой стопы	Есть	16.	Наличие переката правой стопы	Есть
17.	Характер постановки левой стопы	Углублен по наружному краю	18.	Характер постановки правой стопы	Углублен по наружному краю

При исследовании дорожек следов людей, перенесших эндопротезирование суставов, установлено, что в зависимости от возраста и степени поражения сустава процесс и результат реабилитации будет отличаться. В случае полной реабилитации подвижность сустава и его трудоспособность будут восстановлены. Тогда в дорожке следов можно и не увидеть каких-либо признаков, отличающих человека со здоровым собственным суставом от человека с замененным суставом.

В проведенном эксперименте были исследованы дорожки следов ног как людей с заменой тазобедренного сустава правой ноги, так и с заменой тазобедренного сустава левой ноги. Линия шага ноги с замененным суставом на протяжении почти всей дорожки следов прямая, а линия другого шага отклоняется от прямой. Как в носочной, так и в пяточной части наблюдались динамические элементы в следах обеих ног. Следы ног, где была произведена замена

сустава, оказались более глубокими. При анализе размерных характеристик отображения функциональных признаков походки было установлено: угол разворота (постановки) ступни ноги с эндопротезом в пределах вариационности не изменен, а угол постановки другой ноги может в процессе ходьбы значительно изменяться, в основном в сторону увеличения. Также важным отличительным признаком является то, что угол разворота ступни у человека с эндопротезом выше (рис. 2).

Рис. 2. Отличия в углах разворота левой и правой ступней у человека с эндопротезом в тазобедренном суставе левой ноги

Как и при эндопротезировании, при замене конечности протезом, в зависимости от большого количества условий, возможности передвижения человека будут разными. Нами были исследованы дорожки следов людей с протезами выше колена, где была использована специальная модульная система, при которой в устройство устанавливаются шарниры, выполняющие не только опорную функцию, но и функции сустава. При использовании такого протеза человек может не только сгибать ногу, но и быстро передвигаться и спускаться по лестнице. Однако полное восстановление подвижности и трудоспособности при утрате конечности выше колена все же невозможно. В дорожках следов людей с такими протезами было отмечено следующее: при протезе бедра одной ноги уменьшается длина шага другой ноги (рис. 3). В дорожке следов одного из испытуемых было обнаружено уменьшение длины шагов как правой, так и левой ноги, не характерное для его половозрастной группы. Угол разворота ступни ноги с протезом в пределах некоторой вариационности не изменен, а другой ноги – значительно изменяется в процессе движения. Однако у тех испытуемых, у которых качество реабилитации было на более высоком уровне, угол разворота следов обеих ног изменялся незначительно.

Рис. 3. Отличия в длине левого и правого шагов у человека с протезом выше колена левой ноги

Таким образом, в рамках проведенного экспериментального исследования установлена зависимость признаков элементов дорожки следов обуви от наличия некоторых протезов нижних конечностей тела человека. При этом доказана возможность определения наличия протезов по отобразившимся особенностям. Исследование показало, что отображение признаков зависит не только от вида протезирования, но и от разновидностей протеза, степени тяжести заболевания или ампутации. Результаты проведенного исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел при проведении исследования дорожки следов обуви на наличие аномалий в опорно-двигательной системе человека, оставившего следы, а также в учебном процессе образовательных организаций МВД России при подготовке экспертов-криминалистов.

Список источников

1. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. – 376 с.
2. Китаев Е. В. Исследование дорожек следов обуви людей с заболеваниями, влияющими на их походку // Судебная экспертиза. 2022. № 3 (71). С. 108–117.

Информация об авторе

А. В. Краинский – преподаватель кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

Information about the author

A. V. Krainskii, Lecturer of the Department of Traceology and Ballistics of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistics Activities, Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

Статья поступила в редакцию 05.12.2022; одобрена после рецензирования 06.12.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted 05.12.2022; approved after reviewing 06.12.2022; accepted for publication 06.12.2022. ВcBст

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62).
С. 122–126.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
1(62):122–126.

Научная статья
УДК 343.98

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ АППАРАТНО-ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД» ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ (ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ АСПЕКТ)

Владимир Батоевич Батоев

Научно-производственная организация «Специальная техника и связь» МВД России
vbatoev@mail.ru

Аннотация. В условиях цифровизации общества и развития информационных технологий перед органами правопорядка стоит задача совершенствования методов и средств противодействия преступности. Одним из ключевых аспектов такого совершенствования является необходимость расширения использования систем видеонаблюдения в правоохранительной деятельности. В статье освещаются вопросы использования возможностей правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при решении оперативно-розыскных задач борьбы с преступностью. Автором проанализированы статистические данные использования указанного аппаратно-программного комплекса, свидетельствующие о возрастающей актуальности данного направления деятельности оперативных подразделений. В работе обозначены недостатки в сфере использования правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», которые предлагается рассматривать в качестве направления совершенствования информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности, а также в рамках оптимизации процессов организации такой деятельности.

Ключевые слова: преступность, аппаратно-программный комплекс «Безопасный город», видеонаблюдение, оперативно-розыскная деятельность

Для цитирования: Батоев В. Б. Об использовании аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» при противодействии преступности (оперативно-розыскной аспект) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 122–126.

© Батоев В. Б., 2023

Original article

ABOUT THE USE OF THE HARDWARE AND SOFTWARE COMPLEX “SAFE CITY” IN COUNTERING CRIME (OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ASPECT)

Vladimir B. Batoev

Scientific and Production Association “Special Equipment and Communications” of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

vbatoev@mail.ru

Abstract. In the context of the digitalization of society and the development of information technologies, law enforcement agencies face the task of improving methods and means of countering crime. One of the key aspects of such improvement is the need to expand the use of video surveillance systems in law enforcement. The article highlights the issues of using the capabilities of the law enforcement segment of the hardware and software complex «Safe City» in solving operational investigative tasks of combating crime. The author analyzes the statistical data on the use of the specified hardware and software complex, indicating the increasing relevance of this area of activity of operational units. The paper identifies shortcomings in the use of the law enforcement segment of the hardware and software complex “Safe City”, which are proposed to be considered as a direction for improving the information support of operational investigative activities, as well as in the framework of optimizing the processes of organizing such activities.

Keywords: crime, hardware and software complex “Safe city”, video surveillance, operational investigative activities

For citation: Batoev V. B. About the use of the hardware and software complex “Safe city” in countering crime (operational-investigative aspect) // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1 (62): 122–126.

В условиях тотальной цифровизации практически всех сфер жизнедеятельности российского общества эффективность противодействия преступности фактически зависит от уровня использования современных информационных технологий, технических методов и средств. Во исполнение решений, поставленных перед правоохранительными органами на высшем уровне, особое значение приобрели вопросы создания, внедрения и использования в работе субъектов оперативно-розыскной деятельности современных аппаратно-программных комплексов (далее – АПК) и иных технологических инноваций, одним из которых является АПК «Безопасный город» [1], который, по мнению ряда авторов, не имеет аналогов в мире [2, с. 59].

В рамках построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» помимо решения таких задач, как формирование платформы по устранению рисков для общественного порядка и безопасности, обеспечение информационного обмена между субъектами оперативно-розыскной и правоохранительной деятельности, мониторинг состояния общественной безопасности и др., к числу основных следует отнести задачи по противодействию преступности.

При решении задач борьбы с преступностью в функционале данного АПК ключевое значение имеют системы видеонаблюдения, которые в ряде случаев обеспечивают оперативно-розыскные органы оперативно значимой информацией о преступлениях и административных правонарушениях*.

Об актуальности построения действенной системы видеонаблюдения в АПК «Безопасный город» свидетельствуют финансовые затраты, направленные на закупку, внедрение и эксплуатацию технических средств правоохранительного сегмента [3] (далее – ПС)

* См. более подробно раздел 1 Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 03.12.2014 № 2446-р.

АПК «Безопасный город» в рамках государственных (муниципальных) программ в субъектах Российской Федерации. Так, в 2021 г. выделено 18,4 млрд руб. на развитие систем видеонаблюдения в общественных местах.

Как показывает анализ практики, в данное время на территории РФ в населенных пунктах в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности в общественных местах установлено более 520 тыс. камер видеонаблюдения, из которых около 214 тыс. – в местах массового пребывания граждан.

Об эффективности использования систем видеонаблюдения в АПК «Безопасный город» свидетельствуют статистические данные ГИАЦ МВД России. С помощью данного АПК за 9 месяцев 2022 г. было зафиксировано 86534342 противоправных деяния (в 2020 г. – 39601426; в 2021 г. – 37417830), в том числе с использованием терминалов экстренной связи «гражданин – полиция» – 241 (в 2020 г. – 191; в 2021 г. – 122); систем видеонаблюдения – 32263 (в 2020 г. – 1150791; в 2021 г. – 34881); комплексов автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения – 86500011 (в 2020 г. – 37706769; в 2021 г. – 37379203).

Обращает на себя внимание и количество раскрытых преступлений с использованием ПС АПК «Безопасный город»: за 9 месяцев 2022 г. – 17562 преступления (в 2020 г. – 11921; в 2021 г. – 17035). При этом за 9 месяцев 2022 г. по 271 преступлению лица, их совершившие, были задержаны на месте преступления по информации из ПС АПК «Безопасный город» (в 2020 г. – 242; в 2021 г. – 406); 290 лиц, совершивших преступления, были задержаны в результате их отслеживания по системе ПС АПК «Безопасный город», в том числе в онлайн-режиме (в 2020 г. – 204; в 2021 г. – 262); зарегистрировано 21577 преступлений, совершенных в зоне охвата видеокамер (без учета данных ЦАФАП) (в 2020 г. – 38597; в 2021 г. – 27124).

Вместе с тем необходимо отметить, что темпы развития систем видеонаблюдения существенно отстают от зарубежных тенденций как в количественном отношении, так и в качественном выражении. Если на территории РФ установлены и используются около 520 тыс. видеокамер, то, например, в Соединенных Штатах Америки – более 50 млн в Китайской Народной Республике – более 200 млн в Великобритании и Японии – более 5 млн во Вьетнаме – более 2,6 млн во Франции – 1,65 млн*.

Анализ практики показывает, что из общего числа установленных на территории РФ камер видеонаблюдения около 23 % (около 119 тыс.) имеют функциональную возможность определения биометрических параметров человека. При этом только 70 % видеокамер обеспечены выводом информации в органы внутренних дел, что негативно сказывается на решении задач раскрытия преступлений и правонарушений по «горячим следам» [4].

Обращает на себя внимание и фактическое отсутствие ПС АПК «Безопасный город» как такового в ряде регионов РФ (Республика Крым, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Саратовская область, Еврейская автономная область).

Изучение практики использования ПС АПК «Безопасный город» позволяет указать на наличие ряда недостатков, требующих устранения, к числу которых следует отнести следующие: фактическое отсутствие интеграции информационных ресурсов, соответствующей инфраструктуры для развертывания искомого АПК; низкий уровень финансирования, выделяемого на развитие АПК, что можно объяснить перераспределением финансовых потоков не на развитие АПК, а на поддержание уже функционирующих [5].

Тем не менее, в рамках развития ПС АПК «Безопасный город» и повсеместного внедрения в субъектах РФ заслуживает внимания опыт г. Москвы и Московской области, где развернут указанный АПК на базе Единого центра хранения и обработки данных (ЕЦХД),

* США заняли первое место в мире по числу камер видеонаблюдения на душу населения // URL: <https://ru-bezh.ru/kompanii-i-ryinki/news/19/12/10/ssha-zanyali-pervoe-mesto-v-mire-po-chislu-kamer-videonablyudeni> (дата обращения: 24.01.2023).

который обеспечивает функционирование подсистемы «Парсив» (Подсистема автоматической регистрации сценариев индексирования видеоинформации) в рамках идентификации и распознавания лиц, представляющих оперативный интерес.

Анализ последних статистических данных показывает, что только в г. Москве используется ПС АПК «Безопасный город» позволило раскрыть более 7,7 тыс. преступлений, 213 из которых – по линии противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ; задержать 695 разыскиваемых лиц; выявить 1576 фактов нарушения предписаний лицами, находящимися под административным надзором; установить 1591 лицо, представляющее оперативный интерес для оперативных подразделений по противодействию экстремизму.

Современное развитие АПК «Безопасный город» г. Москвы можно рассматривать как передовой опыт применения программного обеспечения с элементами искусственного интеллекта для анализа накопленной видеоинформации. Сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел получили новые возможности для выявления лиц, причастных к совершению преступлений, установления свидетелей и очевидцев, мест их фактического проживания, обстоятельств совершенных преступлений, событий, предшествующих и следующих после их совершения, для обнаружении объектов преступных посягательств, установления маршрутов передвижения объектов оперативной значимости, местонахождения автотранспорта, как похищенного, так и используемого преступниками при совершении противоправных деяний.

Следует подчеркнуть, что в идеальном варианте ПС АПК «Безопасный город» должен представлять собой интегрированный банк видеоинформации, включающий в себя потоки данных от камер видеонаблюдения, установленных на подъездах жилых домов, предприятиях, организациях, учреждениях, объектах промышленной и транспортной инфраструктуры, объектах муниципалитетов, образовательных и дошкольных учреждениях, объектах торговли, массовых развлечений и спортивных мероприятий и др. Важно иметь в виду, что с позиций обеспечения безопасности личности, общества и государства такая интеграция должна иметь односторонний порядок, исключающий возможность несанкционированного доступа, компрометации информации, контроля за действиями субъектов оперативно-розыскной деятельности.

Как отмечено Правительственной комиссией по профилактике правонарушений, требуют скорейшего разрешения вопросы принятия комплекса мер по обеспечению собственной безопасности видеосистем АПК «Безопасный город»: в частности, отнесение данного АПК к категории объектов критической инфраструктуры и придание статуса «Охраняемая законом информация» обрабатываемым и хранящимся видеоданным и фотоизображениям с разграничением прав и ролей пользователей АПК*.

В заключение отметим, что потенциал правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» не до конца реализован в силу наличия проблем материально-технического, финансового, организационного характера, что предписывает заинтересованным субъектам активизироваться и принять комплекс мер, где данный АПК должен приобрести характер инновационно-перспективного направления совершенствования деятельности информационного обеспечения деятельности оперативно-розыскных подразделений. Конечно, в связи с этим потребуются глубокие научно-технические исследования, дополнительные финансовые затраты, соответствующим образом подготовленные кадры – все те базовые условия, которые в перспективе обеспечат качественно иной уровень организации деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности.

* Решение Правительственной комиссии по профилактике правонарушений // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/sovorg/prav_kom/com_work (дата обращения: 24.01.2023).

Список источников

1. Дубынин Е. А., Космодемьянская Е. Е. Возможности использования цифровых технологий в раскрытии и расследовании преступлений: практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 31–36.
2. Щедров И. Ю. [и др.]. «Безопасный город» в регионах мира: сравнительный анализ с российской концепцией // Технологии гражданской безопасности. 2021. Т. 18. № 3. С. 56–60.
3. Елисеев А. В., Агафонов С. И. К вопросу о правоохранительном сегменте АПК «Безопасный город» // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 139–142.
4. Кузьмин Н. А., Половинка А. Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 177–180.
5. Калинина С. В., Федяева С. В. Развитие правоохранительного сегмента аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» и его роль в обеспечении безопасности граждан // Криминологический журнал. 2021. № 3. С. 116–119.

Информация об авторе

В. Б. Батоев – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НПО «СТиС» МВД России

Information about the author

V. B. Batoev – kandidat nauk, degree in Law, associate professor, Senior Researcher of the Scientific and Production Association “Special Equipment and Communications” of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 26.02.2023; принята к публикации 26.02.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 26.02.2023.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 127–132.

Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):127–132.

Научная статья
УДК 343.9

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОВОКАЦИОННЫХ РИСКОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Наталья Александровна Карпенко

Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск
nataivanova12@mai.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим в ходе проведения сотрудниками оперативных подразделений по экономической безопасности и противодействия коррупции отдельных мероприятий, направленных на документирование коррупционных и экономических преступлений, в частности провокационных рисков. Обращено внимание на необходимость единого понимания и законодательного закрепления критериев, определяющих провокацию при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, провокация, допустимость доказательств, оперативно-розыскные мероприятия, сотрудники оперативных подразделений, коррупционные и экономические преступления

Для цитирования: Карпенко Н. А. Правовые последствия провокационных рисков, возникающих в деятельности оперативных подразделений при документировании экономических и коррупционных преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1 (62). С. 127–132.

Original article

LEGAL CONSEQUENCES OF PROVOCATIVE RISKS ARISING IN THE ACTIVITIES OF OPERATIONAL UNITS IN DOCUMENTING ECONOMIC AND CORRUPTION CRIMES

Natalia A. Karpenko

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk,
nataivanova12@mai.ru

Abstract. The article is devoted to the problems that arise during the conduct by employees of operational units for economic security and anti-corruption of certain measures aimed at documenting corruption and economic crimes in particular of provocative risks. Attention is drawn to the need for a common understanding and legislative consolidation of the criteria defining provocation during operational search activities.

Keywords: results of operational-search activities, provocation, admissibility of evidence, operational-search activities, employees of operational units, corruption and economic crimes.

For citation: Karpenko N. A. Legal consequences of provocative risks arising in the activities of operational units in documenting economic and corruption crimes // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):127–132.

© Карпенко Н. А., 2023

В России коррупционные и экономические преступления серьезно подрывают авторитет действующих органов власти и наносят материальный ущерб государству. Согласно действующему антикоррупционному законодательству*, одним из приоритетных направлений деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) является противодействие коррупционным и экономическим преступлениям, совершаемым должностными лицами различных уровней и в различных отраслях экономики с использованием служебного положения.

Согласно статистическим данным, в 2022 г. в России выявлено 111 429 преступлений экономической направленности, из них 25398 коррупционных, 32391 – совершенное в крупном или особо крупном размере, 12137 – связанных со взяточничеством**.

В Хабаровском крае в 2022 г. снизилось общее число (603 преступления, 2021 г. – 850) выявленных преступлений экономической (на 28,7 %) и коррупционной (на 30,6 %) направленности. Выявлено 101 должностное преступление, 131 факт хищений (в крупном и особо крупном размере – 130 фактов), 87 фактов взяточничества. Раскрыто 369 преступлений экономической (АППГ – 448) и 135 преступлений коррупционной направленности (АППГ – 123), привлечено к уголовной ответственности 284 лица (АППГ – 366)***.

Следует отметить, что для коррупционных и экономических преступлений характерно постоянное изменение форм их совершения, которые выискивают преступники, используя пробелы в законодательстве. Поэтому методы противодействия данным преступлениям нуждаются в совершенствовании.

Так, в Хабаровском крае коррупционные и экономические преступления связаны с выводом бюджетных денежных средств из государственных предприятий, с подписанием итоговых документов о выполненных работах, которые фактически не были исполнены, с созданием различного рода организационно-правовых форм для участия в аукционах, для заключения договоров с муниципальными органами, чтобы придать законный вид противоправным действиям. При этом лоббируются интересы родственников, знакомых и друзей должностных лиц государственных органов и предприятий различных уровней, в том числе занимающих высокопоставленные должности. Данные факты выявляются и документируются сотрудниками ЭБиПК.

Например, в 2021 г. по оперативным материалам ЭБиПК следственными органами возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 286 УК РФ в отношении гр. К., который, являясь должностным лицом, а именно руководителем Межрегионального территориального управления Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Хабаровском крае и Еврейской автономной области, совершил незаконные действия с целью получения части денежных средств, выплачиваемых подчиненным ему сотрудникам в виде премий за выполнение особо важных и сложных заданий. Данные сотрудники после получения премий передавали ему часть денежных средств. Всего было передано более двух миллионов рублей.

В 2022 г. возбуждено уголовное дело по ч. 6 ст. 290 УК РФ в отношении гр. В., который являлся должностным лицом Высокогорного лесничества Ванинского района Хабаровского края и лично получил в качестве взятки более одного миллиона рублей за совершение незаконных действий, а именно за подписание акта контроля соблюдения договорных обязательств без фактической проверки участка на выполнение лесовосстановительных работ.

Также по оперативным материалам следственными органами возбуждено уголовное дело и предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ гр. Ш., который в течение

* Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

** Состояние преступности в России с января по декабрь 2022 г. Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 14.03.2023).

*** Статистические данные ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю.

двух лет, действуя в группе лиц по предварительному сговору, с использованием своего служебного положения, в рамках реализации государственных программ, направленных на привлечение трудовых ресурсов из других регионов России в целях социально-экономического и демографического развития края, с использованием деятельности подконтрольных организаций, путем обмана похитил бюджетные денежные средства в особо крупном размере – более 84 млн руб., принадлежащих комитету по труду и занятости населения Правительства Хабаровского края*.

Несмотря на положительные примеры правоприменительной практики, при документировании сотрудниками ЭБиПК коррупционных и экономических преступлений существуют провокационные риски при проведении отдельных оперативно розыскных мероприятий.

Так, довольно часто в деятельности ЭБиПК при проведении таких ОРМ, как проверочная закупка и оперативный эксперимент, возникает проблема провокации преступления в ходе фиксации и документирования преступной деятельности и оценки допустимости доказательств.

Как известно, в законодательстве Российской Федерации закреплен запрет на применение провокации при осуществлении ОРД: статья 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144–ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) запрещает органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация). Однако данное определение представляется обобщенным, оно не содержит пояснений, что именно подразумевается под склонением, подстрекательством и иными перечисленными действиями.

Для определения провокации важно узнать, как оцениваются данные действия в других источниках. Например, в своем Определении от 19 февраля 2009 г. № 91-О-О** Конституционный Суд РФ пояснил, что указанные в ст. 6 ФЗ об ОРД мероприятия должны осуществляться в соответствии с нормой, установленной ч. 8 ст. 5 этого же закона, то есть запрещено совершать действия, провоцирующие граждан.

Уголовное законодательство содержит норму (ст. 304 УК РФ), запрещающую провокацию, но лишь определенных общественно опасных деяний, таких как взятка, коммерческий подкуп либо подкуп в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, и только в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа. Провокация кражи, заказного убийства, незаконного оборота наркотических веществ и других противоправных действий остается за сферой уголовной регламентации.

Отсутствие закрепленных в нормативных правовых актах признаков провокации и точного ее определения является серьезной проблемой в правоприменительной практике оперативных подразделений ЭБиПК при документировании преступлений.

О законности проведения оперативного эксперимента, особенно по коррупционным преступлениям, существуют различные мнения. Так, Е. С. Дубоносов дает следующее определение названного ОРМ: «способ получения информации путем воспроизведения негласно контролируемых условий и объектов для проявления противоправных намерений лиц, обоснованно подозреваемых в подготовке или совершении преступлений» [1, с. 91]. Автор считает, что сутью оперативного эксперимента является конспиративное наблюдение за проверяемыми и лицами, которые находятся в разработке и входят в состав подозреваемых в подготовке или совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких.

А. Е. Чечетин определяет оперативный эксперимент как ОРМ, основанное на моделировании оперативно-розыскной ситуации, позволяющей опытным путем обнаружить противоправные действия как находящихся под контролем, так и неизвестных лиц, с целью документирования и пресечения их преступной деятельности [2, с. 115–120].

* В настоящее время ведется расследование.

** <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690717/>

Действительно, важным моментом при подготовке и проведении данного ОРМ является тот факт, что оперативные сотрудники моделируют условия, которые максимально соответствуют реальной обстановке, вызывающей определенное событие и действие под их контролем, вовлекая лицо, в отношении которого имеются данные о его противоправной деятельности, без его уведомления об участии в оперативном эксперименте. Главное, чтобы умысел на совершение преступления у этого лица возник ранее.

Особенно часто провокационные риски возникают при документировании взяток. Анализ судебно-следственной практики показывает, что ранее большинство обвинительных приговоров по делам о получении взятки основывались на доказательствах вины, полученных в результате проведения оперативного эксперимента в отношении взяткополучателя. Со временем возникла необходимость в разъяснении действующего законодательства для исключения возможности провокационных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов. Важно знать критерии отграничения провокации или подстрекательства от законного проведения оперативного эксперимента как ОРМ по делам о взятках.

Так, Пленум Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснил, что от преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 ФЗ об ОРД и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Основываясь на умозаключении о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на получение взятки не возник бы и преступление не было бы совершено, следственные органы результаты, полученные в ходе оперативного эксперимента, часто трактуют не в пользу оперативных сотрудников, и соответственно следуют решения об отказе в возбуждении уголовных дел либо их прекращении.

Важными вопросами при проведении данного ОРМ является возможность участия в этом мероприятии легендированного субъекта (лица, оказывающего содействие), а также создание условий для проведения оперативного эксперимента и его документирования.

Чтобы избежать провокационных рисков при проведении данного ОРМ, сотрудники оперативных подразделений существенно изменили подход к организации его проведения. Так, ранее к сотрудничеству могли привлекаться сторонние лица, которые на первом этапе непосредственно обращались к должностным лицам и договаривались о выполнении ими каких-либо действий в отношении обратившегося лица за денежное вознаграждение. В дальнейшем данные лица официально обращались в правоохранительные органы с заявлением о вымогательстве взятки. На основании имеющихся заявлений сотрудниками, осуществляющими ОРМ, проводился оперативный эксперимент.

При внешнем соблюдении законности в подготовке и проведении ОРМ, в документировании преступной деятельности взяткополучателя на практике в ходе следственных действий (допрос потерпевших) выявлялись факты, которые показывали, что заявитель изначально действовал под руководством оперативных сотрудников, хотя документально это ничем не подтверждается, но противоречивые показания заявителя указывают на этот факт.

Необходимость противодействия коррупционным преступлениям требует четкого определения границ между провокацией и законными действиями сотрудников правоохранительных органов в работе с оперативной информацией. Сотрудники оперативно-розыскных подразделений должны уверенно разграничивать эти действия, чтобы избежать провокации взятки и совершения должностного преступления.

Несомненно, активность оперативных подразделений при проведении ОРМ всегда будет иметь место, так как исходя из сути определения мероприятия, оперативные сотрудники создают условия для его проведения, проявляя при этом инициативу. Законность при проведении оперативного эксперимента заключается в том, чтобы не допустить создание оперативными сотрудниками таких условий, при которых взяткодатель или взяткополучатель оказываются лишенными возможности в выборе вариантов своего поведения. Провокация исключается, если ОРМ преследует цель решения задач ОРД, проводится при наличии законных оснований, умысел объекта ОРМ должен сформироваться независимо от деятельности сотрудников оперативного подразделения или лиц, оказывающих им содействие.

Оперативные подразделения ЭБиПК отказались от проведения оперативного эксперимента по коррупционным преступлениям. Документирование взяток осуществляется путем проведения «пассивных» ОРМ – ПТП, СИТКС, наблюдение с применением технических средств и др. Проведение таких ОРМ обосновывается тем, что в настоящее время практически нет обращений в правоохранительные органы с заявлением о вымогательстве взятки. Если оперативный работник проявит инициативу и начнет работать с заявителем, создавая и подготавливая условия для проведения ОРМ, то в дальнейшем судебно-следственными органами доказательства могут признаться недопустимыми, а оперативного сотрудника могут обвинить в совершении должностного преступления*.

Также возникает вопрос о критериях провокационных действий при проведении ОРМ «проверочная закупка». В данном мероприятии также оперативными сотрудниками создаются условия для совершения мнимой сделки, проводятся подготовительные мероприятия в целях документирования преступления. Но на этот счет отсутствуют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Следует отметить, что при проведении проверочной закупки по экономическим составам преступления в практической деятельности также возникают проблемы при оценке доказательств, представленных сотрудниками оперативных подразделений. Рассмотрим это положение на примере [3, с. 104].

Так, в ходе документирования факта реализации алкогольной продукции без соответствующей лицензии в крупном размере сотрудниками ЭБиПК проведено ОРМ «проверочная закупка», по результатам которого задокументирован факт преступления, а именно: гр. Ч., осознавая, что наличие лицензии на реализацию алкогольной и спиртосодержащей продукции обязательно, умышленно, из корыстных побуждений осуществил незаконную продажу этилового спирта в крупном размере. Данный факт документально зафиксирован сотрудником ЭБиПК актом ОРМ «проверочная закупка» и средствами аудио-, видеofиксации, которые, согласно установленному порядку, были использованы в суде в качестве доказательств. Районный суд г. Хабаровска вынес обвинительный приговор по ст. 171³ УК РФ в отношении гр. Ч., который, имея умысел на реализацию алкогольной продукции, разместил в соцсетях объявление о продаже спирта, а в дальнейшем реализовал его без соответствующей лицензии в крупном размере.

Однако в ходе пересмотра дела вышестоящим судом данный приговор был отменен, указано, что в действиях сотрудников правоохранительных органов имеется провокация при проведении проверочной закупки, результаты данного ОРМ признаны недопустимым доказательством, виновный освобожден от уголовной ответственности.

* Информация получена в ходе интервьюирования оперативных сотрудников ОЭБиПК УМВД России по Хабаровскому краю.

Подсудимый в ходе пересмотра дела вышестоящим судом начал менять показания, суд встал на его сторону и признал, что умысел на реализацию этилового спирта сформировался под воздействием сотрудников, а это является провокацией при проведении ОРМ, тогда как фактически подсудимый разместил объявление в соцсетях, заранее указав объем и стоимость реализуемой им продукции, таким образом умысел у подсудимого на продажу этилового спирта сформировался самостоятельно, без воздействия сотрудников полиции.

По нашему мнению, закон должен соблюдать баланс между интересами сторон, в частности, стремление оперативных работников выявить преступление не должно повсеместно рассматриваться как провокация, так как проведение некоторых ОРМ уже предполагает создание определенных условий для фиксации преступных действий. Как показывает практика, довольно часто со стороны преступника с целью своей защиты предпринимаются меры противодействия для обвинения инициаторов проведения ОРМ в нарушении закона*.

Необходимо давать тщательную оценку всем обстоятельствам. Провокационные риски могут возникать при проведении многих ОРМ, в том числе оперативного эксперимента и проверочной закупки, с помощью которых оперативные сотрудники фиксируют преступную деятельность путем активного вовлечения лица, имеющего заранее возникший преступный умысел, в оперативно-розыскное мероприятие в целях документирования, собирания и закрепления фактов, которые в дальнейшем будут являться надлежащими доказательствами. В случае законодательной трактовки судебно-следственными органами критериев провокации и законности ОРМ не в пользу оперативных сотрудников, значение ОРД и необходимость проведения ОРМ теряет свою функциональность, и преступники по отдельным составам коррупционных и экономических преступлений будут оставаться безнаказанными. После вынесения оправдательных решений в отношении лиц, совершающих противоправные деяния экономического и коррупционного характера, задокументировать их преступную деятельность проблематично, так как преступники уже знают, как избежать уголовной ответственности.

Проанализировав вышеизложенные доводы, следует заключить, что эффективность противодействия коррупционным и экономическим преступлениям зависит от наличия единого понимания и применения правоохранительными и судебно-следственными органами критериев провокации при проведении ОРМ, для этого требуется законодательное их закрепление.

Список источников:

1. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум. 6-е изд. М.: Юрайт, 2019. – 379 с.
2. Чечетин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятия: монография. М.: ИД Шумиловой И. И., 2006.
3. Карпенко Н. А. О проблемах, возникающих при оценке доказательств, полученных в ходе проведения ОРМ, направленных на выявление преступлений, предусмотренных ст. 171.3 УК РФ // Вестник ДВЮИ МВД России. 2022. № 2 (44). С. 104–110.

Информация об авторе

Н. А. Карпенко – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел

Information about the author

N. A. Karpenko – kandidat nauk, degree in Law, Associate Professor of the Department of operational-investigative activity of enforcement bodies

Статья поступила в редакцию 16.03.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted 16.03.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.

* Сведения получены в ходе интервьюирования сотрудников ОБЭП и ПК УМВД России по г. Хабаровску.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62).
С. 133–140.
Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;
№ 1(62):133–140.
Научная статья
УДК 343.9

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ФОРМАТЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СНГ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Петр Николаевич Кобец¹, Илья Викторович Никитенко²

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва
vnii04@tn.mvd.ru

² Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск
dfvnii@mail.ru

Аннотация. Важность рассматриваемых в работе вопросов обусловлена актуальностью проблем оперативного взаимодействия правоохранительных органов в формате приграничного сотрудничества государств. В связи с этим авторами рассмотрены организационные и правовые аспекты приграничного сотрудничества правоохранительных органов, которые в период сложной геополитической ситуации представляют научный и практический интерес с позиций обеспечения безопасности России.

Ключевые слова: безопасность Российской Федерации, приграничное сотрудничество, законодательное регулирование, правовые и организационные основы, Таможенный союз, борьба с трансграничной преступностью, международное сотрудничество, предупреждение преступности, раскрытие преступлений, профилактические мероприятия.

Для цитирования: Кобец П. Н., Никитенко И. В. Правовое обеспечение предупреждения трансграничной преступности в формате полицейского сотрудничества стран СНГ: ретроспективный анализ // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2023. № 1(62). С. 133–140.

© Кобец П. Н., Никитенко И. В., 2023

Original article

LEGAL SUPPORT FOR THE PREVENTION OF CROSS-BORDER CRIME IN THE FORMAT OF POLICE COOPERATION IN THE CIS-COUNTRIES: RETROSPECTIVE ANALYSIS

Peter N. Kobets¹, Ilya V. Nikitenko²

¹ Russian research Institute of Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow
vnii04@tn.mvd.ru

² Far Eastern Institute Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk
dfvnii@mail.ru

Abstract. The importance of the problems considered in this paper is due to the particular relevance of improving coordination and increasing the level of efficiency in addressing the development and implementation of activities within the framework of cross-border cooperation between law enforcement agencies in the field of combating crime. In this regard, the team of authors in the present scientific work considered the organizational and legal foundations of cross-border cooperation between law enforcement agencies, which are of great scientific and practical interest during a difficult geopolitical situation, since they contribute to the improvement of activities to ensure the security of the Russian Federation.

Keywords: security of the Russian Federation, cross-border cooperation, legislative regulation, legal and organizational framework, Customs Union, combating cross-border crime, international cooperation, crime prevention, detection of crimes, preventive measures

For citation: Kobets P. N., Nikitenko I. V. Legal support for the prevention of cross-border crime in the format of police cooperation in the CIS-countries: retrospective analysis // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023; 1(62):133–140.

Сегодня очевидно, что глобальные противоречия и связанные с ними вызовы влияют на безопасность не только отдельных стран, но и межгосударственных организаций. Одним из подобных объединений является Содружество Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество).

Распад СССР привел к осознанной необходимости формирования на постсоветской территории нового политико-экономического союза из вновь образованных субъектов международного права, получивших статус независимых государств. Вероятно, что целесообразность подобной интеграции была обусловлена стремлением к перманентному, сохраняющему преемственность от прежней общественной экономической формации переходу в новую политическую реальность, которая впоследствии, как показала практика, породила и новые противоречия. Многие из этих противоречий сегодня рассматриваются как криминогенные факторы, оказавшие существенное влияние на криминальную ситуацию, которая в новых условиях определяется специалистами в масштабе трансграничной и транснациональной преступности. К подобным криминогенным факторам относятся: передел сфер экономического влияния (собственности, товарно-сырьевых и финансовых рынков); ослабление прежних и организации новых, но менее контролируемых государствами, а следовательно, способствующих росту контрабанды логистических схем; рост миграционной активности вообще, вынужденной и нелегальной миграции в частности; актуализация застарелых территориальных споров, обусловленных историко-правовыми, этнокультурными и иными причинами (конфликт между Арменией и Азербайджаном, Киргизией и Таджикистаном) [1].

Среди перечисленных криминогенных факторов наиболее значимыми можно назвать те, которые способствуют вынужденной миграции и особенно ее нелегальной составляющей. Вместе с тем известно, что именно на постсоветском пространстве в 1990-х и 2000-х гг.

отмечался интенсивный рост вынужденной миграции, значительная доля которой осуществлялась без соблюдения правил миграционного законодательства, имела признаки миграционных деликтов и даже преступлений. В этот же период наблюдался интенсивный рост трансграничной преступности как в европейской, так и азиатской части России, что может свидетельствовать о некоторой взаимосвязи такой преступности и интенсивности миграционных процессов [2].

Криминологический взгляд на происходящие события в рассматриваемый период позволяет прийти к пониманию обоснованной целесообразности принятых мер, направленных на формирование системы полицейского сотрудничества во вновь образованном Содружестве, что, вероятно, способствовало приобретению нового опыта объединения усилий в вопросах противодействия трансграничной преступности, включая работу по формированию соответствующей правовой базы. В связи с этим вопросы приграничного взаимодействия стали важной составляющей развития межгосударственных связей в вопросах обеспечения национальной безопасности.

Проблематика развития приграничного сотрудничества регулярно обсуждаются как на внутригосударственном, так и межправительственном уровнях. Так, в декабре 2020 г. состоялось заседание Совета глав государств Содружества, на котором лидеры государств утвердили концепцию дальнейшего развития СНГ и план основных мероприятий по ее реализации. Кроме того, достигнуты межправительственные соглашения о сотрудничестве в сфере противодействия криминальным угрозам и вызовам международного и трансграничного уровней*. Подобные соглашения направлены на развитие многопланового взаимодействия государств Содружества в сфере укрепления пограничной безопасности в условиях усиления мировых противоречий и общей неопределенности.

Следует отметить, что особое внимание вопросам противодействия преступности на приграничных территориях уделяется руководством Российской Федерации. Так, выступая на заседании коллегии ФСБ России 24 февраля 2021 г., Президент Российской Федерации указал на сохранение опасно высокого уровня глобальных вызовов и сформулировал основные задачи для правоохранительных органов, участвующих в обеспечении национальной безопасности. Среди приоритетных направлений отмечены: развитие технических средств обеспечивающих неприкосновенность государственной границы Российской Федерации, совершенствование пограничной инфраструктуры, усиление мер по предотвращению террористических угроз и организации каналов незаконной миграции, контрабанды наркосодержащих веществ, оружия и других предметов оборот которых ограничен, либо находящихся в особом правовом режиме перемещения через государственную и таможенную границу Российской Федерации**.

Аналитический обзор положения дел в исследуемой области целесообразно начать с того, что отражением перемен на пространствах бывшего Советского Союза стало формирование новых границ, 11 850 километров из которых, приходится сегодня на границы России с государствами СНГ. Известно и то, что 48 субъектов Российской Федерации занимают приграничное или прибрежное положение, 26 из них имеют границы со странами Содружества. При этом необходимо подчеркнуть, что населенные пункты новых приграничных регионов в условиях СССР развивались как единые системы, а ослабление этих связей причинило ущерб градообразующему потенциалу городов, резко ограничило социальную и экономическую основы их развития [3, с. 86].

Однако круг проблем, сопутствующих распаду СССР, связанных прежде всего с разрывом сложившихся связей и невозможностью технического обустройства новых межгосударственных границ, заставили новых субъектов международного права искать возможности

* URL: <https://cis.minsk.by/news/17413/> (дата обращения: 28.10.2022).

** URL: <http://guardinfo.online> (дата обращения: 28.10.2022).

для смягчения этих проблем путем создания межгосударственных региональных организаций среди которых СНГ, Таможенный Союз, преобразованный в Евразийское экономическое сообщество, Союзное государство Россия – Белоруссия, а также ЦАС (ЦАЭС) в Центральной Азии.

Важно напомнить о том, что граничащие страны в первое время после распада СССР стремились нивелировать негативные последствия для безопасности и экономики, возникшие в связи с появлением новых границ. Большое внимание в тот период уделялось количеству пограничных пунктов пропуска, которые должны были обеспечить сложившиеся потребности в трансграничном взаимодействии. Так, с середины 1990-х гг. началось упорядочение правил пересечения гражданами и транспортными средствами государственных границ, и до 1998 г. граждане и транспортные средства России и Казахстана имели возможность произвольно пересекать государственную границу, пока не было подписано межправительственное Соглашение о пунктах пропуска через российско-казахстанскую государственную границу. Аналогичные соглашения впоследствии были заключены и между другими государствами Содружества, включая Киргизию, Таджикистан и Узбекистан.

Следует отметить, что странами Содружества в интересах развития приграничных территорий в Бишкеке 10 октября 2008 г. была заключена Конвенция о приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ, в соответствии с которой стороны обязались способствовать осуществлению приграничного сотрудничества в правоохранительной сфере. Указанная Конвенция была ратифицирована Российской Федерацией в 2009 г., она содержит определение дефиниции «приграничное сотрудничество», под которым понимаются «согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между приграничными территориями, заключение в соответствии с законодательством Сторон соглашений, необходимых для достижения этих целей».

В целях реализации государственной политики по развитию приграничного сотрудничества Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р была утверждена Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Ее цель заключается в укреплении связей между приграничными российскими территориями и сопредельными государствами. Указанный нормативный правовой акт определил понятие приграничного сотрудничества на национальном уровне.

Сегодня сотрудничество правоохранительных органов сопредельных государств имеет стратегическое значение. Современные угрозы и вызовы безопасности диктуют необходимость дальнейшего укрепления взаимодействия в борьбе с транснациональной преступностью, обеспечения правопорядка и безопасности на объектах сопряженных транспортных систем этих стран [4, с. 122]. Целесообразность же дальнейшей работы по укреплению приграничного сотрудничества с партнерами из СНГ является одной из приоритетных задач международной составляющей деятельности МВД (полиции) государств – участников СНГ [5, с. 73].

Правовой основой сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с преступностью является ряд международных правовых актов, определивших стратегию дальнейшего развития правового обеспечения указанного направления правоохранительной деятельности. Подобное взаимодействие осуществляется также на основании Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019–2023 годы, принятой Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств 28 сентября 2018 г.*

Необходимо указать, что основным элементом созданной организационно-правовой системы является договорная база, включающая концептуальные документы по каждому конкретному направлению сотрудничества: борьба с организованной преступностью, терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, незаконной миграцией и другими криминальными явлениями.

* URL: <https://e-cis.info/cooperation/3192/83381/> (дата обращения: 28.10.2022).

Важное место в нормативном правовом обеспечении сотрудничества стран Содружества по борьбе с преступностью занимают межведомственные акты, принятые в рамках органов отраслевого сотрудничества СНГ. Так, например, 31 мая 2019 г. в Ташкенте на заседании СМВД СНГ была принята Концепция сотрудничества министерств внутренних дел государств – участников СНГ на период до 2030 года, которая закрепляет принципы, цели, задачи, основные направления и формы взаимодействия, механизмы его материально-технического, финансового, ресурсного обеспечения*.

В Концепции сформулирован ряд положений, направленных на совершенствование координации совместных действий правоохранительных и других компетентных органов стран Содружества, осуществляющих борьбу с трансграничной преступностью во всех формах ее проявления. Эти положения основываются на общепризнанных принципах и нормах международного права, международных правовых актах СНГ в сфере борьбы с преступностью, решениях СМВД СНГ, а также положениях модельных законодательных актов и иных документов Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, относящихся к сфере безопасности и правопорядка**.

Как представляется, ратификация указанного документа подтверждает заинтересованность стран Содружества в координации усилий, направленных на противодействие трансграничной преступности. Важно, что закрепленные на нормативном правовом уровне намерения свидетельствуют о переосмыслении новых угроз и вызовов, эффективное противодействие которым возможно при готовности стран Содружества к обмену оперативной информацией, оказанию правовой помощи, а при необходимости и к консолидации усилий национальных полицейских структур.

Правовое регулирование приграничного сотрудничества в настоящее время позволяет на должном уровне организовывать проведение профилактических мероприятий и специальных операций по противодействию нелегальной миграции и торговле людьми [6, с. 65], обеспечивать проведение проверочных мероприятий в отношении иностранных граждан, причастных к совершению преступлений экстремистской направленности и террористического характера, организовывать обмен информацией о лицах третьих стран, в отношении которых проводятся проверочные мероприятия о законности пребывания их на территории РФ, обеспечивать обмен информацией о гражданах третьих государств, имеющих намерения выехать на территорию другой стороны без визы на въезд, проводить различные согласованные оперативно-профилактические мероприятия [7, с. 80].

Правовое регулирование приграничного сотрудничества также помогает проводить совместную работу по установлению лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, находящихся на сопредельных территориях, а также о лицах, причастных к совершению тяжких и особо тяжких преступлений против личности, совершенных на приграничной территории, если есть основания полагать, что они могут скрываться на территории сопредельного государства [8, с. 43].

Следует отметить, что организация взаимной практической помощи в задержании преступников, находящихся в розыске, характеризуется высоким уровнем взаимодействия правоохранителей. Данная работа проводится как при повседневной деятельности, так и в рамках межгосударственного оперативно-профилактического мероприятия «Розыск» [9, с. 50].

В соответствии с правовым регламентом межгосударственного приграничного сотрудничества организуется взаимодействие правоохранительных, таможенных, пограничных органов, которые реализуют мероприятия, направленные на выявление и пресечение каналов незаконного перемещения подакцизных товаров, технических средств бытового и иного назначения, ювелирных изделий и драгоценных камней, валюты, продуктов нефти

* URL: <https://zonakz.net> (дата обращения: 28.10.2022).

** URL: <https://studfile.net/preview/16409299/> (дата обращения: 28.10.2022).

и газа переработки, лома и отходов черных и цветных металлов, товаров третьих стран, ввозимых под видом товаров Таможенного союза. Особое внимание уделяется контролю за ввозом и вывозом культурных ценностей и сырьевых ресурсов, имеющих стратегическое значение [10, с. 68].

Высокий уровень интеграции Российской Федерации, Беларуси и Казахстана, а также схожесть исторических, географических, экономических и социально-культурных условий жизнедеятельности обуславливают стремление к сотрудничеству, включая правоохранительную сферу. Сегодня многие из аналитиков сходятся во мнении, что противодействие преступности в приграничных районах этих государств является одним из важнейших направлений оперативно-служебной деятельности. Сотрудничество органов внутренних дел МВД Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан приграничных областей основывается на совершенствовании взаимодействия по выявлению трансграничных преступлений и виновных в их совершении лиц. В связи с этим следует обратить внимание на результаты совместной деятельности сотрудничающих полицейских структур в неоднократном выявлении на приграничных территориях организованных преступных групп, занимающихся организацией незаконной миграции, контрабандой запрещенных предметов и предметов, оборот которых ограничен либо регламентируется специальными правилами. Кроме того, в результате совместных полицейских операций неоднократно предотвращались попытки экстремистской и иной угрожающей безопасности государств деятельности.

Также к основным результатам взаимодействия полицейских органов следует отнести общее снижение уровня преступности, декриминализацию ряда сфер экономики, ослабление позиций организованной преступности, оздоровление обстановки в общественных местах, наработанный практический опыт совместного выявления и задержания лиц, находящихся в межгосударственном розыске, проведение согласованных оперативно-профилактических мероприятий [11].

Анализ правового обеспечения в области противодействия трансграничной преступности посредством полицейского взаимодействия стран, входящих в Содружество Независимых Государств, позволил выделить несколько приоритетных направлений подобного взаимодействия, краткое содержание которых в той или иной форме закреплено в соответствующих межправительственных соглашениях и планах совместных мероприятий*.

Так, с учетом анализа состояния приграничного сотрудничества дальнейшие скоординированные усилия целесообразно направить:

- на противодействие преступному промыслу групп и преступных сообществ, действующих на приграничных территориях;
- выявление и пресечение деятельности лиц и организаций, причастных к совершению экстремистской деятельности;
- противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- выявление и ликвидацию каналов незаконной миграции и связанных с этим явлением, иной незаконной деятельности, включая обеспечение функционирования подобных каналов;
- выявление и пресечение деятельности лиц и организаций, специализирующихся на кражах и угонах автотранспортных средств;
- борьбу с хищениями сельскохозяйственных животных на приграничных территориях;
- выявление и пресечение браконьерства, особенно на тех приграничных природных территориях, на которые распространяется режим особо охраняемых территорий;

* См.: Концепция сотрудничества министерств внутренних дел (полиции) государств – участников СНГ на период до 2030 года; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам; Соглашение о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Республики Беларусь; Распоряжение Правительства РФ от 7 октября 2020 г. № 2577-р «О Концепции приграничного сотрудничества в РФ».

– выявление и ликвидацию каналов контрабанды, включая сопутствующую деятельность, обеспечивающую функционирование подобных каналов.

Необходимо продолжать проведение мероприятий, направленных на совершенствование деятельности по обмену оперативной и иной информацией о лицах, совершающих преступления на территориях приграничных областей; качественное и своевременное выполнение запросов об оказании содействия, обеспечивая их исполнение, по возможности, в срок не более 30 суток, а в особых случаях – не более 10 суток с даты их поступления; исходя из складывающейся оперативной обстановки, осуществлять взаимное информирование полицейских структур о расстановке нарядов дорожно-патрульной службы, и лицах, скрывшихся с мест дорожно-транспортных происшествий.

Также важно продолжать совершенствовать работу по согласованию и проведению мероприятий по обеспечению законности и правопорядка на приграничных территориях, по розыску и задержанию преступников, совершивших кражу (угон) автомобиля; заниматься обеспечением проведения на объездных автомобильных дорогах, расположенных около границы Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, в праздничные и выходные дни и предшествующие им сутки, согласованных рейдовых мероприятий, направленных на повышение безопасности дорожного движения. Необходимо совершенствовать работу по информационному обмену, направленному на принятие организационных и практических мер по обеспечению общественного порядка и безопасности в период проведения массовых мероприятий международного характера в приграничных регионах (спортивные состязания, экономические и культурные форумы).

Следует также отметить, что отдельные виды преступлений, которые были совершены с признаками организованных форм преступной деятельности, на приграничных территориях совершаются преимущественно в формате преступных сообществ, имеющих устойчивые связи на территориях соседних государств [12, с. 92]. В связи с этим укрепление взаимодействия в борьбе с трансграничной преступностью, обеспечение правопорядка и безопасности на объектах сопряженных транспортных систем государств – участников СНГ в рамках международного полицейского взаимодействия приобретают все большую актуальность, придавая приграничному сотрудничеству правоохранительных органов сопредельных государств ключевое значение, определяя векторы дальнейшего развития. Представляется объективным, что государства, действуя только в рамках своих национальных территорий, не в состоянии самостоятельно справиться с трансграничной преступностью.

Одним из наиболее эффективных способов противодействия трансграничной преступности является тесное сотрудничество всех правоохранительных органов нашей страны со своими зарубежными коллегами. Важность данного направления деятельности обуславливает постоянное внимание органов координации полицейского взаимодействия на уровне СНГ к состоянию международного сотрудничества при раскрытии общеуголовных преступлений. По мнению некоторых аналитиков, уже сегодня можно задуматься о создании в масштабе СНГ, ОДКБ либо иных подобных региональных организаций, межгосударственного законодательного концепта, определяющего полномочия, цели, задачи и приоритетные направления уголовной юстиции в сфере противодействия трансграничной и трансграничной преступности в масштабах Содружества Независимых Государств.

Список источников

1. Никитенко И. В. Криминологическая типология территорий Азиатской части России в контексте региональной специфики миграционных процессов // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28). С. 50–54.
2. Никитенко И. В. Криминальная миграция в Азиатской части России: историко-правовой очерк // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 42–47.
3. Кобец П. Н. Актуальные проблемы изучения преступности граждан стран СНГ в Московском мегаполисе // Адъюнктура ВНИИ МВД России – 30 лет: итоги и перспективы: тезисы науч.-практ. конф., Москва, 30 октября 2000 г. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С. 85–87.

4. Мигачев Ю. И. Рецензия на научно-практическое пособие «Международное сотрудничество МВД России в сфере борьбы с трансграничной преступностью / под общ. ред. И. Э. Никитиной» // Государство и право. 2016. № 7. С. 122–123.
5. Ревин В. П. Международные меры борьбы с транснациональной организованной преступностью: правовые подходы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 2 (7). С. 72–81.
6. Васильченко Д. А. Особенности нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при раскрытии трансграничных преступлений // Оперативно-розыскное противодействие организованной преступности: мат-лы рег. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2015. С. 64–71.
7. Кобец П. Н. Совершенствование совместного научного сотрудничества органов внутренних дел МВД (полиции) государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с преступностью // Взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб государств – участников СНГ в сфере борьбы с преступностью: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М.: Моск. академия СК РФ, 2020. С. 79–83.
8. Ивашук В. К. Проблемы правового регулирования международного сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с преступностью // Сборник материалов рабочей встречи руководителей подразделений уголовного розыска МВД (полиции) и иных правоохранительных органов государств – участников СНГ. Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. С. 42–46.
9. Ивашук В. К. Актуальные проблемы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью // Международное сотрудничество органов внутренних дел в борьбе с преступностью: сб. статей участников междувед. науч.-практ. семинара. М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 49–61.
10. Громова О. Н., Ивашук В. К. Основы международного сотрудничества органов внутренних дел в борьбе с преступностью: курс лекций / под ред. В. М. Аتماжитова. М.: Академия управления МВД России, 2012. – 248 с.
11. Состояние приграничного сотрудничества МВД (полиции) государств – участников СНГ: аналит. обзор с предложениями / П. Н. Кобец [и др.]. М.: ВНИИ МВД России, 2021. – 46 с.
12. Широных Ю. Б. Организация и проведение ОРМ, направленных на борьбу с незаконным оборотом наркотиков, в условиях приграничья (по материалам органов наркоконтроля) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2005. № 8. С. 91–93.

Информация об авторах

П. Н. Кобец – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России;

И. В. Никитенко – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ДВЮИ МВД России

Information about the authors

Peter N. Kobets – doctor of law, professor, chief researcher at the Russian research Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ilya V. Nikitenko – doctor of law, associate professor, professor of the department of criminal law and criminology of the Far Eastern Institute Ministry of Internal Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; принята к публикации 17.01.2023.

The article was submitted 16.01.2023; accepted for publication 17.01.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

Текст представленной работы должен содержать: введение (вводную часть), основную часть и заключение (заключительная часть). Объем каждой из частей и их соотношение определяются автором, исходя из особенностей статьи.

Вводная часть работы, как правило, служит для обоснования автором целесообразности и/или актуальности темы (научной разработки, проблемы, вопроса или задачи). В ней же формулируется основной замысел или причина, побудившая автора к проведению углубленного исследования темы и поиску решения проблемного вопроса (ситуации).

Основная часть служит для раскрытия содержательных и/или доказательных аспектов рассматриваемой темы (проблемы, вопроса или задачи) исследования. Здесь необходимо подробно изложить суть проблемы, провести ее анализ, обосновать решения и конкретные приемы (способы, методы), предлагаемые автором, отразить результаты, полученные путем анализа и синтеза, а также привести достаточные основания и доказательства, подтверждающие их достоверность.

В заключении (заключительной части) автором формулируются обобщенные выводы, основные рекомендации или предложения; приводятся иные итоги проведенного исследования; прогнозы и/или перспективы развития темы, а также возможности и сферы их использования; могут указываться направления дальнейших исследований и разработок автора.

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: <https://media.mvd.ru/files/application/1584044>) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru).

5. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

6. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

7. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейного библиографического списка. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Пристатейный список литературы размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованные при написании статьи литературные и другие источники.

8. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

9. Статья должна иметь шифр УДК.

10. Технические требования к статьям:

– набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

– название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

11. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

12. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

13. Плата за опубликование статей не взимается.

14. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте (e-mail). При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России,

редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник ДВЮИ МВД России».